

ISSN 2409-8647

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ и ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Дегтярев Александр Николаевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Aleks-degt@yandex.ru

ISSN: 2409-8647

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Degtyarev Aleksandr Nikolaevich, doktor ekonomiceskikh nauk, kandidat tekhnicheskikh nauk, Aleks-degt@yandex.ru

ISSN: 2409-8647

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор, 49, Ленинградский проспект, г. Москва, 125993. NIMorozko@fa.ru

Овчаров Антон Олегович – доктор экономических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23, anton19742006@yandex.ru

Стрыгин Андрей Вадимович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая экономика» МАДИ, профессор факультета логистики и общетранспортных проблем, директор Центра РАС ООН в МАДИ «международная транспортная политика» 125319. г. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 346. strygin@inbox.ru

Ефименко Дмитрий Борисович – доктор технических наук, доцент по кафедре транспортной телематики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), декан факультета логистики и общетранспортных проблем, заведующий кафедрой «Правовое и таможенное регулирование на транспорте» МАДИ, 125319. г. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 207л. ed2002@mail.ru

Шульц Владимир Леопольдович – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента Российской академии наук, доктор философских наук, директор Центра исследования проблем безопасности РАН, председатель редакционного совета. 119991 Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32;

Дегтярев Александр Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета, заслуженный деятель науки РБ. 450008, Россия, г. Уфа, ул. Кирова, 15. Академия наук Республики Башкортостан

Дудов Азнаур Сапарович – доктор экономических наук, профессор, ректор Кисловодского института экономики и права, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики. 357700, Россия, ул. Розы Люксембург, 42, г. Кисловодск, Ставропольский край.

Епифанцев Сергей Николаевич – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Зайнашева Зарима Гафаровна – доктор экономических наук, профессор Уфимского государственного университета экономики и сервиса, Почетный работник высшего образования России, 450000, Россия, ул. Чернышевского, 145. г. Уфа, Республика Башкортостан.

Кульба Владимир Васильевич – доктор технических наук, профессор, заведующий отделом Института проблем управления имени В.А. Трапезникова. Россия, 117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная, 65;

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Кормишкина Людмила Александровна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Кормишкин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Бурда Алексей Григорьевич - доктор экономических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Заведующий кафедрой экономической кибернетики, 350044, Россия, Краснодарский край край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, 13, корпус 44, кв. 9, agburda@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Крюков Сергей Владимирович - доктор экономических наук, ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", профессор экономического факультета, 344013, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пестеля, 43, кв. 1, svkrukov@sfedu.ru

Кузнецов Николай Владимирович - доктор экономических наук, ФГОБУ ВО "Государственный университет управления", Заведующий кафедрой "Статистика", ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Директор Центра стратегического прогнозирования и планирования, 107014, Россия, г. Москва, ул. 4-я Сокольническая, 3, кв. 82, nkuznetsov@outlook.com

Леденёва Марина Викторовна - доктор экономических наук, Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО "Волгоградский институт бизнеса", Профессор кафедры экономики и управления, 404127, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Дружбы, 45, кв. 121, mledenjova@yandex.ru

Мурзин Антон Дмитриевич - доктор технических наук, Южный федеральный университет, доцент, зам. декана факультета управления, Донской государственный технический университет, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Профессор, 344012, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, каб. 216, admurzin@yandex.ru

Овчаров Антон Олегович - доктор экономических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,

профессор кафедры бухгалтерского учета, главный научный сотрудник Центра макро и микроэкономики, 603135, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 45 корпус 3, кв. 47, anton19742006@yandex.ru

Ширинкина Елена Викторовна - доктор экономических наук, Сургутский государственный университет, заведующий кафедрой менеджмента и бизнеса, 628412, Россия, г. Сургут, ул. Гагарина, 12, кв. 201, shirinkina86@yandex.ru

Editorial collegium

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics" , Advisor to the General Director, 12 Kosmonavta Volkova str., 127299, Moscow, batkovskiy_a@instel.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993. NIMorozko@fa.ru

Ovcharov Anton Olegovich – Doctor of Economics, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 23 , anton19742006@yandex.ru

Andrey V. Strygin – Doctor of Economics, Professor of the Department of "World Economy" MADI, Professor of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Director of the UN RAS Center in MADI "International Transport Policy" 125319. Moscow, Leningradsky ave., 64, of. Z46. strygin@inbox.ru

Efimenko Dmitry Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Dean of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Head of the Department of "Legal and Customs Regulation in Transport" MADI, 125319. Moscow, Leningradsky Ave., 64, office 207l. ed2002@mail.ru

Vladimir Leopoldovich Shultz – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board. 32 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991 Russia;

Degtyarev Alexander Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of Ufa State Petroleum Technical University, Honored Scientist RB. 450008, Russia, Ufa, Kirova str., 15. Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

Dudov Aznaur Saparovich - Doctor of Economics, Professor, Rector of the Kislovodsk Institute of Economics and Law, Honored Scientist of the Karachay-Cherkess Republic. 357700, Russia, Rosa Luxemburg str., 42, Kislovodsk, Stavropol Territory.

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Zainasheva Zarima Gafarovna - Doctor of Economics, Professor of Ufa State University of Economics and Service, Honorary Worker of Higher Education of Russia, 450000, Russia, Chernyshevsky str., 145. Ufa, Republic of Bashkortostan.

Kulba Vladimir Vasilyevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of the V.A. Trapeznikov Institute of Management Problems. Russia, 117997, Russia, Moscow, Trade Union, 65;

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Lyudmila Kormishkina - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Burda Alexey Grigorievich - Doctor of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Head of the Department of Economic Cybernetics, 350044, Russia, Krasnodar Krai, Krasnodar, Kalinin str., 13, building 44, sq. 9, agburda@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Sergey V. Kryukov - Doctor of Economics, Southern Federal University, Professor of the Faculty of Economics, Rostov-on-Don, 43 Pestel str., sq. 1, 344013, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, svkrukov@sedu.ru

Kuznetsov Nikolay Vladimirovich - Doctor of Economics, State University of Management, Head of the Department of Statistics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Director of the Center for Strategic Forecasting and Planning, 107014, Russia, Moscow, 4th Sokolnicheskaya str., 3, sq. 82, nkuznetsov@outlook.com

Ledeneva Marina Viktorovna - Doctor of Economics, Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Management and Marketing, ANO VO "Volgograd Institute of Business", Professor of the Department of Economics and Management, 404127, Russia, Volgograd region, Volzhsky, Druzhby str., 45, sq. 121, mledenjova@yandex.ru

Anton Dmitrievich Murzin - Doctor of Technical Sciences, Southern Federal University, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Management, Don State Technical University, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, 344012, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 216, admurzin@yandex.ru

Ovcharov Anton Olegovich - Doctor of Economics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of Accounting Department, Chief Researcher of the Center for Macro and Microeconomics, 603135, Russia, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 45 building 3, sq. 47, anton19742006@yandex.ru

Shirinkina Elena Viktorovna - Doctor of Economics, Surgut State University, Head of the Department of Management and Business, 628412, Russia, Surgut, Gagarina str., 12, sq. 201, shirinkina86@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

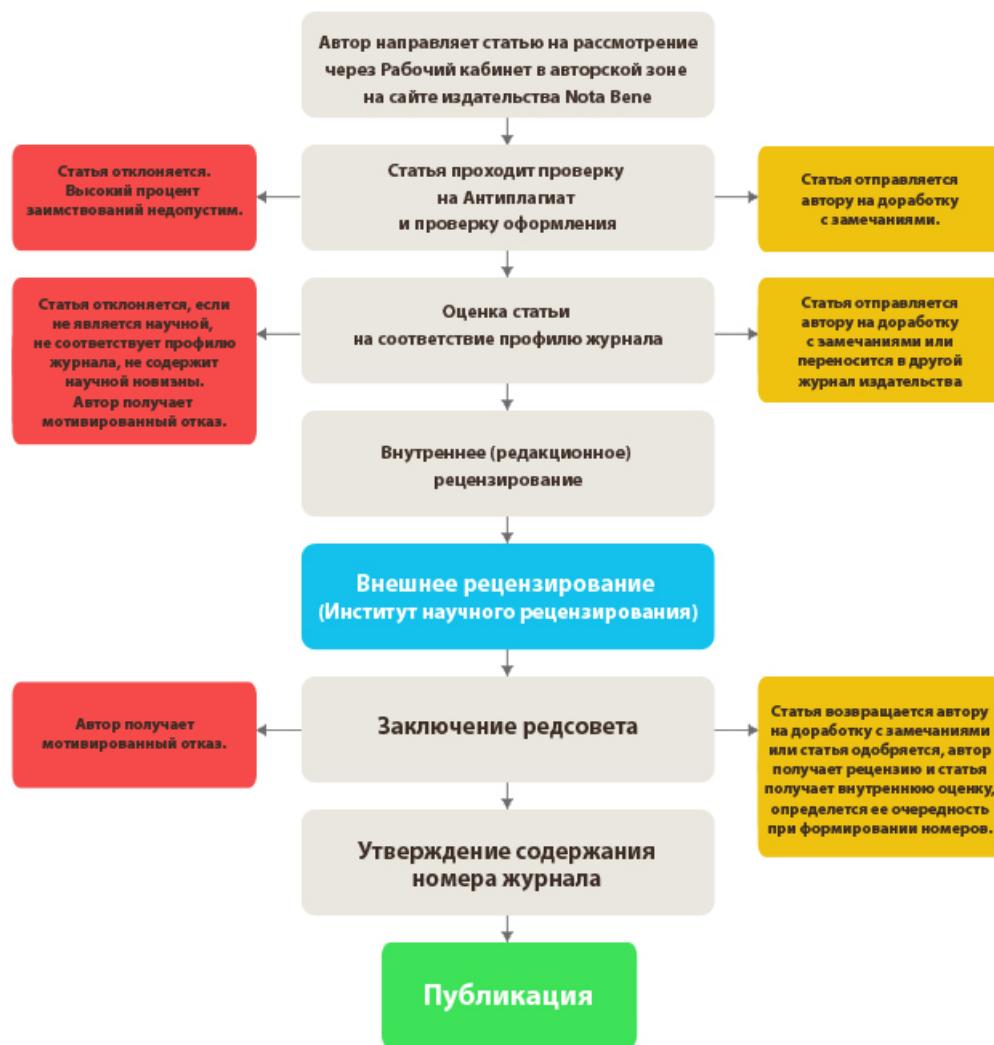
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ковалев В.А. Стратегическое планирование как элемент управления развитием пенсионной системы Российской Федерации: проблемы и решения	1
Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы	26
Чихирева Н.В., Альпидовская М.Л. Человеческий потенциал в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы	45
Макаров И.М. Операционализация теории прогнозирования дефолта: концептуальная модель	66
Феоктистова К.И. Инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов: теоретический подход к управлению и практика реализации в ДФО	87
Англоязычные метаданные	107

Contents

Kovalev V.A. Strategic planning as an element of management of the development of the pension system of the Russian Federation	1
Lavrikova Y.G., Suvorova A.V. Macro-regions in the Russian system of territorial administration: problems and prospects	26
Chikhireva N.V., Alpidovskaya M.L. Human potential in the system of indicators of the national wealth of the country in the context of the transformation of the socio-economic system	45
Makarov I.M. Operationalization of the theory of forecasting default: a conceptual model	66
Feoktistova K.I. Regional economic policy instruments towards changing the quality of institutions: theoretical approach to analysis and implementation in the Russian Far East	87
Metadata in english	107

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Ковалев В.А. Стратегическое планирование как элемент управления развитием пенсионной системы Российской Федерации: проблемы и решения // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.71921 EDN: RIJEMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71921

Стратегическое планирование как элемент управления развитием пенсионной системы Российской Федерации: проблемы и решения

Ковалев Владислав Алексеевич

ORCID: 0009-0000-2110-6400

студент; кафедра общественных финансов; Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49/2

✉ kovalevdocs@mail.ru

[Статья из рубрики "Финансы, денежно-кредитные отношения и инвестиции"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2024.4.71921

EDN:

RIJEMW

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2024

Дата публикации:

13-10-2024

Аннотация: Объектом исследования является пенсионная система Российской Федерации, предметом – долгосрочное стратегическое планирование развития национальной пенсионной системы. Цель работы – разработать предложения по совершенствованию стратегического планирования развития пенсионной системы Российской Федерации. Особое внимание уделяется структуре и ключевым положениям Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года («Стратегии»), возможности оценки её реализации, сопоставимости параметров функционирования российской пенсионной системы и данных долгосрочного бюджетного прогноза и прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации, взаимоувязке целей и задач Стратегии и национальных целей развития Российской

Федерации, позволяющей вырабатывать и реализовывать комплексную и согласованную государственную политику в сфере пенсионного обеспечения населения. В статье рассмотрена целесообразность сохранения действующих высокоуровневых целей Стратегии в условиях современных социально-экономических параметров и тенденций функционирования российской экономики. В работе используется систематизация и сопоставление положений нормативных правовых актов, являющихся документами стратегического планирования, индикаторов, обозначенных в них, моделирование объема пенсионных прав, коэффициентный, графический, сравнительный, вертикальный и горизонтальный анализ показателей пенсионного обеспечения. В процессе исследования установлено, что стратегия реализуются в условиях несовершенства документов стратегического планирования в части пенсионного обеспечения, характеризующимся невысокой достоверностью прогнозов, устаревшим терминологическим аппаратом и слабой увязкой документов средне- и долгосрочного планирования в части целеполагания, прогнозирования и программирования, слабой увязки со национальными целями развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, отсутствия программно-целевого управления расходами в системе обязательного пенсионного страхования. Стратегия не содержит однозначно интерпретируемых индикаторов её реализации, не учитывает значимое изменение макроэкономической ситуации, переход к балльной пенсионной формуле, не содержит оценки рисков её реализации, а показатели реализации множества её задач не раскрываются в других видах стратегических документов. Мы предложили ряд принципов разработки долгосрочного плана по развитию пенсионной системы, включение в него оценки рисков, внутренних стабилизаторов и поэтапной разбивки значений индикаторов его реализации, а также определили ориентиры для её долгосрочного развития, в том числе ограничение роста доли бюджетного механизма в национальной пенсионной системе.

Ключевые слова:

пенсионная система, пенсионное обеспечение, обязательное пенсионное страхование, стратегическое планирование, государственные программы, национальные цели развития, социальные пенсии, страховые взносы, бюджетное прогнозирование, пенсионные права

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью использования стратегического подхода в управлении развитием пенсионной системой, который позволит обеспечить её финансовую устойчивость и эффективность на долгосрочный период в сложных экономических и социальных условиях: старения населения, общемирового увеличения государственных расходов на социальную политику, волатильности и пузырей на финансовых рынках, потребности экономики в долгосрочных инвестициях, введения внешних ограничений, деглобализации мировой экономики, ужесточения денежно-кредитной политики и сложно достижимого баланса между повышением уровня пенсионного обеспечения и сохранением текущей нагрузки на экономических агентов по уплате обязательных платежей. Выявление проблем

организации стратегического планирования развития пенсионной системы необходимо для повышения уровня и эффективности пенсионного обеспечения граждан с разными доходами и видами занятости, обеспечения устойчивого развития пенсионной системы на долгосрочном периоде в форсированном порядке в цельной и действенной системе стратегического планирования на основе предвидения и качественного прогнозирования.

Организация стратегического планирования развития национальной пенсионной системы

Ключевым документом стратегического планирования в сфере пенсионного обеспечения является Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденная 25 декабря 2012 года, за полтора года до принятия Федерального закона от 28 июля 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172), закладывающего систему стратегического планирования в Российской Федерации, состав её документов совместно с порядком контроля и мониторинга реализации их положений, который, в 2021 году в том числе в целях обеспечения координации стратегического планирования, был дополнен Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» (далее – Указ Президента № 633). Стратегия утверждена в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», подписанного вскоре после начала очередного президентского срока и ставящего одной из задач Правительства Российской Федерации разработку Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы, предусматривающую механизмы увеличения уровня пенсионного обеспечения при отсроченном выходе на пенсию и определение мер, обеспечивающих сохранность пенсионных накоплений и доходность от их размещения. Более подробно контур стратегических документов, обуславливающих контекст разработки Стратегии, приведен в таблице 1. В целом, Стратегия встраивалась в систему стратегического планирования, регулировавшейся Федеральным законом от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» и действовавшей до принятия ФЗ № 172.

Таблица 1 – Декомпозиция стратегических документов на момент утверждения Стратегии

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»	
Бюджетные послания Президента Российской Федерации на:	Концепции:
<ul style="list-style-type: none"> – 2011-2013 года; – 2012-2014 года; – 2013-2015 года. 	<ul style="list-style-type: none"> – демографической политики до 2025 года; – миграционной политики на период до 2025 года; – долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	

Источник: составлено автором по преамбуле Стратегии.

Бюджетными посланиями устанавливалась и конкретизировалась задача перед Правительством Российской Федерации по разработке Стратегии, а основные ожидаемые результаты её реализации были перенесены из Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (таблица – 2).

Таблица 2 – Содержание документов стратегического планирования в контексте разработки и утверждения Стратегии

Документы стратегического планирования	Положения документов в части целеполагания в контексте развития пенсионной системы
Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597	Правительству Российской Федерации поставлена задача разработки проекта Стратегии до 1 октября 2012 года.
Бюджетные послания Президента Российской Федерации на:	
2011-2013 года	Обозначена необходимость разработки программы развития пенсионной системы, обеспечивающего социально приемлемый уровень пенсионного обеспечения и исключающего повышения тарифов страховых взносов (далее – СВ) и увеличение дефицита пенсионной системы.
2012-2014 года	Обозначена необходимость подготовки комплексных предложений по развитию пенсионной системы.
2013-2015 года	Перед Правительством Российской Федерации поставлена задача по подготовке предложений по параметрам развития пенсионной системы с учетом демографических показателей.
Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 года	Обозначена необходимость предоставления возможности выбора возраста на пенсию и более активного стимулирования добровольных пенсионных накоплений по выходу из экономического кризиса.
Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года от 09 октября 2007 года	Поставлены задачи: <ul style="list-style-type: none"> – увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет к 2025 году; – увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза; – внедрение специальных программ для населения старших возрастных групп.
Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года от 13 июня 2012 года (утратила силу)	Создание условий для свободного перемещения и трудоустройства граждан в соответствии с международными соглашениями и обеспечение доступа граждан к социальным услугам по месту фактического проживания (в случае мягкой миграционной политики возможно увеличение численности лиц, получающих российское гражданство, а значит и количества застрахованных лиц).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17 ноября 2008 года	<ul style="list-style-type: none"> - Создание эффективной пенсионной системы на принципах страхования и накопления: повышение зависимости размера трудовых пенсий от заработной платы, повышение размера пенсий с учетом развития добровольных накопительных пенсионных сбережений до уровня, обеспечивающего достойную жизнь пенсионеров, укрепление накопительного компонента пенсионной системы; - средний размер трудовой пенсии повышается до 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера к 2016-2020 годам; - создание условий для повышения коэффициента замещения утраченного заработка, на который начислялись страховые взносы, трудовой пенсиею по старости не менее чем до 40 процентов; - переход от налогового к страховому принципу формирования доходов пенсионной системы; - введение минимального страхового взноса, уплата которого в течение 30 лет обеспечивает трудовую пенсию на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера; - создание обоснованной системы оценки и мониторинга пенсионных обязательств Российской Федерации на долгосрочную перспективу, с закреплением за уполномоченным органом функции актуарного оценивания развития пенсионной системы и подготовки рекомендаций по необходимой корректировке основных параметров начисления страховых взносов.
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года от 12 мая 2009 года	<ul style="list-style-type: none"> - Развитие пенсионной системы силами обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества; - коренное улучшение демографической ситуации; - укрепление финансовых рынков и сокращение неформальной занятости.

Источник: составлено автором по содержанию документов стратегического планирования, приведенным в первом столбце таблицы.

Вместе с тем, ФЗ № 172 была установлена новая система стратегического планирования в Российской Федерации, классификация и порядок корректировки её документов, а до 1 января 2019 года все действующие документы должны были быть приведены в соответствие ФЗ № 172.

Также 7 мая 2018 года были определены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года, 21 июля 2020 года – национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года (не

действуют), 7 мая 2024 года – национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, являющиеся новыми документами стратегического целеполагания на федеральном уровне и ориентирами для утверждения целей, задач и показателей для документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания по отраслевому принципу, и для программно-плановых документов, разрабатываемых на срок полномочий Президента Российской Федерации – цикл стратегического планирования. Несмотря на существенное изменение системы стратегического планирования, Стратегия сохранила и сохраняет статус действующего нормативного правового акта, однако изменения, обоснованные принятием ФЗ № 172, Указа Президента № 633 или утверждения национальных целей развития, в Стратегию не вносились. В системе документов стратегического планирования, согласно реестру государственной автоматизированной информационной системы «Управление» [1], она отнесена к отраслевым документам федерального уровня.

Для определения роли Стратегии в развитии пенсионной системы, автором были отобраны и проанализированы документы стратегического планирования, за исключением Стратегии, чьи отдельные цели, задачи, направления и положения в наибольшей степени соответствуют предмету развития пенсионной системы и в совокупности создают систему стратегического управления ею (таблица – 4). По результатам анализа содержания документов (таблица – 3) было выявлено несколько принципиальных моментов.

Таблица 3 – Содержание документов стратегического планирования в части развития пенсионной системы

Документы стратегического планирования	Положения документов в части развития пенсионной системы
Национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года от 7 мая 2018 года	Определены цели по: – обеспечению роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; – снижению в два раза уровня бедности в Российской Федерации.
Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года от 7 мая 2024 года	Поставлены цели по: – снижению уровня бедности ниже 7 процентов к 2030 году и ниже 5 процентов к 2036 год; – обеспечению устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже уровня инфляции.
Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 года	Упоминание страхования добровольных накоплений в НПФ на сумму до 2,8 млн руб., введенного в 2023 году.
Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года	Закрепить в Конституции принципы достойного пенсионного обеспечения – регулярной индексации пенсий.
Послание Президента	Инфляция пенсий должна осуществляться в любом

Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года	...индексации... случае сверх уровня прожиточного минимума пенсионера, который устанавливается ежегодно.
Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года	Необходимо добиться увеличения размеров пенсий, сокращения разрыва между размером пенсии и заработной платы обеспечить их регулярную индексацию темпом выше инфляции.
Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года	За предоставление заведомо недостоверных, неполных сведений о финансовом положении НПФ необходимо вести в отношении их руководства уголовную ответственность.
Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года от 13 мая 2017 года	<p>Определены задачи по:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обеспечению устойчивости и сбалансированности государственных внебюджетных фондов; - модернизации регулирования деятельности финансовых организаций и развитие инфраструктуры национального финансового рынка. <p>Одним из показателей состояния экономической безопасности установлена доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения.</p>
Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года от 5 февраля 2016 года	<p>В части пенсионного обеспечения документ, в основном, ссылается на цели и направления Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы до 2030 года.</p> <p>Поставлены задачи по:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обеспечению финансового благосостояния граждан старшего поколения; - созданию социально-экономических условий по стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста; - повышению уровня финансовой грамотности граждан старшего поколения. <p>Одним из механизмов реализации стратегии установлено повышение информированности граждан предпенсионного возраста о порядке формирования пенсионных прав и расчета пенсии в системе обязательного пенсионного страхования и о возможностях продолжения трудовой занятости или нового трудоустройства.</p>
	<ul style="list-style-type: none"> - Повышение доверия граждан к системе добровольного пенсионного страхования и их вовлеченности в программы негосударственного пенсионного обеспечения обозначен как актуальный

Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года от 27 октября 2023 года	<p>вопрос;</p> <ul style="list-style-type: none"> - умения планирования и регулярного формирования дополнительных накоплений к будущей пенсии и понимание взаимосвязи официальной заработной платы и уровня пенсионного обеспечения в будущем установлены одними из результатов реализации стратегии; - отмечено, что развитие корпоративных программ долгосрочного накопления позволит максимально увеличить охват работающих граждан, у которых при участии работодателей будет формироваться дополнительный доход к будущей пенсии независимо от уровня финансового обеспечения.
Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года от 28 ноября 2018 года	<p>Целевым ориентиром для Правительства Российской Федерации устанавливается ежегодное увеличение страховых пенсий темпами, превышающими инфляцию предшествующего года.</p> <p>Предусматриваются институциональные меры по развитию пенсионной системы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - формирование дополнительных пенсионных средств граждан в рамках пенсионного плана индивидуального пенсионного капитала НПО; - совершенствование механизмов стимулирования создания и развития корпоративных пенсионных систем для граждан со средним и высоким уровнями доходов.
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года от 6 октября 2021 года	<ul style="list-style-type: none"> - Прогнозируемое сокращение численности работающего населения к численности пенсионеров; - проблема нахождения компромисса между повышением уровня обеспеченности пенсионеров, поддержанием умеренной фискальной нагрузки на фонд оплаты труда в экономике и достижением сбалансированности пенсионной системы; - цели и задачи пенсионной реформы в прогнозе отсылают к Стратегии; - предложены 3 варианта прогноза параметров бюджета ПФР до 2030 года; - дана оценка эффектов от реализации Стратегии в 2030 году.
	<ul style="list-style-type: none"> - Опережающий рост количества экономически неактивных людей старшего поколения увеличивает нагрузку на систему пенсионного обеспечения. - предполагается создание добровольной пенсионной

Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года от 29 марта 2019 года (не действует)	<p>системы – индивидуального пенсионного коэффициента;</p> <ul style="list-style-type: none"> – международный опыт подстройки бюджетной политики в «стареющих» странах: (1) увеличение пенсионного возраста, (2) ужесточение условий для досрочного выхода на пенсию, (3) повышение финансовых стимулов для работы в пенсионном возрасте и (4) объединение пенсионных и медицинских страховых продуктов; – реализация государственной программы Российской Федерации «Развитие пенсионной системы» планировалась с 2020 года, приведена оценка финансового обеспечения программы на период 2020-2024 годов (в 2024 году – 2654,8 млрд рублей); – представлен прогноз характеристик бюджета ПФР в базовом и консервативном вариантах.
Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года от 1 октября 2021 года	<p>Представлены фактические, оценочные и плановые показатели ежегодной индексации пенсий неработающих пенсионеров.</p>
Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29 сентября 2018 года	<p>К мерам по развитию пенсионной системы отнесены:</p> <ul style="list-style-type: none"> – поэтапное повышение общеустановленного пенсионного возраста; – совершенствование основных параметров распределительного компонента пенсионной системы; – формирование дополнительных пенсионных средств граждан в рамках пенсионного плана индивидуального пенсионного капитала НПО, который планируется использовать и для привлечения долгосрочных инвестиций в экономику; – совершенствование института досрочных пенсий; – совершенствование механизмов стимулирования создания и развития корпоративных пенсионных систем. <p>Отмечено, что повышение пенсионного возраста позволит достичь средний размер страховой пенсии в 20 тыс. рублей, и будет продолжен темп индексации страховых пенсий неработающим пенсионерам выше инфляции.</p>
	<p>Отмечена стагнация НПО в последние 10 лет, среди причин которой: сложность продуктов по НПО и низкая информированность граждан о них, отсутствие</p>

<p>Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года от 29 декабря 2022 года</p>	<p>финансовых стимулов к участию.</p> <p>Отмечена необходимость:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создания программы долгосрочного накопления с государственной поддержкой и налоговым стимулированием; – расширения горизонта инвестиционной деятельности НПФ и совершенствование системы их вознаграждения; – страхования средств граждан в НПФ; – развития корпоративных программ долгосрочного накопления. <p>Среди индикаторов реализации стратегии: доля инвестиционных, страховых и пенсионных продуктов в сбережениях граждан, количество граждан, привлеченных в ПДС и объем их сбережений, привлеченных в ПДС.</p>
---	--

Источник: составлено автором по данным источников, приведенных в первом столбце таблицы.

Во-первых, единственной национальной целью развития Российской Федерации на период до 2024 года, напрямую относящейся к сфере пенсионного обеспечения, являлось обеспечение роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции. Несмотря на не детализированную и широкую формулировку (в пенсионное обеспечение возможно включить как обеспечение по обязательному пенсионному страхованию (далее – ОПС), так и по государственному пенсионному обеспечению и негосударственному пенсионному обеспечению (далее – НПО), не определено, насколько конкретно рост уровня пенсионного обеспечения должен превышать уровень инфляции), поставленная цель предполагала устойчивое реальное увеличение доходов лиц, вышедших на пенсию, увеличение их покупательской способности при любых значениях инфляции, которое одновременно способствовало национальной цели по снижению два раза уровня бедности в части пожилых людей. Единый планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года национальная цель трактовалась следующим образом: индексация страховой пенсии по старости, на значение, определяемое фактическими возможностями, но выше инфляции, должна обеспечиваться только неработающим пенсионерам. В разгар пандемии COVID-19 национальные цели были скорректированы с одновременным переносом срока их достижения на 2030 год: требуемый рост уровня пенсионного обеспечения изменен с «выше инфляции» на «не ниже инфляции». В таком подходе допускается отсутствие значимого увеличения реального размера страховой пенсии и, в лучшем случае, неизменность покупательской способности получателей страховой пенсии на протяжении 10 лет.

В документах планирования и программирования целью является уровень роста выше инфляции, в Бюджетном прогнозе Российской Федерации на период до 2036 года – не ниже инфляции, но достижение вышеуказанной национальной цели, как в формате до

корректировки, так и после, установлено приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации в области пенсионного обеспечения в обоих случаях.

Таблица 4 – Документы стратегического планирования в части развития пенсионной системы

Целеполагание (федеральный уровень)
<ul style="list-style-type: none"> – Национальные цели развития до 2024 года; – Национальные цели развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года; – Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.
Целеполагание (отраслевой принцип)
<ul style="list-style-type: none"> – Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы до 2030 года; – Стратегия экономической безопасности до 2030 года; – Стратегия развития финансового рынка до 2030 года; – Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года; – Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года.
Прогнозирование (федеральный уровень)
<ul style="list-style-type: none"> – Прогноз социально-экономического развития до 2030 года; – Бюджетный прогноз на период до 2036 года; – Прогноз социально-экономического развития до 2036 года.
Планирование и программирование (федеральный уровень)
<ul style="list-style-type: none"> – Единый план по достижению национальных целей развития на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года; – Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года; – План деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2019 год и плановый период до 2024 года; – Государственные программы Российской Федерации.

Источник: составлено автором.

Во-вторых, направления и задачи в области пенсионного обеспечения, обозначенные в отраслевых документах стратегического планирования, напрямую или опосредовано отсылаются к направлениям и задачам Стратегии. В целом, отраслевые документы взаимоувязаны и согласованы между собой.

В-третьих, документы в части прогнозирования, ввиду даты их принятия и отсутствия корректировки, содержат устаревший терминологический аппарат и отражают неактуальный состав бюджетной системы Российской Федерации. Так, в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [2] (далее – Прогноз СЭР-2030) описывается разделение трудовой пенсии на

базовую, страховую и накопительную составляющие (с 2015 года у пенсий по ОПС нет составляющих) и не учитывается прекращение существования как и Пенсионного фонда России (далее – ПФР), так и его бюджета. Формально, прогноз параметров бюджета ПФР невозможно использовать для целеполагания и планирования и сопоставлять с данными других документов стратегического прогнозирования, так как любые финансовые поступления и выплаты по ОПС должны прогнозироваться в контексте бюджета Социального фонда России (далее – СФР). Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года (далее – Бюджетный прогноз), утверждённый Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 558-р, также не учитывает объединение ПФР и Фонда социального страхования Российской Федерации и отказа от введения индивидуального пенсионного капитала.

Отметим и несогласованность Прогноза СЭР-2030 и Бюджетного прогноза в части параметров бюджета ПФР (таблица – 5), особенно на период после 2020 года.

Таблица 5 – Сопоставление Прогноза СЭР-2030 и Бюджетного прогноза в части параметров бюджета ПФР

Прогнозные данные	2018 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Доходы бюджета ПФР по ОПС (без учета накопительной пенсии), трлн руб.				
Прогноз СЭР-2030 (Консервативный вариант)	7,9	8	7,5	7,2
Прогноз СЭР-2030 (Инновационный вариант)	7,6	7,6	6,8	6,3
Прогноз СЭР-2030 (Форсированный вариант)	7,5	7,4	6,8	6,5
Бюджетный прогноз	8,169	8,949	10,653	13,663
Трансферты бюджету ПФР из федерального бюджета на ОПС, трлн руб.				
Прогноз СЭР-2030 (Консервативный вариант)	3,5	3,6	3,3	3,2
Прогноз СЭР-2030 (Инновационный вариант)	3,3	3,3	2,8	2,6
Прогноз СЭР-2030 (Форсированный вариант)	3	3	2,4	2,2
Бюджетный прогноз	3,278	3,414	2,808	2,712
Расходы бюджета ПФР по ОПС (без учета накопительной пенсии), трлн руб.				
Прогноз СЭР-2030 (Консервативный вариант)	6,7	6,8	6,6	6,4
Прогноз СЭР-2030	–	–	–	–

(Инновационный вариант)	7,6	7,6	6,8	6,3
Прогноз СЭР-2030 (Форсированный вариант)	6,4	6,4	6,1	5,9
Бюджетный прогноз	8,328	8,949	10,653	13,663

Источник: составлено автором по Прогнозу СЭР-2030 [2] и Бюджетному прогнозу.

С учетом важности достижения достоверности показателей документов стратегического планирования в части прогнозирования, являющихся основной для разработки стратегических документов других типов, в том числе Стратегии, и использования Бюджетного прогноза для определения ресурсного обеспечения реализация государственных программ Российской Федерации, отметим проблему актуальности прогнозных значений, используемых для разработки стратегических документов в области пенсионного обеспечения.

В-четвертых, критичным недостатком текущего содержания Бюджетного прогноза, является отражение прогнозных показателей финансового обеспечения реализации государственной программы (далее – ГП) Российской Федерации «Развитие пенсионной системы», реализация которой, согласно Бюджетному прогнозу, утвержденному в 2019 году, должна была начаться с 2020 года: на это было предусмотрено бюджетных ассигнований федерального бюджета с 2,8 трлн руб. в 2020 году до 2,6 трлн руб. в 2024 году. Несмотря на запланированное в очередном финансовом году начало реализации ГП, она не была утверждена, а Федеральный закон от 02 декабря 2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» был принят с распределением до 2022 года подавляющего объема бюджетных ассигнований на пенсионное обеспечение по ОПС по непрограммному направлению деятельности 71 «Развитие пенсионной системы Российской Федерации», не предполагающего отражение бюджетных ассигнований по той или иной ГП. Программно-целевое управление расходами бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в части развития пенсионной системы не реализовано до сих пор, срок разработки соответствующей ГП установлен отдельными решениями Правительства Российской Федерации [3] [4] и не соблюдается [5], что ставит под сомнение дальновидность государственной политики, роль стратегических документов в развитии национальной пенсионной системы и противоречит правовой норме ФЗ-172 о реализации положений документов стратегического планирования через мероприятия ГП Российской Федерации. Отметим факт принятия Правительством Российской Федерации решения о целесообразности утверждения ГП по развитию пенсионной системы, которую подтвердим несколькими аргументами: (1) большим объемом расходов федерального бюджета в по непрограммному направлению деятельности (рисунок – 1), достигшего в 2017 году до 25,29% всех расходов федерального бюджета за финансовый год, (2) значимым объемом расходов бюджета СФР (ранее – ПФР) в части ОПС, в 2023 году достигшего 9,06 трлн рублей или 6,52% ВВП [6], (3) наличием стратегических целей по развитию пенсионной системы и особой социальной важности их достижения, которые вписываются в рамки разработки документов программирования и программно-целевого управления расходами бюджетом бюджетной системы и (4) ожидаемым повышением эффективности расходов федерального бюджета и бюджета СФР на пенсионное обеспечение граждан в ходе в результате внедрения программного подхода.

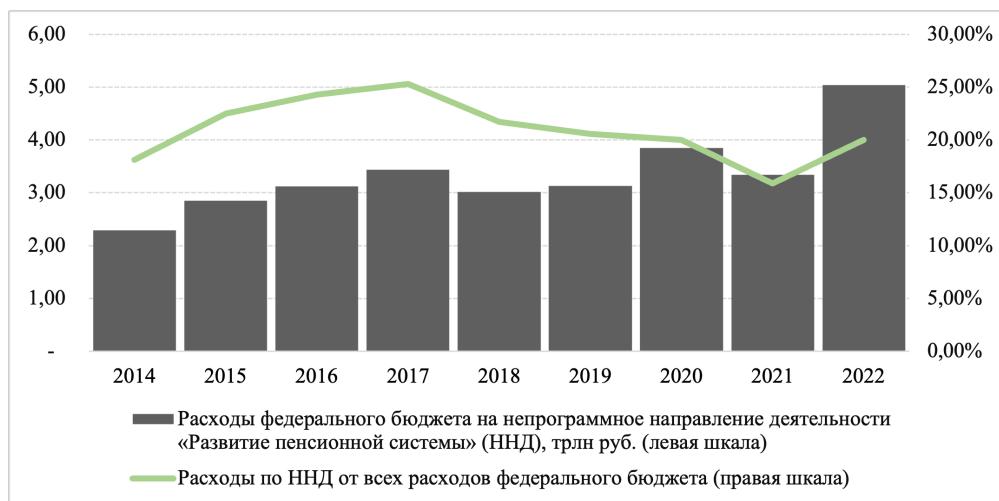

Рисунок 1 – Расходы федерального бюджета на непрограммное направление деятельности «Развитие пенсионной системы»

Источник: построено автором. Данные за 2014-2020 года приведены по отчетам об исполнении федерального бюджета Федерального казначейства [7], за 2021-2022 года – по информации Единого портала бюджетной системы Российской Федерации [8].

Непосредственно Стратегия состоит из следующих элементов: (1) ретроспекция, описывающая достигнутые за 10 лет результаты совершенствования пенсионной системы, (2) негативные последствия, ожидаемые в отсутствии активного и стратегического управления развитием пенсионного обеспечения, (3) цели и задачи развития пенсионной системы, (4) 7 направлений её развития, (5) этапы реализации Стратегии и (6) ожидаемые к 2030 году результаты её реализации. Она дополнена планом-графиком подготовки проектов федерального законов для реализации стратегического документа на среднесрочный до октября 2019 – план-график являлся единственным, за все время действия Стратегии, объектом внесения в неё изменений, связанных с дополнением плана, включения или исключения в него дополнительных позиций, а цели, задачи или направления ни разу Стратегии не корректировались по настоящий момент.

Стратегия не содержит комплекса количественных или качественных индикаторов её реализации, помимо ожидаемых результатов по окончанию срока её реализации, оценку рисков её реализации, как, например, в отраслевом документе стратегического планирования – Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года, и плана мероприятий на среднесрочный период, который обосновал бы состав и содержание государственных программ, что также избирательным элементом отраслевого документа стратегического планирования в соответствие правилам их разработки и корректировки, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.10.2015 № 1162 «Об утверждении правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении правительства Российской Федерации».

Верхнеуровневой целью Стратегии, соотнесённой с задачами, направлениями и инструментами развития в таблице 6, является гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения в условиях сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы.

Таблица 6 – Основные положения Стратегии

Цель
Гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения в условиях сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы.
Задачи
<ul style="list-style-type: none"> – Обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсиею по старости до 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате; – достижение приемлемого уровня пенсии для среднего класса за счет участия в корпоративных и частных пенсионных системах; – обеспечение среднего размера страховой пенсии по старости не менее 2,5 - 3 прожиточных минимумов пенсионера; – поддержание приемлемого уровня страховой нагрузки для субъектов экономической деятельности с единым тарифом страховых взносов для всех категорий работодателей; – обеспечение сбалансированности формируемых пенсионных прав с источниками их финансового обеспечения; – развитие трехуровневой пенсионной системы для групп с разными доходами.
Направления и инструменты
<ul style="list-style-type: none"> – Параметрические изменения системы ОПС; – совершенствование тарифно-бюджетной политики; – институциональное совершенствование ОПС; – институциональное совершенствование НПО, в том числе корпоративного.

Источник: составлено автором по Стратегии.

Другие декомпозиции основных идей Стратегии были предложены в отечественной литературе [9] [11], однако различия между ними не имеет принципиального значения. При рассмотрении задач Стратегии сразу отметим использование неактуального терминологического аппарата («трудовая пенсия»), о котором также пишет Балынин И.В [12]. В дальнейшем анализе такие единицы будут приведены к современным («трудовая пенсия» к «страховая пенсия», «бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации» к «бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации в части пенсионного обеспечения»).

Отметим, что напрямую цели и задачи Стратегии не отсылаются на национальные цели развития Российской Федерации, в том числе по обеспечению темпа устойчивого роста уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции (таблица – 7), а положения Стратегии не включены в ту или иную ГП, за исключением ГП Российской Федерации «Социальная поддержка граждан», в рамках которой осуществляются МБТ из федерального бюджета на предоставление федеральной и региональных социальных доплат к страховой пенсии, и ГП субъектов Российской Федерации, в рамках которых предусматриваются бюджетные ассигнования их бюджетов на выплату социальной доплаты. Таким образом, в сфере развития пенсионной системы документы отраслевого стратегического планирования не увязаны со среднесрочными документами целеполагания.

Таблица 7 – Сопоставление документов стратегического планирования в части пенсионного обеспечения граждан

Национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года	Цели Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы в Российской Федерации до 2030 года
<ul style="list-style-type: none"> - Единый план по достижению национальных целей развития на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года; - Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года; - Бюджетный прогноз на период до 2036 года; - Государственные программы Российской Федерации. 	<ul style="list-style-type: none"> - Документы стратегического планирования по отраслевому принципу; - Прогноз социально-экономического развития до 2030 года; - Государственные программы (только в части выплаты федеральных и региональных социальных доплат к страховой пенсии).

Источник: составлено автором

Достижение соотношения среднего размера страховой пенсии с прожиточным минимумом пенсионера (далее – ПМП) в 2,5-3 раза, являющиеся одним из ожидаемых результатов реализации Стратегии, ниже ожидаемого значения этого показателя в консервативном и инновационном вариантах Прогноза СЭР-2030 (таблица – 8).

Значение в 2,7, входящее в целевой интервал, ожидается только в форсированном варианте прогноза, предполагающим высокие темпы роста заработной платы, достижение численности среднего класса в половину всего населения и снижение дифференциации доходов. При этом, прямого обоснования установления значений целевых показателей в Стратегии не приводится. Размер страховой пенсии, для достижения цели по отношению её к ПМП в 2,5-3 раза, должен быть больше, чем (в 2024 году – на 9% и 31%), по коэффициенту замещения (таблица – 9).

Таблица 8 – Сопоставление ожидаемого значения соотношения в Стратегии и СЭР-2030

Показатель	Ожидаемое к 2030 году значение показателя			
	Стратегия	Прогноз СЭР-2030		
		Консервативный вариант	Инновационный вариант	Форсированный
Соотношение среднего размера страховой пенсии с прожиточным минимумом пенсионера	2,5-3	2	2,2	2,7

Источник: составлено автором по Стратегии и СЭР-2030 [2].

Целевой коэффициент замещения установлен на уровне, требуемом Конвенцией МОТ №

102, однако типовым бенефициарием в ней представлено не застрахованное лицо, а домохозяйство из мужчины с женой пенсионного возраста, и ниже, чем средний коэффициент замещения в европейских странах как по итогам 2017 года (0,57), так и 2022 года (0,53) [13] [14]. По мнению Абрамова А.Е. и Черновой М. И., коэффициент, установленный МОТ, не соответствуют современной экономике: он формируется в индивидуальном значении у каждого человека, а на первое место должна выходить рациональность сберегательного поведения населения и способность финансовой системы обеспечить рост его благосостояния в контексте теории жизненного цикла [15].

Таблица 9 – Соотношение целевых показателей Стратегии

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Размер страховой пенсии по старости, соответствующий КЗ в 0,4, тыс. руб.	14,68	15,67	17,49	19,15	20,54	22,90	26,14	29,36	32,25	34,45
Отношение 2,5 ПМП к 40% СЗП по Российской Федерации, %	150	136	125	116	113	109	109	105	103	106
Отношение 3 ПМП к 40% СЗП по Российской Федерации, %	180	164	150	139	136	131	131	126	124	127

Источник: рассчитано и составлено автором.

Примечание: КЗ – коэффициент замещения, ПМП – прожиточный минимум пенсионера, СЗП – средняя заработка.

Согласимся с мнением авторов о наличии проблемы отсутствия четких критерииов оценки реализации, как и целей Стратегии, так и её задач, которые не уточняются в других документах планирования или программирования [9].

Таким образом, в процессе исследования нами был выявлен ряд неувязок Стратегии с документами стратегического планирования в части целеполагания, прогнозирования и программирования, а также неактуальный терминологический аппарат Стратегии, размытые индикаторы и отсутствие оценки рисков её реализации.

Совершенствование стратегического планирования развития пенсионной системы Российской Федерации

Для обеспечения стратегического развития пенсионной системы Российской Федерации нам необходимо определить долгосрочные ориентиры развития отечественной пенсионной системы, которые позволяют увеличить её эффективность и финансовую устойчивость, и принципы организации стратегического управления развитием пенсионной системой, которые позволяют гарантировать высокую эффективность такого управления.

По мнению автора, содержание документов стратегического планирования в части развития отечественной пенсионной системы должны базироваться на нескольких принципах, включая принципы, определенные Федеральным законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Во-первых, необходима оптимальная актуальность, означающая соответствие положений стратегического документа реалиям современной экономики, устройству пенсионной системы и параметров, характеризующих её функционирование. С учетом установленного законодательством принципа преемственности и непрерывности, устанавливающего, что документы стратегического планирования разрабатываются с учетом этапов их реализации и результатов реализации ранее принятых документов, разработка нового долгосрочного плана преждевременна. При этом, корректировка Стратегии с целью устранения, как минимум, проблемы неактуального терминологического аппарата, по мнению автора, целесообразна и возможна, особенно в контексте начала в 2024 году нового цикла стратегического планирования.

Во-вторых, требуется обязательная обоснованность оценки рисков в ходе реализации плана, с учетом данных бюджетного прогноза и прогноза СЭР, дающей представление о потенциальном отклонении фактических показателей от целевых и действиях Правительства Российской Федерации в случае реализации выявленных рисков.

В-третьих, важно предусмотреть наличие внутренних стабилизаторов – закрепление параметров пенсионного обеспечения (например, пенсионный возраст, порядок увеличения размера социальной пенсии по старости, предельной базы для обложения СВ, индексации стоимости ИПК и размера фиксированной выплаты к страховой пенсии), условий и механизмов их изменений на долгосрочный период, при допустимости их оперативного, «ручного» изменения только в качестве меры реагирования на исключительные шоки и изменения макроэкономических индикаторов – последовательное применение правил индексации является ключом к укреплению доверия к пенсионному обеспечению [\[17\]](#).

В-четвертых, взаимоувязки долгосрочных целей Стратегии со среднесрочными целями (национальными целями развития Российской Федерации), планами законопроектной деятельности и основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации и ответственных федеральных органов исполнительной власти, комплексными межведомственными планами.

По мнению автора важно обеспечить программно-целевое управление расходами бюджетов бюджетной системы на пенсионное обеспечение, которое характеризуется иной методологией бюджетного планирования и оценки эффективности бюджетных расходов, и реализации бюджетной политики с учетом необходимости достижения целей Стратегии.

Автор считает необходимым предусмотреть, по аналогии с другими документами стратегического планирования, поэтапную разбивку значений индикаторов реализации Стратегии, сбалансированную по срокам и объему мероприятий и задач, с целью мониторинга её реализации и осуществления действий в случае отклонений от недостижения целевых значений на каком-либо этапе, а также включить в состав индикаторов уровень бедности среди нетрудоспособного и пожилого населения.

По мнению автора, в Стратегии целесообразно предусмотреть явное ограничение на введение новых налоговых льгот и режимов и расширение текущих, затрагивающих

систему ОПС, только если это не осуществляется в целях стимулирования граждан к участию в НПО и формированию долгосрочных накоплений.

Выделим ориентиры для структуры и состава пенсионной системы Российской Федерации: социальные пенсии в Стратегии не выделяются в отдельный уровень (напомним, что основная задача базовых пенсий на нулевом компоненте в подходе Всемирного банка и первом уровне пенсионной системы в подходе ОЭСР – борьба с бедностью). Они назначаются пожизненно вне зависимости от страхового стажа и объема пенсионных прав на 5 лет позже выхода на страховую пенсию по старости при отсутствии права на получение страховой пенсии, ежегодно индексируются с учетом темпов роста ПМП. Уровень материального обеспечения получателя социальной пенсии в совокупности с социальной доплатой достигает ПМП (федерального или регионального). Всемирный Банк рекомендует обеспечивать наличие нулевого компонента в любой комплексной пенсионной системы в целях смягчения проблемы бедности пожилого населения [18]. Действительно, с учетом отсутствия, устойчивого снижения численности малоимущего населения в старшей возрастной группе населения и категории неработающих пенсионеров и получателей социальных пенсий (рисунок – 2), предпосылок отмены социальных пенсий нет.

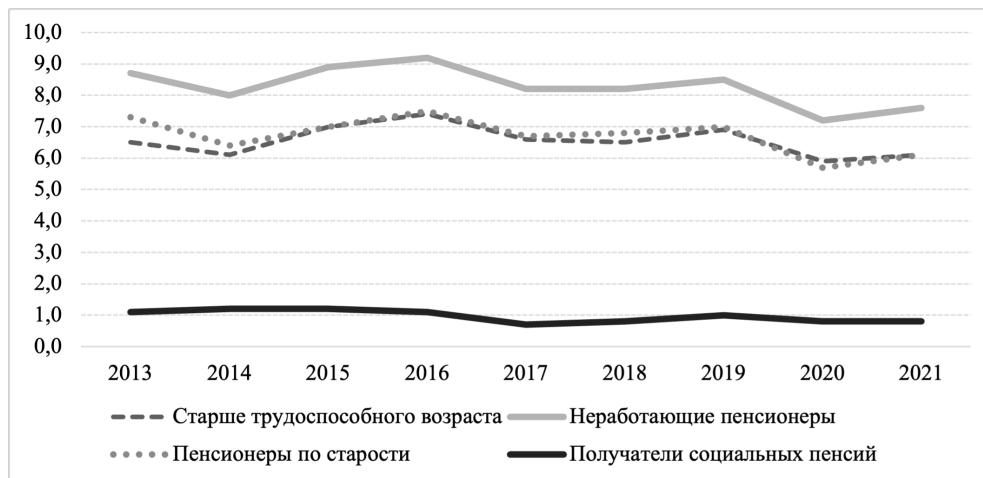

Рисунок 2 – Малоимущее население, в % от всего обследованного населения

Источник: построено автором по данным Росстата [19].

В 2024 году, по прогнозным данным Счетной палаты Российской Федерации и авторским расчётам [20], ПМП составит 16,5% СЗП и увеличится до 17,5% в 2026 году, что ниже, чем среднее отношение базовых пенсий по месту жительства и целевых пенсий к среднему уровню заработка в странах ОЭСР (20,9% и 19,3% соответственно) в 2022 году [17]. С учетом того, что численность пенсионеров, получающих социальные доплаты, достигла в 2023 году 6,24 млн руб. или 18,23% всех пенсионеров, получающих страховую пенсию по старости (рисунок – 3), и в условиях прерывистой и нестандартной карьеры нынешних и будущих работников [21], сохранение этого уровня пенсионной системы необходимо и в долгосрочной перспективе его развитие целесообразно обеспечить за счет введения оценки нуждаемости в случае социальных пенсий и расширенной проверки нуждаемости в случае социальных доплат к пенсии, так как их выплата осуществляется посредством бюджетного механизма. При этом, численность получателей социальных пенсий и социальных доплат, при индексации социальных пенсий ПМП на уровень инфляции, по мнению автора, должны являться индикаторами сохранения ОПС её страховой функции, которые должны сигнализировать об опасном

для финансовой сбалансированности пенсионной системы увеличении доли бюджетных ассигнований в пенсионном обеспечении в рамках ОПС. Уровень бедности среди пожилого и нетрудоспособного населения, в том числе пенсионеров, мы предлагаем установить индикатором реализации Стратегии, так на него влияет не только доведение минимального размера пенсии до ПМП, но и индексация ПМП и состав домохозяйств.

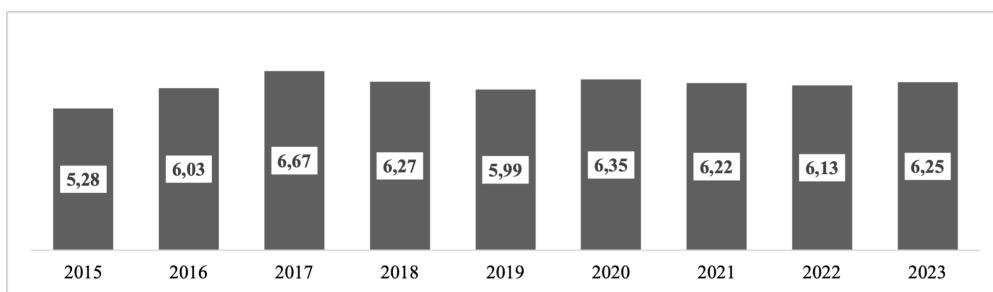

Рисунок 3 – Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты, млн чел.

Источник: построено автором по данным Росстата [\[22\]](#).

Второй уровень пенсионной системы, по таксономии ОЭСР – обязательных пенсионных планов, основанных на заработке, в Российской Федерации представлен непосредственно ОПС, распределительной системой с «пенсионными баллами». Вопрос о необходимости наличия такого уровня не стоит – ОПС обеспечивает широкий охват населения, высокий уровень собираемости СВ и КЗ от 30% при нормативных страховом стаже и доходе, а в странах ОЭСР только Ирландия и Новая Зеландия не имеют второго уровня пенсионной системы [\[17\]](#). По мнению автора, необходимы, ориентируясь на долгосрочные тенденции, уточнения о границе между вторым и третьим уровнями и соотношения в охвате населения между ними, а также используемых финансовых моделей пенсионных планов.

По авторским расчётам, коэффициент демографической нагрузки (без учета населения в возрасте младше трудоспособного), являющийся фактором результативности PAYG-систем, на периоде следующих 20 лет увеличивается, но не создает угрозы финансовой устойчивости российской пенсионной системе: он уменьшится с 429,61 в 2023 году до, по оценке Росстата, 337-380 в 2030 году (при этом увеличится в 2046 году до 461-514) [\[16\]](#). При этом ОПС имеет резервы роста её доходов и сокращения доходов: до 2028 года продолжится повышение пенсионного возраста, а до 2025 года – повышение минимального количества ИПК для получения права на страховую пенсию, а исследователями предлагается повышение требуемого страхового стажа, отмена или пересмотр регрессии в обложении СВ, отмена или снижение объема налоговых льгот, значительное увеличение предельной базы с сохранением ограничения на количество формируемых в год пенсионных прав [\[10\]](#) [\[11\]](#) – они могут быть использованы как и для поддержания финансовой устойчивости, так и для достижения требуемого КЗ в 40%, но не способны кратно или, значимо превышая ожидаемый результат реализации Стратегии, увеличить уровень пенсионного обеспечения. Цели Стратегии и текущее ограничение на объем пенсионных прав, формируемых ежегодно, в 10 индивидуальных пенсионных коэффициентов (далее – ИПК), предполагают: застрахованные лица с заработком не более СЗП, должны ориентироваться на 40% замещения утерянных доходов, а объем всего остального социального риска потери заработка ввиду старости, приватизируется, и должен покрываться за счет частных корпоративных и индивидуальных схем. Значит ли это, что целевые значения размера страховой пенсии являются не только ориентирами для их достижения, но и ограничениями, устанавливающими оптимальную долю

распределительного компонента пенсионной системы, после которых её не следует увеличивать, чтобы не допустить угрозу её финансовой устойчивости и обеспечить стимулы для частных накопительных пенсионных схем?

Результаты моделирования пенсионной системы свидетельствуют о том, что более высокая волатильность и снижение нормы доходности рынка капитала увеличивают оптимальную долю распределительного компонента, тогда как снижение волатильности выпуска уменьшает её, причем первая зависимость сильнее второй [23].

Эффективность ОПС ограничена: по авторским расчётам, при страховом стаже в 20 лет, доходе застрахованного лица размером в СЗП и периоде дожития в 20 лет, сумма уплаченных в его пользу СВ в 10 раз превышает суммы выплачиваемой в течении 20 лет пенсии (рисунок – 4). При этом, увеличение страхового стажа на 1 год увеличивает этот разрыв в среднем на 1,45%, увеличение дохода, облагаемого СВ, на 5 тысяч – в среднем на 1,04%, а уменьшение страхового стажа на 1 год снижает КЗ в среднем на 1,86%. С учетом этого, реализацию мероприятий, направленных на повышение уровня пенсионного обеспечения в рамках ОПС, мы не считаем оптимальными и целесообразными с точки зрения эффективности.

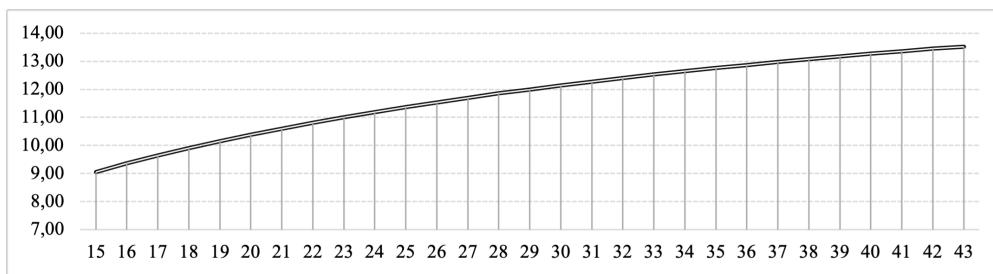

Рисунок 4 – Отношение уплаченных в пользу лица СВ и суммы страховой пенсии за 20 лет при разном страховом стаже

Источник: построено по расчётам автора.

В средне- и долгосрочной перспективе параметрические изменения ОПС должны исключать повышение тарифов СВ и быть ориентированы не на увеличение объема пенсионных прав и форсированное увеличение размера страховой пенсии, а на сохранение относительного широкого охвата населения, полное нивелирование потребности использования бюджетного механизма (за исключением социальных пенсий) и поддержание финансовой устойчивости пенсионной системы в условиях повышения демографической нагрузки и потенциальных внешних и внутренних неблагоприятных факторов или шоков, не приводящего к увеличению роли распределительного компонента – стимулирование участия населения в добровольных пенсионных планах обусловливается адекватностью пенсионных выплат по обязательным планам [24], а из-за большой разницы между ожидаемой финансовой отдачей и ожидаемыми темпами роста населения, выгоды для общественного благосостояния от участия в оптимальной накопительном плане существенно больше, чем от участия в оптимальной распределительной схеме [25]. Таким образом, развитие второго и третьего уровней пенсионной системы, корпоративного и индивидуального пенсионного обеспечения по Стратегии, необходимо осуществлять в условиях наличия пространства для них и стимулов для компенсации, создаваемых ограниченностью первого уровня. Варианты совершенствования вышеуказанных уровней ограничены унаследованной пенсионной системой – мы не имеем возможностей быстро и с низкими издержками увеличить роль и долю нераспределительного компонента в пенсионном обеспечении населения, однако

приоритетным направлением является расширение охвата населения НПО [\[26\]](#) [\[27\]](#): фрагментарно, но на основе обязательного или квазидобровольного участия.

Соответствующими показателями уровня охвата всего населения в трудоспособном возрасте частными пенсионными планами (34,33% в среднем по странам ОЭСР), возраста начала участия в таких планах, доли пенсионных взносов в ВВП, по мнению автора, целесообразно дополнить состав индикаторов реализации Стратегии.

Заключение

Ключевым документом стратегического планирования в сфере развития национальной пенсионной системы является Стратегия, которая закладывает ориентиры её развития системы до 2030 года и предполагает обеспечения её финансовой устойчивости, доведение КЗ до 40% и создание действенной системы НПО для средне- и высокодоходных категорий граждан. Мы выявили ряд организационных проблем, заключающихся в неполной увязке Стратегии со документами стратегического планирования, национальными целями развития Российской Федерации до 2030 года, устаревшем терминологическом аппарате и отсутствия учета значимого изменения макроэкономической ситуации, параметров пенсионного обеспечения и перехода к бальной пенсионной формуле, неточности и неполноты формулировок индикаторов её реализации, её опоре на неактуальные данные БП и прогноза СЭР и отсутствия программно-целевого управления расходами на пенсионное обеспечение. Автором настоящей статьи разработан ряд предложений по повышению качества организации стратегического управления развитием российской пенсионной системы и определены ориентиры для её долгосрочного развития. Для повышения качества стратегического планирования необходимо определить принципы разработки долгосрочного плана по развитию пенсионной системы, а также включить в такой план оценку рисков, внутренние стабилизаторы и поэтапную разбивку значений индикаторов его реализации.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Научная статья подготовлена под научным руководством Балынина И.В., к.э.н., доцента, доцента Кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Библиография

1. Документы стратегического планирования. Государственная автоматизированная информационная система «Управление». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 25.08.2024).
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
3. Отчет о выполнении контрольных событий государственных программ Российской Федерации по итогам I квартала 2018 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/5f6033ee79c2ba40bee5b6f53fa93142/12018.pdf> (дата обращения: 11.08.2024).
4. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2016 года. – [Электронный ресурс]. – URL:

- <http://static.government.ru/media/files/i0d1XvJka1R0C7eEgp2p5nHHbnHyVH8.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
5. Государственная программа развития пенсионной системы должна быть принята до конца года. ТАСС. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/712157/amp> (дата обращения: 29.08.2024).
6. Официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics> (дата обращения: 28.08.2024).
7. Исполнение бюджетов. Федеральное казначейство. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/> (дата обращения: 04.08.2024).
8. Отчет об исполнении федерального бюджета за отчетный финансовый год. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://budget.gov.ru/Бюджет/Закон-о-бюджете/Отчеты-об-исполнении-бюджетов> (дата обращения: 24.08.2024).
9. Балынин И.В. О достижении целей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы // Финансы. – 2022. – № 11. – С. 51-58.
10. Балынин И. В. Особенности построения пенсионных систем стран бывшего СССР // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 2(39). – С. 195-199.
11. Дорофеев М.Л. Преодоление бедности пенсионеров и повышение уровня пенсионного обеспечения в России в условиях структурной трансформации российской экономики // Экономика. Информатика. – 2022. – № 49(4). – С. 767-781.
12. Балынин И.В. Обеспечение достижения целей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года на основе реализации авторских предложений // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление.-2023.-№2. – С. 5-16.
13. Aggregate replacement ratio. Eurostat. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/7d467608-9efd-4a7e-aeb4-9f6b57ba3c10?lang=en> (дата обращения: 07.08.2024).
14. Net pension replacements rates. OECD. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.oecd.org/pension/net-pension-replacement-rates.htm> (дата обращения: 18.03.2024).
15. Абрамов А.Е., Чернова М.И. Как сделать НПФ понятными // Вестник НАУФОР. – 2019. – № 11. – С. 41-57.
16. Коэффициент демографической нагрузки. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_4.xls (дата обращения: 03.08.2024).
17. Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm>. (дата обращения: 10.08.2024).
18. Хольцман Р., Хинц Р. Обеспеченная старость в XXI веке // Пенсионные системы и реформы в международной перспективе. МБРР. – 2005.
19. Распределение малоимущего населения по основным группам. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tabc%202024.xlsx> (дата обращения: 17.08.2024).
20. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона № 448555-8 «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». Счетная палата Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/project-2024/SFR-pr-2024-2026.docx> (дата обращения: 04.08.2024).

21. Hinrichs K., Jessoula M. Labour market flexibility and pension reforms: Flexible today, secure tomorrow? // Springer. – 2012.
22. Старшее поколение. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.08.2024).
23. Westerhout E. et al. Should we revive PAYG? On the optimal pension system in view of current economic trends // European Economic Review. – 2022. – Т. 148. – С. 104227.
24. Marcinkiewicz E. Voluntary Pensions Development and the Adequacy of the Mandatory Pension System: Is There a Trade-Off? // Social Indicators Research. – 2019. – Т. 143. – №. 2. – С. 609-636.
25. Romp W., Beetsma R. Sustainability of pension systems with voluntary participation // Insurance: Mathematics and Economics. – 2020. – Т. 93. – С. 125-140.
26. Хмелевская С.А., Есаулкова Т.С. В поисках новой конфигурации российской пенсионной системы: реформирование института накопительной пенсии // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – №4. – С. 36-64.
27. Балынин И.В. Факторы развития негосударственного социального обеспечения // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 12-15.
28. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators. OECD. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2019_b6d3dcfc-en (дата обращения: 04.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая работа посвящена изучению вопросов стратегического планирования и управления развитием пенсионной системы Российской Федерации.

Методология исследования базируется на изучении и обобщении научных публикаций по рассматриваемой теме, обработке статистических данных, построении моделей прогноза развития пенсионной системы.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью использования стратегического подхода в управлении развитием пенсионной системой для обеспечения её финансовой устойчивости и эффективности на долгосрочный период в условиях старения населения, общемирового увеличения государственных расходов на социальную политику, волатильности и пузырей на финансовых рынках, потребности экономики в долгосрочных инвестициях, введения внешних ограничений, деглобализации мировой экономики, ужесточения денежно-кредитной политики и сложно достижимого баланса между повышением уровня пенсионного обеспечения и сохранением нагрузки по уплате обязательных платежей.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в предложениях по повышению качества организации стратегического управления развитием российской пенсионной системы и отраженных в статье ориентирах для её долгосрочного развития.

В тексте статьи выделены следующие разделы: Введение, Организация стратегического планирования развития национальной пенсионной системы, Совершенствование стратегического планирования развития пенсионной системы Российской Федерации, Заключение, Библиография.

В статье сделан обзор нормативно-правовых документов, посвященных стратегическому планированию в сфере пенсионного обеспечения, на схемах отражено их содержание; представлены результаты сопоставление Прогноза социально-экономического развития

на период до 2030 г. и Бюджетного прогноза в части параметров пенсионного бюджета. Особое внимание уделено расходам федерального бюджета на непрограммное направление деятельности «Развитие пенсионной системы», которые в отдельные периоды превышали 25 % всех расходов федерального бюджета за финансовый год. Авторами отмечают, что напрямую цели и задачи Стратегии не отсылаются на национальные цели развития Российской Федерации, в сфере развития пенсионной системы документы отраслевого стратегического планирования не увязаны со среднесрочными документами целеполагания, говорят об отсутствии четких критерииов оценки реализации целей и задач Стратегии, которые не уточняются в других документах планирования или программирования. Автор считает необходимым предусмотреть, по аналогии с другими документами стратегического планирования, поэтапную разбивку значений индикаторов реализации Стратегии, сбалансированную по срокам и объему мероприятий и задач, с целью мониторинга её реализации и осуществления действий в случае отклонений от недостижения целевых значений на каком-либо этапе, а также включить в состав индикаторов уровень бедности среди нетрудоспособного и пожилого населения. В публикации приведены результаты авторских расчётов коэффициента демографической нагрузки на долгосрочную перспективу: он уменьшится с 429,61 в 2023 г. до 337-380 в 2030 г. и увеличится в 2046 г. до 461-514, что, по мнению авторов, не создает угрозы финансовой устойчивости российской пенсионной системе.

Библиографический список включает 28 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках, а также интернет-ресурсы по рассматриваемой теме, на которые в тексте приведены адресные ссылки, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», отражает результаты проведенной авторами работы, может вызвать интерес у читателей, поскольку обогащает современные представления о стратегическом планировании и управлении развитием российской пенсионной системы, а поэтому рекомендуется к опубликованию.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72007
EDN: ZTPSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72007

Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы

Лаврикова Юлия Георгиевна

ORCID: 0000-0002-6419-2561

доктор экономических наук

Главный научный сотрудник; Финансовый университет при Правительстве РФ

125468, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49

 lavrikova.ug@uiec.ru

Суворова Арина Валерьевна

ORCID: 0000-0003-4050-2083

кандидат экономических наук

Старший научный сотрудник; Финансовый университет при Правительстве РФ

125468, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49, -

 suvorova.av@uiec.ru

[Статья из рубрики "Экономическая теория и история экономической мысли"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2024.4.72007

EDN:

ZTPSU

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2024

Дата публикации:

01-11-2024

Аннотация: Объектом исследования является макрорегион как один из элементов системы территориального управления, а его цель заключается в выявлении

ограничений и перспектив использования в современных условиях политики районирования. Особое внимание в работе уделяется определению предпосылок успешной реализации данного типа политики, осуществляющему через призму анализа как советского, так и современного подходов к выделению в пространстве страны макрорегионов. Важное место в проведенном исследовании занимает также выявление ряда концептуальных положений, обеспечивающих эффективность реализуемой политики районирования, что обуславливает возможность использования результатов проведенной работы в деятельности органов власти разного уровня, которые формируют и реализуют систему мероприятий, ориентированных на обеспечение пространственного развития страны и ее отдельных территориальных единиц. Теоретическую и методологическую основу исследования составила совокупность научных представлений в области региональной экономики и государственного управления, а его методическая база включает в себя методы синтеза и научной абстракции. В результате проведенной работы предложен способ экспресс-анализа реализуемой политики районирования, базирующийся на характеристике триады составляющих ее успешности: целевой установки, критериев, механизмов достижения целей. Показано, что в советской практике все элементы данной триады можно считать четко определенными и взаимосвязанными друг с другом; в случае с федеральными округами триада трансформируется: один из ее элементов выпадает из системы, что, тем не менее, не оказывает существенного воздействия на получаемый эффект. Осужден анализ подхода к выделению макрорегионов, предлагаемых в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, позволяющий заключить, что каждый элемент триады «цель – критерии – механизмы» появления макрорегионов может быть подвергнут серьезной критике, что и обуславливает отсутствие влияния данного процесса на ситуацию, сложившуюся в стране. Обоснована возможность использования в современных быстро меняющихся условиях проектного подхода к формированию и развитию макрорегионов, предполагающего их рассмотрение в качестве временных объединений, правила функционирования которых подчинены достижению конкретной и масштабной цели. Охарактеризован ряд концептуальных положений, обеспечивающих успешность осуществляющей политики районирования и базирующихся на необходимости удаления внимания каждому элементу предложенной триады.

Ключевые слова:

макрорегион, районирование, территориальное развитие, политика пространственного развития, территориальное управление, федеральный округ, межтерриториальное взаимодействие, административно-территориальное деление, проектный подход, сетевая структура

Исследование выполнено в рамках темы НИР Финансового университета ВТК-ГЗ-ФИ-29-23 «Финансово-экономические механизмы развития макрорегионов, городских агломераций и моногородов».

Введение

Макрорегионы представляют собой заслуживающий самого пристального внимания элемент реализуемой в Российской Федерации политики пространственного развития: исходя из положений ряда документов стратегического планирования (в первую очередь, Стратегии пространственного развития, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019), именно выделение макрорегионов является

основой «усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов РФ», входящих в их состав, однако, как показывает ряд проведенных членами научного коллектива исследований [1, 2], за время, прошедшее с момента интеграции регионов в территориальные комплексы (как макрорегионы, так и федеральные округа, которые по своему составу идентичны макрорегионам или их совокупностям), уровень связаннысти между ними существенно не изменился. Это заставляет задуматься о той роли, которую играют (или должны играть) макрорегионы в системе территориального управления, а также о возможностях, способствующих наиболее эффективной реализации возлагаемых на них функций.

Теоретические аспекты районирования

Выделение в пространстве страны макрорегионов является результатом процесса районирования – «членения территории на качественно своеобразные и/или внутренне связанные части» [3] – одного из методов пространственного анализа, использование которого позволяет не только решить некоторые исследовательские задачи (например, связанные с выявлением масштабов внутрисистемного разнообразия изучаемого территориального комплекса), но и обосновать эффективность применения тех или иных управленческих решений, дифференцированных в зависимости от специфики сложившейся в границах различных зон и ареалов социально-экономической ситуации. Процесс районирования всегда начинается с определения цели его осуществления – она может быть продиктована потребностью в упорядочении информации о хозяйственных, демографических, политических или иных процессах; в создании объектов воздействия со стороны органов власти, осуществляющих региональную политику; в грамотном сегментировании локальных рынков и т.п. Именно выбранная целевая установка определяет тип районирования (который, в свою очередь, «задает» необходимость обращения к тем или иным параметрам развития территориальных единиц, определяет перечень показателей, которые следует анализировать для корректного выделения территориальных совокупностей – районов).

В научной литературе выделяется множество видов (типов) районирования, каждый из которых позволяет достичь своих собственных результатов и базируется на учете целого ряда разнообразных характеристик, выбор которых определяется критериями проводимого районирования. Так, коллектив авторов под руководством Т. А. Балиной, раскрывая теоретико-методологические аспекты районирования, осуществляемого в интересах территориального управления субъекта РФ, выделяет экономическое, агроприродное, эколого-экономическое, социально-экологическое, туристское, транспортно-логистическое районирование, а также районирование по плотности населения и типам заселения, районирование по особенностям сельского расселения [4]. В. Е. Шувалов, рассуждая о современном состоянии и направлениях развития районирования в социально-экономической географии, обозначает интегральное районирование (интегральное экономическое, природно-хозяйственное, эколого-экономическое, культурно-географическое, рекреационно-географическое) и отраслевое районирование (природно-ресурсное, сельскохозяйственное, промышленно-географическое, транспортно-географическое, отраслевое социально-географическое) [5]. Некоторые исследователи также называют в числе видов районирования административно-территориальное. Например, А. В. Дубровский относит к основным типам районирования административно-территориальное, экономическое, экологическое, физико-географическое [6]. В то же время ставить административное-территориальное районирование (чаще вместо данной формулировки используется заимствованный из

политико-правовых наук термин «административно-территориальное деление») в один ряд с прочими ранее обозначенными типами не совсем корректно: оно выделяется по признаку целеполагания (его ожидаемым результатом является реформирование административно-территориального устройства), тогда как прочие виды районирования отличаются друг от друга спецификой тех характеристик (природно-климатических, экономических, социальных, демографических и т.д.), которые следует принять во внимание при разделении территории на отдельные части.

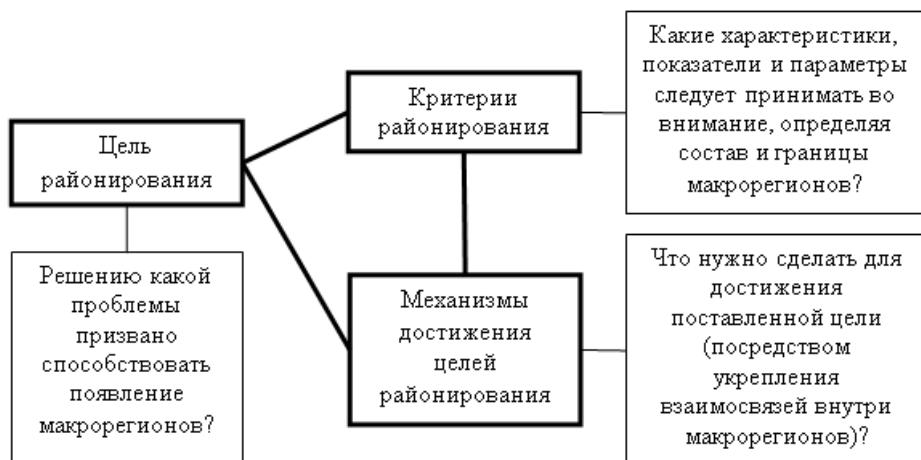
Необходимо также отметить, что в современных научных исследованиях различным аспектам районирования уделяется достаточно много внимания: как справедливо отмечает П.Я. Бакланов, важность «учета объективных процессов комплексообразования и районаобразования и проведения на этой основе нового многоуровневого экономического районирования России» возрастает в условиях «восстановления многоуровневого стратегического планирования, изменения геополитических условий развития страны и необходимости достижения производственно-технологического суверенитета» [7].

Отечественная практика районирования: от советской политики к выделению федеральных округов

Отечественная практика районирования имеет значительную историю – пристальное внимание вопросам территориального устройства страны стало уделяться еще в XVIII в. [8]; при этом в контексте необходимости предложения концептуального подхода к развитию макрорегионов как пространственных структур экономического типа особый интерес вызывает рассмотрение опыта СССР. В 1920 г. была совершена первая попытка районирования Советского Союза, связанная с оптимизацией энергетического сектора страны. В дальнейшем целевая установка выделения в пространстве государства отдельных крупных территориальных единиц несколько расширилась – районирование призвано было способствовать ускорению развития производительных сил, повышению экономической эффективности производства, для этого выделяемый район должен был стать единым промышленным комплексом – целостным, но не с замкнутым хозяйством [9] (в основе хозяйственных систем выделяемых районов лежала деятельность локальных территориально-производственных комплексов, промышленных узлов и центров). Со временем система районирования (и, как следствие, сетка районов) страны претерпевала изменения, обусловленные научно-технологическим прогрессом и трансформацией стратегических ориентиров СССР, однако базой экономического районирования и осуществляемого на его основе административно-территориального деления всегда выступала совокупность признаков и условий – экономических, национальных, природных, исторических и др.

Анализ советской практики районирования (а также лежащей в ее основе глубоко проработанной теории, базирующейся на трудах Н.Н. Баранского [10], Н.Н. Колсовского [11], Ю.Г. Саушкина [12], П.М. Алампиева [13] и других выдающихся экономгеографов) позволяет сделать вывод, что ее успешность обусловлена пристальным вниманием к проработке трех тесно связанных друг с другом составляющих: целевой установки, критериев районирования, механизмов, влияющих на особенности процессов, осуществляемых как внутри формируемых районов, так и между ними (рис. 1). Так, цель, достижению которой должно было способствовать районирование, заключалась в оптимизации пространства экономической деятельности государства, создании условий для формирования устойчивых производственных цепочек между хозяйствующими субъектами – элементами целостной территориальной системы (района). Это

предопределило выбор критериев районирования, не ограничивающихся только экономическими факторами, но базирующися в первую очередь на тех условиях, которые определяют высокую эффективность взаимодействия производств, объединяемых друг с другом посредством их включения в районный комплекс. При этом само по себе разделение страны на отдельные части (подкрепленное административно-территориальными изменениями или не предполагающее их осуществление) не может способствовать развитию партнерства между представителями выделенных территориальных комплексов (что должно быть базовым следствием процесса районирования, предвосхищающим получение дальнейших позитивных эффектов): необходима реализация системы подходов, механизмов и инструментов, обеспечивающих создание условий, стимулирующих и упрощающих это партнерство. В реалиях Советского союза основой такой системы выступала плановая экономика, задающая акценты межотраслевого и межтерриториального взаимодействия, формирующая и оптимизирующая систему потоков ресурсов разного типа, а также пятилетние планы («пятилетки»), посредством которых обеспечивалось сохранение в долгосрочной перспективе выбранных векторов трансформаций.

Источник: составлено авторами

Рисунок 1 – Триада составляющих успешности политики районирования

Очевидно, что практика районирования, наработанная в советское время, не может быть «встроена» в сегодняшние условия, однако сам подход, предполагающий разделение территории страны на достаточно крупные элементы, своей актуальности не утратил и в XXI веке. Об этом, в частности, может свидетельствовать создание в 2000 г. федеральных округов, призванных, в соответствии с Указом Президента РФ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», способствовать «обеспечению реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышению эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствованию системы контроля за исполнением их решений». Таким образом, цель их появления связана с необходимостью укрепления вертикали власти, упрощения контроля за деятельностью региональных властей, осуществляемого из единого центра, создания дополнительных возможностей координации между властными структурами мезоуровня. И хотя некоторые исследователи [14] отмечают потенциальный вклад формирования федеральных округов в социально-экономическое развитие входящих в их состав регионов, очевидно, что свойственный им исключительно административный функционал определяет весьма ограниченный набор возможностей, которые могут быть реализованы посредством механизмов, коррелирующих с целью создания федеральных округов. И действительно,

анализ практики функционирования федеральных округов демонстрирует, что в части связки «цель – механизмы» ранее обозначенной триады составляющих успешности политики районирования существенных противоречий не возникает: созданный институт полномочных представителей Президента в федеральных округах позволяет несколько «разгрузить» федеральные органы власти благодаря таким вмененным ему функциям, как сбор информации о развитии входящих в состав округа регионов, контроль и координация отдельных аспектов деятельности их местных структур. Критерии районирования при постановке цели такого типа существенной роли не играют: схожестью исторических, экономических, социальных, демографических характеристик можно пренебречь. Очевидно, что и при определении состава и границ федеральных округов фактору подобия потенциальных составляющих макрорегиона значительного внимания не уделялось: сетка округов в ряде случаев достаточно серьезно отличается от структуры экономических районов, претерпевшей лишь незначительные изменения по сравнению с итогами районирования советского периода и сформированной с учетом целого комплекса характеристик, которые были присущи (и отчасти сохранили свое значение в начале 2000-х гг.) российским регионам (наличие природных ресурсов, степень развития инфраструктуры, обеспеченность трудовым потенциалом и т.п.). Таким образом, в случае с федеральными округами триада составляющих успешности политики районирования несколько трансформируется: один из ее элементов не играет значимой роли в процессе достижения поставленной цели (рис. 2), что во многом обусловлено ее постановкой.

Источник: составлено авторами

Рисунок 2 – Триада составляющих успешности политики районирования (в контексте формирования федеральных округов)

Современный подход к выделению макрорегионов: ограничения и дефициты

Возвращаясь к вопросам, связанным с местом выделяемых в СПР макрорегионов в пространственном и социально-экономическом развитии страны и причинам тех проблем, которые не позволяют им превратиться в один из ключевых элементов государственной региональной политики, также следует уделить внимание каждой составляющей триады успешности политики районирования.

Как уже отмечалось ранее, задачей выделения макрорегионов, в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (СПР), является укрепление связей и усиление координации между регионами, входящими в их состав. Пояснений по поводу природы взаимоотношений, о которых идет речь, в документе, к сожалению, нет, тогда как именно это должно было бы обосновать подход к выбору критериев районирования и инструментария воздействия на территориальные

единицы разного уровня (как регионального, так и макрорегионального). Укрепление взаимосвязей между субъектами – элементами макрорегиона лежит в основе самой практики районирования, реализуемого в интересах территориального управления, и не может являться целью данного процесса, скорее, можно назвать его способом достижения цели. Если же рассматривать в качестве целевой установки «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и снижение внутрирегиональных социально-экономических различий», о котором также говорится в СПР в контексте формирования макрорегионов, ориентир ожидаемых изменений становится еще более неясным.

Таким образом, Стратегия пространственного развития, упуская цель районирования, не позволяет обеспечить глубокую проработку критерии и механизмов, составляющих основу районирования. Безусловно, можно рассматривать взаимоотношения между территориями в самом широком смысле, пытаясь увязать вместе выстраивание единого хозяйственного комплекса, объединяющего несколько регионов, интеграцию их усилий для решения разнородных проблем, присущих некоторым участникам территориальной системы, формирование высокотехнологичных производств на базе отдельных субъектов, втягивающих в поле своей деятельности окружающие их территории и т.д. Однако подобный разброс целей и задач обесценивает саму идею формирования относительно устойчивой (имеющей неизменные в долгосрочной перспективе) структуры: под каждую масштабную целевую установку представляется логичным определять свой собственный состав участников, свой собственный макрорегион.

Следующая часть триады – критерии выделения предлагаемых в рамках СПР макрорегионов – также вызывает целый ряд вопросов. Согласно положениям документа, основными принципами выделения макрорегионов являются «соседское положение субъектов Российской Федерации, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности, наличие в пределах макрорегиона устойчивых пассажирских перевозок из субъектов Российской Федерации в крупные городские агломерации и крупнейшие городские агломерации, наличие (или необходимость создания) крупных межрегиональных объектов отраслей социальной сферы федерального значения, способствующих повышению доступности и качества оказания услуг населению, проживающему в пределах макрорегиона, значительный потенциал межрегионального сотрудничества в рамках реализации перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации и достраивания цепочек добавленной стоимости в пределах макрорегионов, в том числе для реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов, наличие (необходимость создания) объектов транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающих усиление экономической связанности субъектов Российской Федерации, входящих в макрорегион, а также выход к международным рынкам и (или) транспортным коридорам "Запад - Восток" и "Север - Юг", и в пределах которых может осуществляться координация социально-экономического развития входящих в них субъектов Российской Федерации». В то же время соответствие состава получившихся в итоге объединений границам федеральных округов, при выделении которых, как уже отмечалось ранее, принцип социально-экономического подобия объединяемых элементов существенной роли не играл, ставит под сомнение полноту соблюдения всех обозначенных критериев. О низкой степени потенциала взаимодействия регионов, являющихся частями сформированных макрорегионов, говорят и исследования ряда авторов. Например, В.И. Блануца [15], анализируя состав перспективных экономических специализаций регионов, объединенных в единый макрорегиональный комплекс, отмечает низкую степень их соответствия друг другу, а

коллектив дальневосточных исследователей под руководством П.А. Минакира [16] обращает внимание на слабо выраженную однородность экономического ландшафта сформированных макрорегионов. Это означает, что при формально комплексном подходе к определению критериев районирования целый ряд важных факторов выпал из внимания разработчиков СПР.

Механизмы, реализация которых могла бы способствовать декларируемому в Стратегии пространственного развития укреплению связей и усилинию координации между регионами, также сложно назвать проработанными. В самом документе о способах и инструментах осуществления поставленных целей и задач говорится весьма скромно: в соответствующем разделе СПР лишь присутствуют отсылки к плану ее реализации. Сам же План, утвержденный в конце декабря 2019 г., представляет собой перечень мероприятий (состоит из 100 пунктов и содержит также сведения об ожидаемых результатах, сроках реализации предлагаемых действий, ответственных за их осуществление исполнителях), достаточно условно сгруппированных в 5 блоков, логика выделения которых не коррелирует ни с одним из разделов Стратегии пространственного развития. Запланированные шаги в большинстве своем предполагают институциональные изменения, зачастую ориентированы на разработку новых документов (в том числе документов стратегического планирования) – законов, стратегий, планов, методических рекомендаций. Единственный пункт данного перечня, касающийся развития макрорегионов (за исключением мер, затрагивающих преобразования отдельных макрорегионов – Дальневосточного и Северо-Кавказского), относится именно к такому типу действий: он предполагает «разработку стратегий социально-экономического развития макрорегионов» и «планов мероприятий по их реализации», учитывающих направления и ориентиры трансформаций, предусмотренных как Стратегией пространственного развития, так и прочими документами стратегического планирования Российской Федерации. Можно предположить, что конкретные действия, связанные с активизацией партнерских взаимодействий между регионами, предполагалось предусмотреть именно в этих стратегиях и планах, однако оценить потенциал их применения не представляется возможным: несмотря на то, что срок реализации данного мероприятия был намечен на октябрь 2020 г. до сих пор ни одного подобного документа не было разработано. Более того, даже в появившейся в 2023 г. Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года (весомо критично оцененной сообществом [17]) «макрорегиональный» аспект отсутствует: перспективам и инструментам преобразований Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов, входящих в состав данного округа, внимание не уделено. Следует отметить, что нарушение сроков осуществления зафиксированных в Плане реализации СПР мероприятий характерно не только для действий, касающихся развития связности территорий, которые относятся к одному макрорегиону, но отсутствие к настоящему времени хоть каких-то результатов, обеспечивающих совершенствование инструментария межтерриториального взаимодействия в отношении выделенных макрорегионов, исключает возможность получения позитивных эффектов от проведенного районирования.

Таким образом, каждый элемент триады «цель – критерии – механизмы» появления макрорегионов может быть подвергнут достаточно серьезной критике (не ясно, какой именно функционал должны были взять на себя макрорегионы, насколько обоснован предложенный вариант состава каждого из них, каким образом вхождение субъекта РФ в тот или иной макрорегион должно было отразиться на его развитии), что, безусловно, сказывается на специфике тех процессов, которые характеризуют их развитие. Для иллюстрации данного тезиса имеет смысл обратиться к анализу трендов изменения

межтерриториальных диспропорций, присущих макрорегионам.

Трансформация значений индекса Тейла [\[18\]](#) (который в основном используется для оценки экономического неравенства в обществе, но также позволяет оценить степень неравномерности распределения объектов в пространстве [\[19, 20\]](#)) свидетельствует о наращивании масштабов межтерриториальной разрозненности практически во всех макрорегионах за время, прошедшее с момента утверждения СПР (большая величина индекса означает больший уровень неоднородности) (табл. 1).

Таблица 1

Значения индекса Тейла

Макрорегионы	Валовой региональный продукт					Численность населения				
	2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022
Центральный	1,330	1,321	1,315	1,312	1,342	0,600	0,608	0,636	0,644	0,653
Центрально-черноземный	0,069	0,073	0,071	0,074	0,076	0,052	0,053	0,054	0,055	0,055
Северо-Западный	0,642	0,646	0,630	0,782	0,850	0,365	0,368	0,398	0,402	0,406
Северный	0,046	0,046	0,073	0,044	0,038	0,324	0,324	0,321	0,320	0,319
Южный	0,473	0,462	0,469	0,476	0,518	0,390	0,391	0,386	0,386	0,385
Северо-Кавказский	0,356	0,350	0,350	0,368	0,369	0,247	0,247	0,252	0,252	0,252
Волго-Камский	0,357	0,360	0,341	0,372	0,379	0,166	0,167	0,174	0,176	0,177
Волго-Уральский	0,148	0,140	0,120	0,136	0,131	0,088	0,089	0,095	0,097	0,098
Уральско-Сибирский	0,222	0,223	0,177	0,224	0,241	0,221	0,220	0,224	0,222	0,221
Южно-Сибирский	0,198	0,183	0,183	0,210	0,219	0,162	0,161	0,163	0,163	0,163
Ангаро-Енисейский	0,462	0,476	0,475	0,465	0,452	0,296	0,295	0,292	0,291	0,290
Дальневосточный	0,326	0,304	0,250	0,279	0,310	0,294	0,295	0,299	0,299	0,299

* Зеленым цветом обозначены периоды, для которых характерно снижение (по сравнению с прошлым годом) неравномерности распределения рассматриваемых элементов в пространстве макрорегиона, персиковым – периоды, для которых характерно их повышение или сохранение на предыдущем уровне.

Рассчитано по:

Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Уровень централизации рассматриваемых активов (населения и произведенной в регионе добавленной стоимости) в пространстве макрорегиона также в большинстве случаев демонстрирует тенденцию к росту, о чем свидетельствует увеличение значений индекса Холла-Тайдмана [\[21\]](#), который, представляя собой ранговый индекс концентрации, находит широкое применение в рамках территориального анализа [\[22\]](#) (табл. 2).

Таблица 2

Значения индекса Холла-Тайдмана

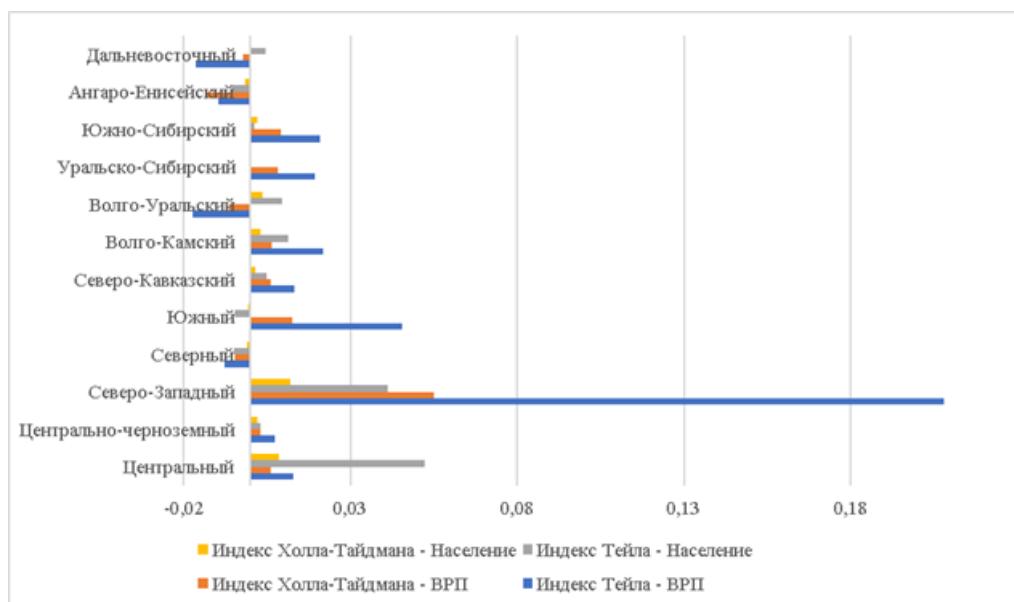
Макрорегионы	Валовой региональный продукт					Численность населения				
	2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022
Центральный	0,309	0,308	0,306	0,308	0,315	0,161	0,163	0,167	0,169	0,170
Центрально-черноземный	0,251	0,253	0,252	0,253	0,254	0,241	0,242	0,242	0,243	0,243
Северо-Западный	0,288	0,289	0,287	0,323	0,343	0,220	0,221	0,229	0,230	0,231
Северный	0,397	0,397	0,408	0,396	0,392	0,518	0,518	0,518	0,517	0,517
Южный	0,264	0,261	0,262	0,264	0,276	0,241	0,241	0,241	0,241	0,240
Северо-Кавказский	0,259	0,258	0,258	0,265	0,265	0,231	0,231	0,233	0,233	0,233
Волго-Камский	0,231	0,232	0,228	0,236	0,238	0,184	0,184	0,186	0,186	0,187
Волго-Уральский	0,237	0,235	0,228	0,233	0,231	0,218	0,218	0,221	0,221	0,222
Уральско-Сибирский	0,257	0,259	0,239	0,259	0,266	0,262	0,262	0,263	0,262	0,262
Южно-Сибирский	0,241	0,236	0,239	0,247	0,250	0,229	0,229	0,231	0,231	0,231
Ангаро-Енисейский	0,489	0,499	0,501	0,489	0,476	0,408	0,408	0,407	0,407	0,407
Дальневосточный	0,162	0,158	0,147	0,154	0,160	0,154	0,154	0,155	0,155	0,155

* Зеленым цветом обозначены периоды, для которых характерно снижение (по сравнению с прошлым годом) масштабов концентрации рассматриваемых элементов в пространстве макрорегиона, персиковым – периоды, для которых характерно их повышение или сохранение на предыдущем уровне.

Рассчитано по:

Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Некоторое сокращение уровня межрегиональной дифференциации, акцент на котором делается в посвященной макрорегионам части СПР, за время реализации документа может быть зафиксировано только в отношении 4 из 12 территориальных комплексов (рис. 3), при этом существенным его назвать нельзя. Полученные результаты коррелируют с выводами, сделанными целым рядом исследователей [23, 24], анализирующих масштабы неоднородности социально-экономического пространства макрорегионов: они показывают высокий уровень неравенства как внутри анализируемых территориальных комплексов, так и между ними.

Рассчитано по:

Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Рисунок 3 – Изменение индексов Тейла и Холла-Тайдмана (2018-2022 гг.)

Анализ основных аспектов и результатов проводимой в стране политики пространственного развития дает основание предположить, что от идеи использования макрорегионов для достижения ориентиров трансформации системы организации пространства было принято решение отказаться: мероприятия, запланированные в интересах «запуска» такой структуры как макрорегионы, не были реализованы, альтернативных инструментов превращения их в действенный элемент такой политики не предложено.

В то же самое время районирование (объединение расположенных вблизи друг от друга и обладающих схожими признаками / проблемами / задачами территориальных единиц, субъектов Российской Федерации, в комплексы – макрорегионы) представляется весьма перспективной составляющей территориального управления. Однако для того, чтобы формируемые макрорегионы генерировали позитивные эффекты, а результаты их появления способствовали достижению поставленных стратегических целей, необходима трансформация концептуального подхода к развитию таких территориальных комплексов, важной частью которого должна стать серьезная теоретико-методологическая проработка основ, определяющих логику их функционирования.

Перспективы применения политики районирования в российской практике

Перспективным (хотя и не лишенным некоторых недостатков и ограничений) представляется использование проектного подхода к созданию макрорегионов, предполагающего рассмотрение формируемых комплексов как временных объединений, правила (и специфика) функционирования которых подчинена достижению конкретной (но при этом масштабной) цели. Это означает отказ от жесткой фиксации макрорегионов в заданных границах и трансформацию их из имеющего свое место в иерархически выстроенной системе (страна – федеральный округ – макрорегион – регион) элемента в гибкую сетевую надстройку (надрегионального уровня), способную быстро перестроиться (в том числе и путем изменения набора входящих в ее состав элементов) в интересах максимизации эффективности своего функционирования. Такой подход также допускает

возможность одновременного формирования нескольких «макрорегиональных сеток» (например, формируемых с целью реализации перспективных экономических специализаций и повышения степени доступности для населения социальных благ) и возможность одновременного вхождения одного региона в состав более чем одного макрорегиона (например, когда целью выделения макрорегионов является реализация крупных межрегиональных инвестиционных проектов).

Очевидно, что в случае принятия именно такого подхода к формированию и развитию макрорегионов изменения потребует система управления их функционированием: она должна иметь межведомственный характер, что предполагает усиление частоты и качества взаимодействий властных структур, ответственных за различные аспекты социально-экономических трансформаций, друг с другом. Это означает, что при сохранении за Министерством экономического развития РФ ключевых функций, связанных с развитием макрорегионов как элементов российского пространства, – таких как разработка нормативно-правового регулирования в области территориального планирования, создание и внедрение различных механизмов поддержки территорий и т.п. – к реализации конкретных масштабных межрегиональных проектов (осуществление которых служит причиной объединения субъектов РФ в макрорегионы) необходимо подключение профильных министерств и ведомств, осуществляющих государственную политику в сфере, на преобразование которой направлен этот проект (например, проект, ориентированный на повышение уровня продовольственной безопасности, требует привлечения Министерства сельского хозяйства РФ). Их деятельность предполагает координацию и контроль мероприятий, обеспечивающих достижение поставленных в рамках проекта целей.

Еще одним условием успешной реализации проектного подхода к развитию макрорегионов является грамотная структуризация параметров, мер и действий, лежащих в его основе, в частности, необходимо четко понимать роль и место каждого субъекта Российской Федерации в процессе достижения цели, в интересах реализации которой были выделены макрорегионы.

Функционал макрорегионов (в их текущей вариации), как уже отмечалось ранее, не очевиден, а предлагаемый концептуальный подход, напротив, предусматривает его четкую фиксацию: макрорегион (в контурах проектного подхода) представляет собой площадку реализации крупного проекта (он может быть инвестиционным, социальным, технологическим и т.д.), границы которой, как и специфика происходящих в них процессов, обуславливаются конкретным и понятным целевым ориентиром.

Логика организации сетки макрорегионов (достаточно устойчивой, базирующейся на учете специфики размещения производительных сил, хозяйственных связей между территориальными единицами), которая хорошо себя показала в советское время в реалиях плановой экономики, в современных условиях не может быть использована с той же эффективностью, что и раньше. Это обуславливается целым рядом причин, и в первую очередь, высокой динамикой изменения системы межсубъектных (в том числе межтерриториальных) отношений (в настоящее время, характеризующееся значительным уровнем турбулентности и неопределенности развития экономики она только возрастает), а также трансформацией самого пространства взаимодействий (увеличивается роль виртуальных связей, повышается значимость цифровых технологий, что привносит новые акценты в значение фактора локализации производства). Все это многообразие условий определяет успешность развития сетевых структур (гибких, динамичных), которые хорошо работают именно в рамках проектного подхода (в этом контексте макрорегионы могут быть рассмотрены с одной стороны, как пространство формирования и развития

сетей, сетевых взаимодействий, с другой стороны, как высокоуровневая сетевая структура).

Однако вне зависимости от того, выбран ли предложенный проектный подход или реализуется традиционный, предусматривающий формирование единой фиксированной сетки макрорегионов, вариант, важно принимать во внимание ряд концептуальных положений, обеспечивающих успешность осуществляющей политики районирования.

Так, самого пристального внимания заслуживает каждый из элементов обозначенной ранее триады (которые обязательно следует согласовывать друг с другом).

Деятельность по формированию и развитию макрорегионов должна быть подчинена конкретной цели (именно она задает функционал создаваемых межрегиональных комплексов): в случае ее отсутствия невозможно грамотное определение тех критериев, которые позволяют подобрать перечень наиболее подходящих для интеграции территорий, и выработка механизмов, обуславливающих эффективную реализацию процессов, инициируемых этой интеграцией, что обесценивает саму идею формирования макрорегионов, превращая их в бесполезные структуры, оттягивающие при этом на себя часть имеющихся у государства ресурсов. Цель не должна быть слишком широкой: как уже отмечалось ранее, в таком случае оптимальный вариант «макрорегиональной сетки» предложить будет слишком сложно (из-за множества параметров и характеристик, которые необходимо учесть), а набор формируемых в интересах ее достижения шагов и инструментов, скорее всего, будет носить слишком обобщенный характер. В то же время цели следует быть достаточно масштабной и амбициозной: осуществление политики районирования и развитие макрорегионов является весьма затратным (как с точки зрения необходимого времени, так и требуемых управленческих ресурсов) процессом.

Перечень параметров и показателей, которые необходимо принимать во внимание для выявления состава и границ макрорегионов, должен быть комплексным и базироваться не только на оценке текущего состояния субъектов Российской Федерации, но и на приоритетах, а также рисках их развития. Это предполагает как обращение к документам стратегического планирования, разрабатываемых на уровне регионов, так и учет потребностей и интересов субъектов, локализованных в их пространстве (речь идет не только об органах власти разного уровня, которые могут быть заинтересованы в укреплении взаимодействия с представителями соседних территорий, но и о крупных бизнес-структурах или общественных объединениях, оказывающих существенное влияние на развитие региональных социально-экономических систем). В отличие от районирования, осуществляющегося в интересах оптимизации системы управления, когда качественной проработкой критериев выделения макрорегионов можно пренебречь (о чем говорилось в рамках анализа особенностей и итогов появления федеральных округов), формирование макрорегионов как пространственных структур экономического типа (именно их создание было предусмотрено Стратегией пространственного развития Российской Федерации) требует серьезного обоснования отбора наиболее подходящих параметров и показателей, что делает целесообразным активное включение в процессы определения состава и границ подобных интеграционных систем представителей экспертного сообщества (как уже отмечалось ранее, отечественная научная школа районирования имеет богатую историю и значительное количество наработок, которые могут быть успешно применены на практике). Хотя перечень параметров и показателей (а также их пороговые значения, оцениваемые на их основе критерии отбора территорий для включения в состав макрорегионов и т.д.) не может быть стандартизованным и нуждается в пересмотре каждый раз, когда возникает потребность в трансформации

макрорегиональной системы (например, вследствие появления новой цели объединения субъектов РФ, изменения условий функционирования хозяйствующих субъектов), некоторые критерии районирования (отраслевая структура экономики, затверженные в регионе ориентиры развития и др.) требуют особого внимания в силу того влияния, которое они оказывают на перспективы формирования устойчивых межтерриториальных связей.

Механизмы, обеспечивающие достижение целей, реализация которых обуславливается формируемыми макрорегионами, в первую очередь должны создавать дополнительные возможности для сотрудничества участников макрорегионального образования, повышения степени скоординированности их действий, расширения спектра способов их коммуникации. Это означает, что такие механизмы должны встраиваться в уже существующую систему инструментов межтерриториального взаимодействия, расширяя и дополняя их с учетом заданных логикой формирования макрорегиона целевых ориентиров. Следовательно, говорить о выработке стандартизированного набора механизмов, сопровождающих развитие макрорегионов, нельзя – трансформация ожидаемого результата, к которому должно привести усиление связности макрорегионального социально-экономического пространства, влечет за собой и изменение наиболее подходящих инструментов и мер (что, однако, не отменяет возможность обращения к некоторым универсальным, применимым в различных условиях, мероприятиям, например, к формированию открытых баз данных, содержащих информацию об особенностях и перспективах развития субъектов Российской Федерации и входящих в их состав муниципальных образований, которая может представлять интерес для регионов, заинтересованных в поиске наиболее подходящего партнера для реализации собственных проектов или решения имеющихся проблем).

Следует также отметить, что развитие комплекса механизмов, способных оказать существенное воздействие на межтерриториальные отношения в границах макрорегиона, невозможно без четкой фиксации субъектов управляемской деятельности, закрепления за ними всех необходимых полномочий и определения границ их ответственности, при этом создание новых институтций (например, специализированных министерств или ассоциаций, включающих представителей интегрированных в рамках макрорегиона субъектов Российской Федерации) не является обязательным. Это означает, что отсутствие в структуре органов власти, реализующих политику пространственного развития, еще одного уровня (макрорегионального, действующего параллельно с аппаратами полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах) не свидетельствует о «неуправляемости» формируемых макрорегионов: функции по регулированию процессов, происходящих в их пространстве, могут реализовываться федеральными органами исполнительной власти (в координации с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав макрорегиона).

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что макрорегионы в настоящее время представляют собой несколько недооцененный элемент политики пространственного развития: функционал предложенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации макрорегионов не понятен, что не позволяет предложить корректные критерии определения их границ, разработать адекватные механизмы превращения их в точки экономического роста. Данный вывод согласуется с оценкой современного подхода к выделению макрорегионов, находящей отражение в значительном количестве исследований: обзор вышедших в отечественных изданиях за

период 2015-2020 гг. 160 публикаций, посвященных СПР, показал, что обозначенный в документе вариант районирования представляет собой один из наиболее критикуемых учеными сюжетов стратегии [25].

В текущих быстро меняющихся условиях макрорегионы могут взять на себя роль площадок реализации крупных проектов, выступать в качестве пространства сетевых взаимодействий (что предполагает отказ от жесткой фиксации макрорегионов в заданных границах, их превращение в гибкую надрегиональную надстройку, способную динамично реагировать на происходящие изменения, подстраиваясь под новые условия).

Библиография

1. Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. Неоднородность экономического развития российских макрорегионов // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 4. С. 934-948. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-1
2. Суворова А.В. Формирование макрорегионов как инструмент сокращения внутритериториальных диспропорций: опыт Уральского федерального округа // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 4. С.1-14. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.4.36766 URL: https://e-notabene.ru/etc/article_36766.html
3. Родоман Б. Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3(57). С. 4-12.
4. Балина Т. А., Николаев Р. С., Осоргин К. С., Пономарева З. С., Столбов В. А., Чекменева Л. Ю. Эволюция научных подходов к районированию Пермского края: теоретические и методологические аспекты // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 45-62. DOI: 10.17072/2079-7877-2021-3-45-62
5. Шувалов В. Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3(49). С. 19-29.
6. Дубровский А. В. Перспективное районирование территории для цели рационального использования в хозяйственной деятельности // Интерэкспо Гео-Сибирь. XII Международный научный конгресс: Международная научная конференция «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью». Т. 2. Новосибирск: СГУГИТ, 2016. С. 34-39.
7. Бакланов П. Я. Новые факторы и предпосылки экономического районирования России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2024. Т. 79. № 12. С. 5-18. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.1
8. Изюмова О. Н., Бергер Ю. А. Исторический аспект экономического районирования России // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 3. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).36
9. Бакина Е. О., Семина И. А. Экономическое районирование советского периода: взгляд географа // Научное обозрение: электронный журнал. 2020. № 3.-URL: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2020/08/ID258.pdf>
10. Баранский Н. Н. Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана. Москва – Ленинград: Гос. изд., 1926. 294 с.
11. Колсовский Н. Н. Теория экономического районирования. Москва: Мысль, 1969. 336 с.
12. Саушкин Ю. Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 1960. №1. С. 23-30.

13. Аlamпиев П. М. Экономическое районирование СССР. Москва: Экономическая литература, 1963. 248 с.
14. Долгалев О. В. Федеральные округа: правовая природа, проблемы и перспективы // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 17-19.
15. Блануца В. И. Макрорегионы в стратегии пространственного развития России: верификация границ по перспективным экономическим специализациям // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22. №3. С. 30-41. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.3.3
16. Minakir P. A., Isaev A. G., Demyanenko A. N., Prokapalo O. M. Economic macroregions: An integration phenomenon or political-geographical expediency? The case of the Far East // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Iss. 3. Pp. 327-343. DOI: 10.1134/S2079970520030107
17. Крюков В. А., Селиверстов В. Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. №5. С. 22-40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40
18. Theil H. Economics and Information Theory. North-Holland, 1967. 488 р.
19. Cao P., Tao, H. Sustainable development in Gansu Province: Theil index and cluster analysis // Sustainability. 2024. Vol. 16. 4518. DOI: 10.3390/su16114518
20. Власюк Л.И., Новиков А.П. Стратегические возможности перехода к цифровым технологиям в регионах России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 106-117.
21. Hall M., Tideman N. Measures of concentration // Journal of the American Statistical Association. 1967. Vol. 62. Pp. 162-168.
22. Kostyaev A.I. Rural areas of Russia's North-West borderland: problems and development paths // Baltic Region. 2019. Vol. 11. Iss. 4. Pp. 93-113. DOI: 10.5922/2078-8555-2019-4-6
23. Адамов Э.В. Исследование неоднородности социально-экономического пространства России на уровне макрорегионов // Муниципалитет: экономика и управление. 2024. № 2(47). С. 10-19. DOI: 10.22394/2304-3385-2024-2-10-19
24. Шаталова О.М. Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2022. Т. 16. № 2. С. 55-63. DOI: 10.14529/em220205
25. Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 4(112). С. 3-26. DOI: 10.15372/REG2021040

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. С учётом обозначенного заголовка статья должна быть посвящена макрорегионам в российской системе территориального управления. Содержание статьи не противоречит заявленной теме.

Методология исследования базируется на изучении и систематизации общезвестных данных, а также синтезе отдельных из них в единое целое. Обращает на себя внимание отсутствие изученности числовых данных, которые бы характеризовали предмет исследования. При проведении доработки статьи автору рекомендуется устранить данное замечание, т.к. без конкретного количественного обоснования выводов

исследования статья по данной теме не будет востребована у потенциальной читательской аудитории.

Актуальность исследования вопросов регионального развития не вызывает сомнения, т.к. это отвечает национальным интересам Российской Федерации и концепции пространственного развития Российской Федерации. При этом потенциальную читательскую аудиторию интересуют конкретные обоснованные авторские суждения в части проблем и рекомендаций по их решению.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале может быть связана с построенной на рисунке 1 триадой составляющих успешности политики районирования, а также на рисунке 2 в контексте детализации на федеральные округа. Доработка статьи по указанным в тексте рецензии замечаниям позволит усилить научную новизну.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является научным. Структура статьи автором выстроена, но является недостаточной для раскрытия заявленной темы. Это обусловлено тем, что отсутствуют структурные элементы статьи, связанные с анализом числовых данных, обоснованием существующих проблем и рекомендаций по их решению. Автор утверждает, что система управления функционированием должна носить межведомственный характер, но при этом не поясняя как именно оно должно быть осуществлено: какие конкретные органы власти должны быть задействованы и какие полномочия на них должны быть возложены?

Следует согласиться с автором, что «Перечень параметров и показателей, которые необходимо принимать во внимание для выявления состава и границ макрорегионов, должен быть комплексным и базироваться не только на оценке текущего состояния субъектов Российской Федерации, но и на приоритетах, а также рисках их развития». Однако какие именно параметры и показатели должны быть включены? Как они должны рассчитываться? Какие должны быть критериальные значения? Ответы на эти вопросы значительно усилият содержание статьи и сделают её востребованной для широкой читательской аудитории.

Библиография. Библиографический список состоит из 16 наименований. Ценно, что автор изучил не только отечественные, но и зарубежные научные публикации. Подавляющая часть публикаций относится к периоду 2021 года и ранее. При доработке статьи рекомендуется увеличить количество источников, в первую очередь, за счёт дополнения публикациями, вышедшими в 2023-2024 гг.

Апелляция к оппонентам. Автором во вступительной части статьи проведена научная дискуссия в тексте статьи (это занимает одно из ключевых мест в статье). По мере дополнения списка статьи важно также и по ним провести данную дискуссию. Более того, при наполнении статьи авторскими суждениями по предмету исследования следует их сравнить в теми, что содержатся в научных публикациях, отражённых в списке литературы.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного, статья требует проведения доработки, после проведения которой на высоком уровне, она может быть опубликована в виду высокой актуальности выбранной темы исследования. Качественная доработка обеспечит огромную востребованность статьи в научно-практических сообществах, в т.ч. и за рубежом.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы

Макрорегионы играют важную роль в российской системе территориального управления. Они представляют собой крупные экономические районы, объединенные схожими характеристиками и целями развития. Макрорегионы формируются на основе географического положения территории, национально-исторических особенностей страны или регионов, экономического состояния и социально-демографического положения. Стратегия пространственного развития России до 2025 г., утвержденная Правительством и разработанная Министерством экономического развития РФ, заканчивает свое действие, а новая Стратегия пока не определена. Действующая Стратегия выделяет 12 макрорегионов, границы которых не соответствуют границам федеральных округов, которых в настоящее время выделено 8.

Представленная статья посвящена исследованию роли макрорегионов в современной системы территориального управления и пространственного развития России. Текст статьи соответствует заголовку. В статье выделены разделы, что соответствует требованиям журнала «Теоретическая и прикладная экономика». Во «Введении» автор обосновывает значимость и актуальность выбранного направления исследования. Вместе с тем, «Введение» не содержит таких обязательных элементов, как цель, задачи, объект и предмет исследования, что требует дополнения статьи. Раздел «Теоретические аспекты районирования» содержит обзор точек зрения различных ученых на проблему экономического районирования в России, на подходы к районированию, где автор рассматривает районирование как «членение территории на качественно своеобразные и/или внутренне связанные части». В разделе «Отечественная практика районирования: от советской политики к выделению федеральных округов» автор систематизирует подходы к экономическому районированию в России. Раздел «Современный подход к выделению макрорегионов: ограничения и дефициты» включает как характеристики современного районирования в России, так и оценку уровня и динамики неравенства макрорегионов по ВРП и численности населения на основе анализа динамики индексов Тейла и Холла-Тайдмана. Автор приходит к выводу, что на современном этапе «от идеи использования макрорегионов для достижения ориентиров трансформации системы организации пространства было принято решение отказаться: мероприятия, запланированные в интересах «запуска» такой структуры как макрорегионы, не были реализованы». В разделе «Перспективы применения политики районирования в российской практике» автор рассматривает проблемы районаирования в России и заключает, что «что развитие комплекса механизмов, способных оказать существенное воздействие на межтерриториальные отношения в границах макрорегиона, невозможно без четкой фиксации субъектов управленческой деятельности, закрепления за ними всех необходимых полномочий и определения границ их ответственности». Раздел «Заключение» включает краткое резюме результатов исследования. Статья представляется целостной.

В исследовании использованы известные общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному, логический метод и т.д. Среди специфических методов экономический исследований автором применен статистический, динамический и коэффициентный анализ. Для оценки показателей дифференциации регионов по экономическому развитию рассчитаны индексы Тейла и Холла-Тайдмана.

Выбранная тема исследования актуальна, что обусловлено высокой дифференциацией регионов по уровню социально-экономического развития, необходимость совершенствования стратегии пространственного развития России для обеспечения устойчивого экономического роста, социальной стабильности и экологической устойчивости. Государственная политика в этой области направлена на создание условий для сбалансированного развития всех регионов, улучшение инфраструктуры и повышение качества жизни граждан. Для обеспечения качественной разработки стратегии пространственного развития прежде всего необходимо обеспечить корректное определение экономических районов с учетом потенциала и проблем экономико-географического положения регионов, связей регионов в рамках цепочек формирования добавленной стоимости, транспортной инфраструктуры, инвестиционного климата и инновационного экологической обстановки,

Исследование обладает практической значимостью. Однако, автор не приводит в тексте соответствующую формулировку. Исследование открывает возможности его использования в рамках разработки новой Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г.

Автор не сформулировал видение научной новизны исследования, в связи с чем она не очевидна. Автору необходимо представить формулировку приращения научного знания по результатам проведенного исследования.

Стиль статьи является научным и соответствует требованиям журнала.

Автор использует элементы визуализации результатов исследования - в статье приведены 3 рисунка и 2 таблицы, это позволяет повысить уровень восприятия результатов исследования читателями журнала.

Библиография представлена 25 источниками, что соответствует требованиям журнала. В статье имеются в достаточном количестве ссылки на актуальные отечественные исследования по экономическому районированию.

К преимуществам статьи следует отнести следующее. Во-первых, актуальность и значимость выбранного направления исследования. Во-вторых, широту авторского кругозора на рассматриваемую проблему. В-третьих, иллюстрацию результатов исследования графическими объектами. В-четвертых, наличие расчетов дифференциации регионов. В-пятых, наличие предложений, имеющих практическое значение в условиях разработки Стратегии пространственного развития России до 2030 г. К недостаткам статьи отнесем следующее. Во-первых, необходимость дополнения «Введения» такими элементами как цель, задачи исследования. Во-вторых, отсутствие формулировок научной новизны и практической значимости.

Заключение. Представленная статья посвящена исследованию роли макрорегионов в современной системе территориального управления и пространственного развития России. Статья отражает результаты авторского исследования и может вызвать интерес читательской аудитории. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Теоретическая и прикладная экономика» при устранении указанных по тексту настоящей рецензии замечаний.

Теоретическая и прикладная экономика*Правильная ссылка на статью:*

Чихирева Н.В., Альпидовская М.Л. Человеческий потенциал в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.71744 EDN: JOBYWG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71744

Человеческий потенциал в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы**Чихирева Наталья Викторовна**

ORCID: 0000-0002-7415-1667

соискатель; кафедра экономической теории; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49/2

✉ 4mrsrnv@gmail.com**Альпидовская Марина Леонидовна**

ORCID: 0000-0001-9075-9683

доктор экономических наук

профессор; кафедра экономической теории; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49/2

✉ morskaya67@bk.ru[Статья из рубрики "Экономическая теория и история экономической мысли"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8647.2024.4.71744

EDN:

JOBYWG

Дата направления статьи в редакцию:

19-09-2024

Дата публикации:

15-11-2024

Аннотация: предметом исследования данной статьи является человеческий потенциал, который рассматривается в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы. Объектом исследования выступает система показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы. Роль человеческого потенциала в системе показателей национального богатства особенно важна в условиях трансформации социально-экономической системы. Развитие человеческого потенциала способствует диверсификации экономики, позволяя стране переходить от традиционных отраслей к новым, высокотехнологичным секторам. Человеческий потенциал играет важную роль в достижении целей устойчивого развития, поскольку он способствует более рациональному использованию ресурсов и более справедливому распределению благ. Целью работы является обоснование роли человеческого потенциала в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы. Методология исследования базируется на обобщении сведений по рассматриваемой теме из отечественных и зарубежных источников, информации, показателей статистики. При помощи сравнительно-описательного метода исследования были проанализированы категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы». Научная новизна заключается в том, что человеческий потенциал рассматривается как явление в пространственно-временном континууме, что создает основополагающую возможность для накопления национального богатства страны в условиях изменений социально-экономической системы. В статье обоснована основополагающая роль человеческого потенциала в накоплении и увеличении национального богатства страны в ракурсе инвестиций в человеческий капитал через квалификацию, образование и профессиональную подготовку, формируя устойчивое развитие и адаптивность к изменениям в экономической среде. Человеческий потенциал является ключевым элементом национального богатства, влияющим на все аспекты социально-экономической системы. В условиях трансформации общества и экономики его развитие и использование становятся приоритетной задачей для устойчивого роста и повышения качества жизни. Данное обоснование было достигнуто путем синтеза.

Ключевые слова:

человек, человеческий потенциал, трудовые ресурсы, национальное богатство, теория национального богатства, система показателей, компоненты человеческого потенциала, роль человеческого потенциала, показатель национального богатства, измерение человеческого потенциала

Введение

Трансформация социально-экономической системы — это процесс, связанный с долгосрочным изменением доминирующей экономической деятельности, приводящее к переходу от одной экономической структуры к другой. В авторском понимании, трансформация подразумевает фундаментальную реформу экономических и социальных систем как на национальном, так и на глобальном уровнях. Трансформация является сложным и многогранным процессом, включающим различные заинтересованные стороны и факторы, требующий глубокого понимания основных движущих сил и результатов процесса. Процессы трансформации социально-экономической системы оказывают свое влияние на восприятие, функции и роль человеческого потенциала для национальной экономики. В контексте социально-экономической трансформации

человеческий потенциал относится к коллективным возможностям, навыкам и талантам людей в обществе, которые могут быть использованы для стимулирования экономического роста, социального прогресса и устойчивого развития. Он охватывает врожденные способности, знания и опыт людей, которые можно развивать и использовать для достижения их полного потенциала.

Постановка проблемы

В современных реалиях, человеческий потенциал является неотъемлемой составляющей национального богатства, причем высокоразвитый компонент человеческого потенциала, принимающий формы высококвалифицированной рабочей силы и человеческого капитала востребован в процессах глубоких технологических сдвигов и общественно-хозяйственных преобразований. Однако возникает проблема стимулирования роста человеческого потенциала государства, в особенности высокоразвитого компонента, в условиях трансформации и несовершенства институциональной и социально-экономической среды. Точки роста человеческого потенциала и подлежат исследованию в данной работе. Научной новизной выступает отражение человеческого потенциала, как явления, рассматриваемого в пространственно-временном континууме, представляющее основополагающую возможность для накопления национального богатства страны, в условиях трансформации социально-экономической системы.

Цель и задачи исследования

Целью работы выступает обоснование роли человеческого потенциала в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы.

Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются следующие задачи:

- раскрытие категории «трансформация социально-экономической системы» и выделение этапов трансформации;
- анализ эволюции взглядов на составляющие национального богатства страны;
- определение категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы» для разграничения понятий и формирования представления о значении роли именно человеческого потенциала в национальном богатстве страны;
- обоснование трансформации социально-экономической системы и потребности в развитии человеческого потенциала в 2024-2030 годах.

Методология и условия исследования

При помощи сравнительно-описательного метода исследования были проанализированы категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы». Путем формализации было определено место и роль человеческого потенциала в системе показателей национального богатства.

Графическое представление информации позволило продемонстрировать особенности трансформации социально-экономической системы в Индустрии 4.0.

Результаты исследования

Источником развития научного дискусса выступает рассмотрение категории «трансформация социально-экономической системы». С точки зрения Стебляковой Л.,

трансформация происходит путём перехода функционального состояния системы по мере накопления изменений [1]. Противоположным мнением обладает ЗубенкоС., который рассматривает трансформацию как непрерывный процесс прогрессивного преобразования (то есть, социально-экономическая система существует в изменениях), причиной которого служит изменение структурных элементов всех уровней, их взаимосвязей и взаимопроникновений [2]. ВасинС. к трансформации социально-экономической системы относит явления и события в контексте управленческих или политических решений, или, наоборот, отсутствие необходимых решений, которое может привести к возникновению деформаций системы [2]. МартыновА. считает, что процесс экономической трансформации осуществляется в значительной мере в результате отражения технологических трансформаций, ряда внеэкономических и в ограниченной мере институциональных процессов [1]. С точки зрения автора, социально-экономическая трансформация относится к значительным и фундаментальным изменениям в экономических и социальных структурах общества. Эта трансформация может происходить на разных уровнях, включая национальный и глобальный, и включает переход от одной доминирующей экономической деятельности к другой, что часто приводит к повышению производительности и росту.

Переход к Индустрии 4.0 (Цифровая экономика) является продолжающейся социально-экономической трансформацией, которая обусловлена достижениями в области технологий и приводит к значительным изменениям в образе жизни общества и отношений. Возникает необходимость в детальном рассмотрении сфер социально-экономической жизни общества, которые подвержены трансформации для определения роли человека и человеческого потенциала в накоплении национального богатства страны. Рассмотрим этапы и аспекты трансформации социально-экономической системы в эпоху Индустрии 4.0 на рисунке 1.

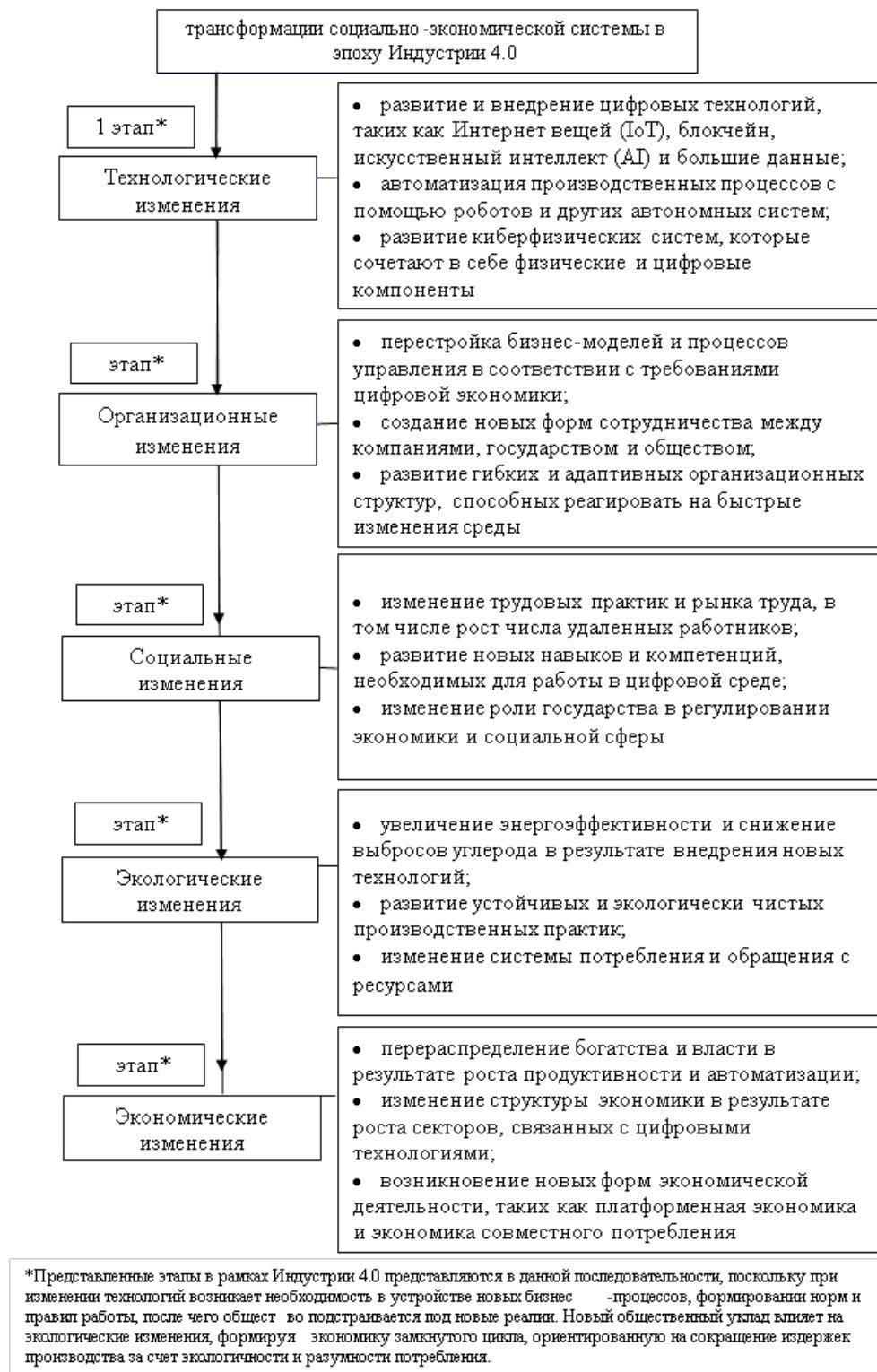

Рисунок 1 - Этапы и аспекты трансформации социально-экономической системы в эпоху Индустрии 4.0

Трансформация социально-экономической системы в эпоху Индустрии 4.0 является сложным и многогранным процессом, который требует участия всех заинтересованных сторон, включая государство, бизнес и общество. В процессе трансформации меняется отношение к человеческому труду и потенциалу, меняются трудовые практики и потребности в человеческом труде. В условиях дефицита кадров, наблюдающийся во многих странах мира, становится очевидным важность развития человеческого потенциала. С одной стороны, современные технологии призваны облегчить человеческую жизнь, его труд. Однако, на практике возникла потребность, как в кадрах с высокой квалификацией, так и в рабочих, обеспечивающих производство не в

цифровой, а в реальной среде. Согласно оценкам экспертов, к 2030 году в мире дефицит кадров различной квалификации будет достигать 85 млн человек [3]. Парадоксальным является то, что при росте численности населения Земли (превысила 8 миллиардов человек), наблюдается параллельный рост потребности в человеческом труде (70% компаний в 40 странах мира испытывают кадровый голод), что связано со старением населения [3].

Дефицит кадров и национальное богатство тесно связаны, так как национальное богатство включает в себя человеческий капитал, то есть знания, навыки и опыт работников. В общем виде зависимость дефицита кадров от национального богатства можно описать следующей формулой:

Дефицит кадров = (Потребность в кадрах - Доступные кадры) / Доступные кадры * 100% (1), где:

- потребность в кадрах - количество квалифицированных работников, необходимое для поддержания и развития национального богатства;
- доступные кадры - количество квалифицированных работников, фактически доступных на рынке труда.

Национальное богатство влияет на потребность в кадрах, так как более высокий уровень национального богатства требует большего количества квалифицированных работников для поддержания и развития экономики. Кроме того, национальное богатство также влияет на доступные кадры, так как более богатые страны могут позволить себе больше вкладывать в образование и обучение своих граждан, что приводит к увеличению количества квалифицированных работников на рынке труда.

Таким образом, можно сказать, что национальное богатство является одним из факторов, влияющих на дефицит кадров, но не единственным. Другие факторы, такие как структура экономики, уровень развития образования и науки, миграционные процессы и т.д., также играют важную роль в определении дефицита кадров.

Теории, составляющие национального богатства, представляют собой множество подходов и концепций, объясняющих, из чего состоит богатство страны и как оно формируется. Современные труды ученых не содержат единого определения национального богатства. Многообразие подходов к определению национального богатства страны базируется на разнообразии объектов и методов к исследованиям, а также на изменениях мировой социально-экономической системы. Рассмотрим несколько основных ключевых направлений классификации теорий национального богатства (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация теорий национального богатства [4]

Теория	Ученые	Описание теории
Классическая экономическая теория	Адам Смит	В своей работе "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776) определял национальное богатство как совокупность материальных благ, производимых нацией, и акцентировал внимание на труде как основном источнике богатства
	Лавил	Развил теорию сравнительных преимуществ

	Рикардо	Утверждая, что нации должны специализироваться на производстве тех товаров, в которых они имеют наибольшие производственные преимущества
Марксистская теория	Карл Маркс	Считал, что национальное богатство создается трудом рабочего класса, а капиталистическая система приводит к неравномерному распределению этого богатства. Он акцентировал внимание на том, что добавленная стоимость, созданная рабочими, присваивается капиталистами
Неоклассическая теория	Альфред Маршалл	Сторонники неоклассической теории, такие как Альфред Маршалл, утверждали, что национальное богатство включает как материальные, так и нематериальные активы, такие как человеческий капитал и знания. Важным элементом является рыночный механизм, который способствует эффективному распределению ресурсов.
Теория эндогенного роста	Пол Ромер, Роберт Лукас	Представители этой теории, такие как Пол Ромер и Роберт Лукас, утверждают, что знания, инновации и человеческий капитал играют ключевую роль в формировании национального богатства. Внутренние факторы, такие как инвестиции в образование и научные исследования, стимулируют экономический рост
Институциональная теория	Дуглас Норт	Дуглас Норт и другие исследователи подчеркивают важность институциональных факторов, таких как правовая система, политическая стабильность и качество управления, для формирования национального богатства. Институты создают рамки для экономической деятельности и способствуют или препятствуют экономическому развитию
Современные теории		В современных условиях национальное богатство также рассматривается с учетом экологических и социальных факторов. Концепция устойчивого развития акцентирует внимание на необходимости сохранения природных ресурсов и обеспечения социального благополучия для будущих поколений.
Многоуровневые теории		Рассматривают взаимодействие различных уровней экономической деятельности - от локального до глобального - в формировании национального богатства

Данные теории подчеркивают многогранность понятия национального богатства и важность различных факторов и подходов для его понимания и анализа. С течением времени менялось представление о национальном богатстве. Национальное богатство в контексте течения времени показывает, как изменяются взгляды о накопленном нацией богатстве и факторах, его определяющих, в зависимости от исторических и экономических условий. Данное развитие можно рассмотреть в нескольких ключевых периодах. Выделим шесть основных периодов:

1. античность и средневековье: характеризуется тем, что богатство нации измерялось в основном количеством земли и природных ресурсов, которыми она владела. Земля была основным источником богатства, а сельское хозяйство играло центральную роль в экономике. Большое значение имел обмен товаров и торговля, как международная, так и внутренняя, особенно в таких цивилизациях, как Древний Рим и средневековые города-государства Италии;
2. меркантилизм (16-18 век): в данный временной период национальное богатство рассматривалось через призму накопления золота и серебра. Торговый баланс был основным показателем экономического благополучия: страны стремились к превышению экспорта над импортом. Государственная политика имела большое влияние на экономику и была направлена на увеличения накопления драгоценных металлов;
3. классическая экономическая теория (18-19 век): переход к промышленной революции изменил фокус на промышленное производство и труд. Адам Смит и другие классические экономисты утверждали, что труд является источником богатства, и что свободные рынки и конкуренция способствуют экономическому росту. Давид Рикардо ввел концепцию сравнительных преимуществ, подчеркивая важность специализации и международной торговли;
4. индустриальная эпоха (19-20 век): характеризуется быстрым ростом промышленного производства и урбанизации. Технологические инновации и капитал стали ключевыми элементами национального богатства. Социальные и экономические изменения, такие как развитие банковской системы и финансовых рынков, также стали играть важную роль;
5. постиндустриальная эпоха и современность (конец 20, начало 21 века): современные представления о национальном богатстве включают не только материальные активы, но и нематериальные, такие как человеческий капитал, знания, технологии и инновации. Институциональные факторы, включающие развитую правовую систему и политическую стабильность, становятся все более значимыми. Устойчивое развитие и экологические аспекты становятся неотъемлемой составляющей национального богатства. Национальное богатство оценивается с учетом экологической устойчивости и социальной справедливости;
6. цифровая эпоха (21 век): в последнее десятилетие информационные технологии и цифровая экономика играют центральную роль в формировании национального богатства. Большие массивы данных, информации и знания становятся стратегическими ресурсами. Инновации и предпринимательство в высокотехнологичных секторах, таких как ИТ, биотехнологии и возобновляемая энергетика, выступают важными драйверами экономического роста [\[3\]](#).

Эволюция представлений о национальном богатстве демонстрирует, как менялись экономические условия, технологии и общественные ценности, влияя на способы

создания и измерения богатства нации.

В современных условиях научное сообщество и практики приходят к выводам о значимости измерения человеческого потенциала страны для определения национального богатства. Сложность измерений человеческого потенциала базируется на двух составляющих, а именно:

1. оценка текущего состояния человеческого капитала страны – необходимо учитывает большое количество параметров для измерения, среди которых присутствуют качественные показатели (состояние здоровья, качество накопленных знаний и т.д.);
2. формирование прогноза на будущие периоды – при формировании прогноза также учитываются количественные и качественные показатели, а также возможная вероятность наступления событий. Возникает потребность в составление трех видов прогноза: негативный, нейтральный и положительный.

В данном исследовании необходимо определить категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы» для разграничения понятий и формирования представления о значении роли именно человеческого потенциала в национальном богатстве страны.

Человеческий капитал – это совокупность знаний, навыков, компетенций и иных качеств, присущих индивидам и используемых для создания личного, социального и экономического благосостояния. На рисунке 2 представлены составляющие человеческого капитала.

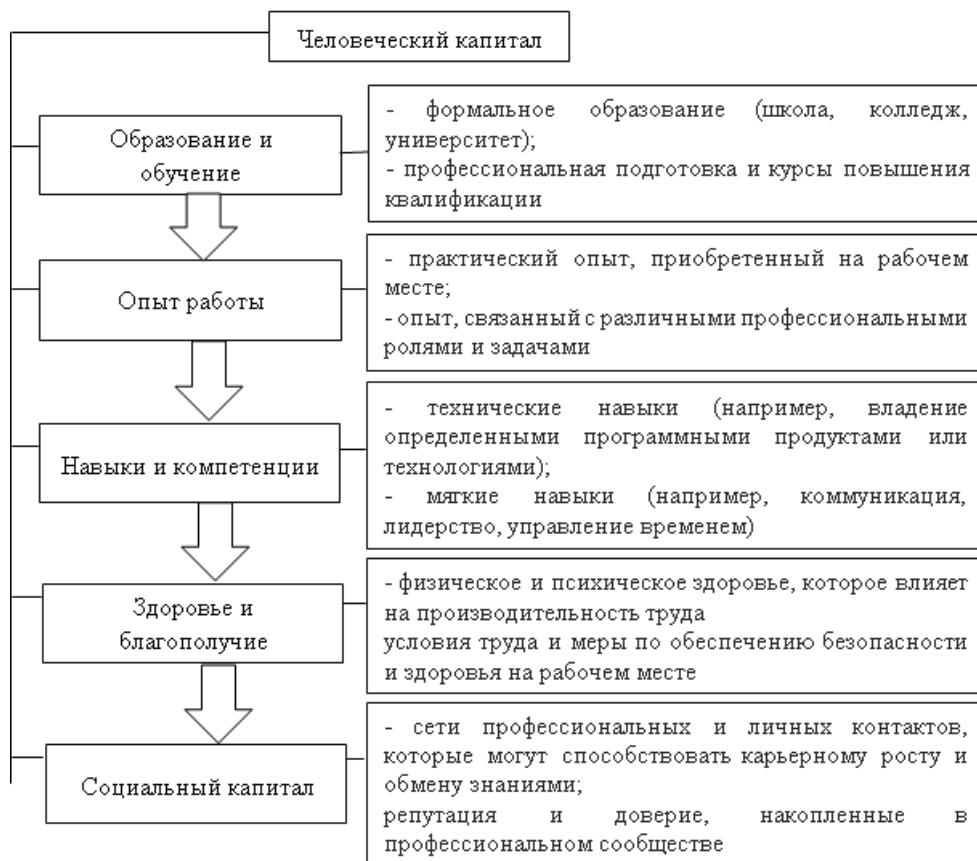

Рисунок 2 – Составляющие человеческого капитала

Как видно из рисунка 2, составляющие человеческого капитала имеют качественные характеристики. Если рассмотреть ситуацию, в которой, к примеру, образование и обучение измеряются количественными показателями: количество людей с высшим

образованием, количество людей окончивших специалитет и магистратуру, имеющих два образования, то можно получить искаженную картину об уровне развития человеческого капитала страны. Большое число людей, имеющих высшее образование может свидетельствовать о его доступности широкому числу людей, а не о качестве, как образования, так и человеческого капитала. При этом, рассчитав корреляцию между уровнем образования и числом людей, им владеющим и опытом работы, можно получить более широкое представление о состоянии человеческого капитала. Определим значение человеческого капитала в системе показателей национального богатства страны.

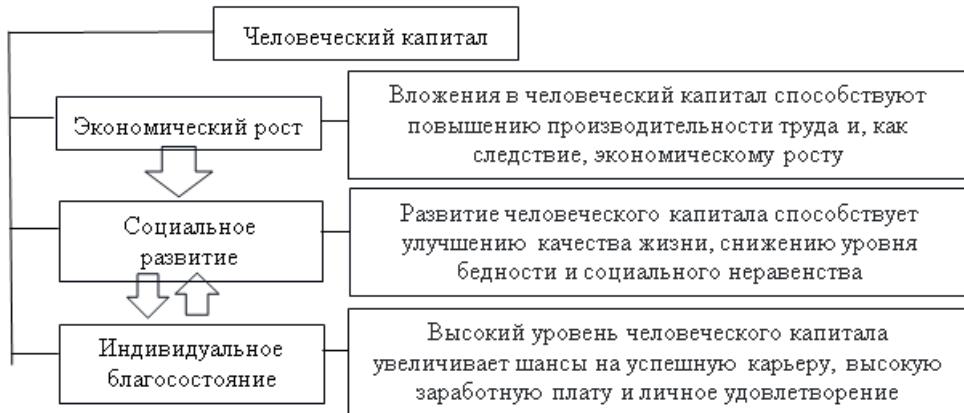

Рисунок 3 – Важность человеческого капитала и его роль в системе показателей национального богатства страны

При вложении в человеческий капитал ресурсов, происходит рост, как индивидуального благосостояния общества, так и страны в целом, который проявляется в увеличении производительности труда, росту ВВП и НД. В связи с этим, необходимо производить системные инвестиции во все аспекты развития человеческого капитала (рисунок 4).

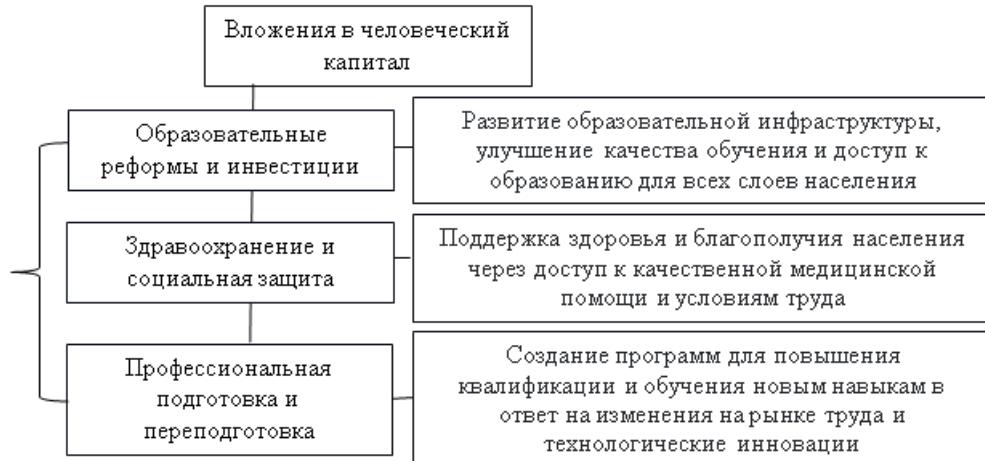

Рисунок 4 – Вложение в человеческий капитал

Человеческий капитал является ключевым ресурсом для устойчивого развития и процветания общества, и его развитие требует комплексного подхода и постоянных инвестиций. В то же время, если судить о национальном богатстве страны, принимая во внимание такой показатель, как человеческий капитал, станет затруднительно сформировать прогноз и проследить динамику изменения национального богатства, а также сформировать представление о корреляции национального богатства и человеческого капитала в ракурсе изменений данных показателей. Для более широкого взгляда на национальное богатство в ракурсе временных изменений, необходимо

определить категорию «человеческий потенциал».

Человеческий потенциал — это совокупность возможностей, способностей и талантов, которые человек может развить и использовать для личного, профессионального и социального роста. Это понятие включает не только уже имеющиеся знания и навыки, но и потенциальные возможности для их дальнейшего развития.

Рисунок 5 - Основные компоненты человеческого потенциала

Компоненты человеческого потенциала составляют категорию, которую практически не подлежит количественному измерению. Однако, человеческий потенциал напрямую связан с измерением национального богатства страны, поскольку именно с развитием человеческого потенциала связано увеличение национального богатства. Человеческий потенциал формирует устойчивую положительную динамику и имеет важное значение для социально-экономического благополучия страны (рисунок 6).

Рисунок 6 – Значение человеческого потенциала в системе показателей национального богатства страны

Корреляцию между человеческим потенциалом и национальным богатством можно доказать, через факторы, влияющие на развитие человеческого потенциала, те же самые факторы способствуют росту национального богатства.

К первому фактору относится образование и обучение: с ростом качества образования увеличивается человеческий потенциал, общество приобретает компетенции и знания, которые способствуют увеличению инновационной, производственной и творческой активности, что, в результате приводит к увеличению национального богатства.

К второму фактору относится качество здравоохранения: физическое и психическое здоровье обеспечивают основу для реализации потенциала общества. Для увеличения национального богатства показатели низкой смертности и высокой рождаемости, продолжительность жизни населения становятся сейчас основополагающими, поскольку именно сейчас, в определение национального богатства помимо количественных, финансовых, материальных, входят еще и качественные показатели.

К третьему фактору относится качество социальной среды. Поддержка семьи, общества и профессионального окружения способствует развитию способностей и талантов и, как результат, росту человеческого потенциала. Социальная среда также оказывает влияние на рост национального богатства: снижение уровня преступности, рост мотивации общества к труду, накоплению, разумному и осознанному потреблению дают положительную динамику роста богатства нации.

В четвертую группу входят личностные и мотивационные факторы, которые определяются воспитанием и уровнем просвещения. Индивидуальные стремления, уверенность в себе и внутренняя мотивация оказывают значительное влияние на развитие и использование человеческого потенциала.

Таким образом, человеческий потенциал — это фундаментальный ресурс как для индивидуального успеха, так и для социального и экономического процветания общества. Развитие человеческого потенциала требует комплексного подхода и инвестиций в образование, здравоохранение, социальную поддержку и создание благоприятных условий для личностного роста.

Категории «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» имеют тесную взаимосвязь с категорией «трудовые ресурсы», которая в свою очередь имеет практическую значимость на микро-уровне, при исследование предприятий, рынков, отраслей экономики, а также имеет более четкие количественные характеристики. Трудовые ресурсы — это совокупность физических и интеллектуальных способностей людей, которые могут быть использованы в процессе производства товаров и услуг. Это часть населения, которая способна и готова участвовать в трудовой деятельности, обеспечивая экономическое развитие и благосостояние общества.

Таблица 2 – Основные аспекты трудовых ресурсов

Составляющая	Описание составляющей
Рабочая сила	Это все трудоспособное население, которое активно участвует в экономической деятельности, включая как занятых, так и безработных, ищущих работу

Структура трудовых ресурсов

Выполняет пассивные категории работников по

Структура трудовых ресурсов	включает различные категории работников по возрасту, полу, квалификации, профессии и отрасли занятости
Качество трудовых ресурсов	Оценивается по уровню образования, профессиональной подготовки, здоровья и производительности труда
Эффективность использования трудовых ресурсов	Включает показатели занятости, производительности труда, условия и режимы труда, а также уровень заработной платы

По состоянию трудовых ресурсов страны можно определить перспективы роста человеческого потенциала и национального богатства страны (таблица 2). Они являются своеобразным фундаментом для формирования человеческого потенциала.

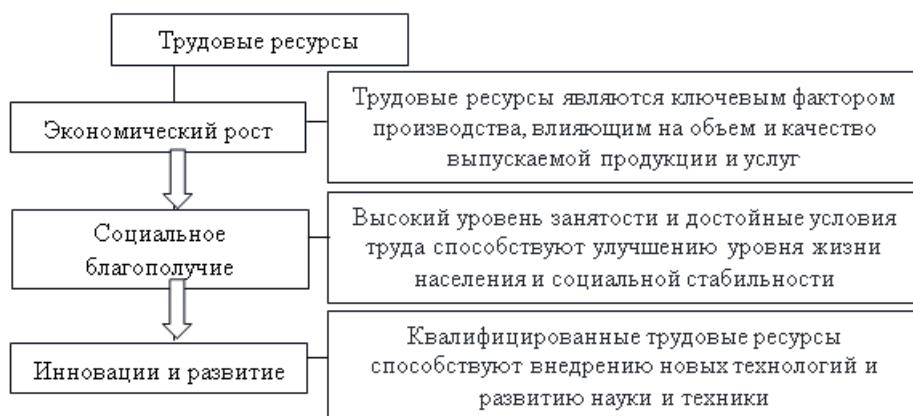

Рисунок 7 - Значение трудовых ресурсов в системе показателей национального богатства страны

Таким образом, из рисунка 7 видно, что благодаря трудовым ресурсам возникает экономический рост, именно трудовые ресурсы создают прибавочную стоимость товаров и услуг, формируют производственную мощность страны, способствуют развитию инноваций.

На трудовые ресурсы оказывают влияния ряд факторов (таблица 3).

Таблица 3 – Факторы, влияющие на трудовые ресурсы

Фактор	Описание фактора
Демографические изменения	Возрастная структура населения, рождаемость, смертность и миграция оказывают значительное влияние на состав и численность трудовых ресурсов
Образование и профессиональная подготовка	Качество и доступность образования и профессиональной подготовки определяют квалификацию и навыки рабочей силы
Экономические условия	Состояние экономики, уровень инвестиций и развитие различных отраслей влияют на спрос и предложение труда
Социальные и культурные факторы	Традиции, нормы и ценности общества могут влиять на участие различных групп населения в трудовой деятельности
Здравоохранение	Физическое и психическое здоровье работников является важным фактором, влияющим на их

способность к труду и продуктивность

Трудовые ресурсы являются важнейшим элементом экономической системы, и их эффективное использование — ключ к устойчивому развитию и процветанию общества. Управление трудовыми ресурсами требует комплексного подхода, включающего улучшение системы образования, здравоохранения, условий труда и создание благоприятных экономических и социальных условий для развития рабочей силы [\[7\]](#).

Таблица 4 – Проблемы и вызовы управления трудовыми ресурсами

Проблема	Сущность проблемы
Безработица	Низкий уровень занятости и высокий уровень безработицы приводят к социальным и экономическим проблемам
Нехватка квалифицированных кадров	Недостаток специалистов в определенных отраслях может замедлить экономическое развитие и инновации
Старение населения	Увеличение доли пожилых людей в населении приводит к сокращению трудовых ресурсов и увеличению нагрузки на системы социального обеспечения
Миграция	Эмиграция квалифицированных специалистов и неконтролируемая иммиграция могут создавать дисбаланс на рынке труда

Обсуждение результатов исследования

Потребность в трудовых ресурсах в России в 2024 году определяется несколькими ключевыми факторами, включая демографические изменения, экономические условия, технологические инновации и структурные преобразования в экономике. Рассмотрим основные аспекты и тенденции:

1. демографические изменения: Снижение численности трудоспособного населения из-за старения населения. Это приводит к уменьшению числа работников в экономике и увеличению нагрузки на систему социального обеспечения. Согласно данным экспертов, среднегодовой уровень безработицы в России в 2022 году составил 4%, в 2023 году — 3,8%, а в 2024 году по прогнозам составит 3,7 %. Предложение труда за несколько лет, как отмечают аналитики, упадет более значительно, чем спрос на труд.

Предположительно, численность экономически активного населения в 2024 году относительно 2021 года снизиться на 0,8-1,1%. Данная ситуация связана с тем, что численность выходящей на рынок труда молодежи не компенсирует естественную смертность и старение [\[2\]](#).

Миграционные потоки играют важную роль в восполнении дефицита рабочей силы. Привлечение трудовых мигрантов из стран СНГ и других регионов продолжает быть значимым фактором. Согласно данным статистики, число мигрантов в Россию в 2024 году составило 16,5 млн человек, против показателя 14,5 млн человек в 2019 году [\[4\]](#). В условиях естественной убыли коренного населения, увеличение доли мигрантов может компенсировать дефицит рабочей силы. Однако, вместе с этим и уменьшить показатель национального богатства страны, поскольку модернизация производств и рост инноваций будут замедляться в связи с отсутствием возможности формировать компетенции для сотрудников организаций (иммигрантам, приехавшим на короткий срок пребывания не

выгодно предоставлять обучение и рассчитывать на их профессиональный рост). Вопросы кадрового голода за счет мигрантов будут решены в краткосрочной перспективе.

2. экономические условия: Восстановление экономики после пандемии COVID-19 требует адаптации трудовых ресурсов к новым условиям. Некоторые сектора, такие как здравоохранение и электронная коммерция, испытывают рост спроса на рабочую силу.

Энергетическая и сырьевая отрасли остаются важными для российской экономики, требуя квалифицированных специалистов и рабочих.

3. технологические инновации: автоматизация и цифровизация производства приводят к изменению структуры спроса на трудовые ресурсы. Потребность в низкоквалифицированном труде снижается, в то время как возрастает спрос на высококвалифицированных специалистов в области IT, инженерии и управления данными.

Развитие искусственного интеллекта и робототехники создает новые рабочие места, требующие специальных навыков.

4. структурные преобразования в экономике: сектора, связанные с зелёной энергетикой и устойчивым развитием, становятся все более важными, требуя новых квалификаций и переподготовки кадров.

Развитие малых и средних предприятий (МСП) способствует созданию рабочих мест и требует гибкости в подходах к найму и обучению персонала.

5. Образование и подготовка кадров: система образования должна адаптироваться к изменениям на рынке труда, предлагая программы переподготовки и повышения квалификации. Важность профессионального образования и сотрудничества между образовательными учреждениями и бизнесом возрастает (крупные компании России уже сейчас разрабатывают совместные с вузами курсы повышения квалификации, выделяя сотрудников среди менеджеров для обучения персонал работе на оборудовании, представители вуза дают теоретическую базу).

Для точного прогноза потребности в трудовых ресурсах можно обратиться к различным источникам, таким как Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Росстат и другие аналитические центры.

Таблица 5 – Прогноз потребностей в трудовых ресурсах в России на 2025-2030 годы

Аспект	Обоснование
Рост спроса на специалистов IT и высокотехнологичных секторов	Эти отрасли продолжают испытывать дефицит квалифицированных кадров. Согласно исследованиям консалтинговой компании McKinsey, к 2030 году будет возрастать потребность в технологических навыках (программирование, аналитика, работа с отраслевым программным обеспечением) с 11 до 17% рабочих часов. Данное исследование относится не только к IT-специалистам в классическом понимании, но и преподавателям, медицинским работникам, которые также должны будут иметь навыки работы с

	цифровыми технологиями из-за их внедрения в профессиональную деятельность [8] .
Сохранение спроса на рабочие профессии в строительстве, сельском хозяйстве и производстве	Эти секторы также нуждаются в рабочей силе, несмотря на автоматизацию некоторых процессов. По мнению экспертов компании «Яков и Партнеры», к 2030 году в России будет не хватать от 1,1 до 2,2 млн специалистов средней квалификации и от 0,7 до 1,4 млн — высшей квалификации. Дефицит сильнее всего отразится на обрабатывающей промышленности, логистике и торговле [9] .
Возрастание значимости гибких форм занятости	Увеличивается спрос на удаленную работу и частичную занятость, особенно в секторе услуг и креативных индустрий. Эксперты выяснили, что к 2030 году в самых развитых экономиках мира от 8 до 13% сотрудников будут связаны с гибкими рабочими пространствами, что принесет прибыль, как компаниям, так и сотрудникам. Вероятность наступления таких событий достаточно велика, в связи с выгодами, которые несут стороны взаимодействия [10]

Потребность в трудовых ресурсах в России в 2024 году будет определяться комплексом факторов, включая демографические изменения, технологические инновации и структурные сдвиги в экономике. Адаптация системы образования и подготовки кадров к новым условиям будет ключевым элементом в удовлетворении этой потребности.

Заключение

Таким образом, трудовые ресурсы – это категория, которая включает только ту часть человеческого капитала, которая непосредственно используется в процессе труда на данный момент. Человеческий потенциал – это более широкое понятие, включающее в себя не только текущие возможности человека в области труда, но и его будущие возможности. Человеческий потенциал охватывает совокупность навыков, знаний, способностей, талантов и мотиваций, которые человек может использовать в своей жизни и работе. Человеческий потенциал является важнейшим показателем национального богатства страны, который позволяет всесторонне (через качественные и количественные критерии) сформировать прогноз развития экономики.

В статье определена основополагающая роль человеческого потенциала в накоплении и увеличении национального богатства страны, в ракурсе инвестиций в человеческий капитал:

- через квалификацию и образование профессиональную подготовку в обществе происходит рост производительности труда. Квалифицированные работники способны создавать более качественные товары и услуги, что увеличивает добавленную стоимость и, как результат приводит к преумножению национального богатства;
- общество с высоким уровнем образования и навыков склонны к разработке инновационных технологий - может разрабатывать и оптимизировать производственные процессы, создавая новые блага, что способствует экономическому росту и накоплению богатства;

- человеческий потенциал включает в себя способность адаптироваться к изменениям в экономической среде. Гибкое и адаптивное общество быстрее реагирует на трансформацию социально-экономической системы, что способствует устойчивому развитию экономики.

Человеческий потенциал является основополагающим фактором для накопления национального богатства. Инвестиции в образование, здоровье, инновации и социальные связи способствуют не только экономическому росту, но и улучшению качества жизни граждан, что в свою очередь создает устойчивую основу для будущего развития страны.

Дальнейшие направления исследования

В дальнейших исследованиях будет более подробно раскрыты интересы общества, как источника накопления национального богатства и рассмотрен человеческий потенциал в контексте учета интересов будущих поколений.

Библиография

1. Стеблякова, Л.П. Трансформация экономических систем: теория и практика : автореф. д-ра экон. наук. М., 2010.
2. Зубенко, С.А. Сущность трансформации социально-экономической системы региона // Вестник ГТУ. 2008. № 12 (68). С. 495–499
3. Росконгресс сопоставил будущий кадровый голод в мире с населением Германии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ria.ru/20231206/kadrovy_golod-1914006353.html (дата обращения 16.10.2024)
4. Нестеров, Л.И. Новые веяния в статистике национального богатства России // Вопросы статистики. 2020. № 10. С. 15-21.
5. Эксперты оценили убыль рабочей силы в России к концу десятилетия. Старение населения может обходиться экономике в 1–1,5% ВВП в год [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/01/06/2022/6294c6b89a7947c8beb41030>
6. Миграционная статистика России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/>
7. Капкаев, Ю.Ш., Исаева, А.С. Лешинина, В.В. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики // Вестник ЧелГУ. 2019. № 3 (425). С. 90-95.
8. Альпидовская, М.Л. «Последний капитализм»: асимптотическое приближение к пределам // Вопросы политической экономии. 2024. № 1(37). С. 182- 195.
9. Мир, население. Перспективы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/index.asp> (дата обращения 04.08.2024)
10. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века / Отв. ред. Л.И. Нестеров. – М.: Наука, 2006.
11. К 2030 году вырастет спрос на базовые цифровые навыки и лидерские качества [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/pulse/trendy/36904/> (дата обращения 16.10.2024)
12. Какие работники будут нужны в 2030 году и у кого сильнее всего растут зарплаты [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27589/4861128/> (дата обращения 16.10.2024)
13. Долой рабство. Гибкие условия работы принесут триллионы мировой экономике [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/368265-doloy-rabstvogibkie-usloviya-raboty-prinesut-trilliony-mirovoy-ekonomike> (дата обращения

16.10.2024)

14. Осадчая, Т.Г., Смолина, Е.Э. Национальное богатство в России: как управлять эффективно: монография. Тамбов, 2005.
15. Пальчук, М.И. Развитие человеческих ресурсов - главный фактор потенциала страны // Наука, техника и образование. 2016. № 12 (30). С. 56-60.
16. Пришляк, Е.А., Радько, С.Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. 2018. № 2. С. 101-105.
17. Форрестер, С.В., Веревкина, Д.С. Капитал здоровья как составляющая человеческого капитала в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2016. № 6 (37). С. 65-68.
18. Чарочкина, Е.Ю., Каширцева, А.Ю. Формирование человеческого капитала в условиях глобализации мировой экономики // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 67-70.
19. Чихирева, Н.В., Альпидовская М.Л. Репродукция природных ресурсов в составе национального богатства в условиях современной системной трансформации // Теоретическая экономика. 2022. № 12 (96). С. 23-31.
20. Чихирева, Н.В. Изменения в составе национального богатства в условиях трансформации социально - экономической системы // Вопросы политической экономии. 2022. № 2 (30). С. 124-132.
21. Toffler, A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. NY: Bantam books, 2020.
22. Toffler, A. The Adaptive Corporation. Bantam books, 1985.
23. Toffler, A. The Third Wave. Bantam Books, 1980.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Статья с учётом сформированного заголовка должна быть посвящена изучению человеческого потенциала в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы. Содержание статьи преимущественно не отвечает заявленной теме. От ознакомления с материалом сложилось ощущение, что он был вырезан из какого-то более цельного фрагмента.

Методология исследования базируется на использовании графического инструментария, что позитивно характеризует статью. Однако заявленные в заголовке вопросы однозначно требуют конкретного числового обоснования. В тексте рецензируемой статьи автор не использует никаких количественных данных. Это снижает впечатление от ознакомления с данным материалом.

Актуальность исследования вопросов, связанных с изучением человеческого капитала однозначно представляет интерес как для научных работников и преподавателей, так и для органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Более того, выбранная тема исследования сопряжена с национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года, что дополнительно актуализирует важность её изучения. Однако потенциальную читательскую аудиторию интересуют глубокие содержательные исследования по данной теме, содержащие обоснованные проблемы и аргументированные рекомендации по их решению.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале не обнаружена.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения с точки зрения отсутствия просторечных высказываний и публицистических выражений является научным. Однако в научных работах не принято использовать сокращение «РФ». Структура статьи автором не выстроена. Устранение данного замечания рекомендуется реализовать посредством выделения следующих структурных элементов: «Введение», «Постановка проблемы», «Цель и задачи исследования», «Методология и условия исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение результатов исследования», «Заключение», «Дальнейшие направления исследования». Это позволит глубже погрузиться в рассматриваемые вопросы. В рамках содержания автору следует обратить внимание на важность обоснования приводимых тезисов, в т.ч. в контексте вопросов, заявленных в заголовке. Например, автор говорит о «трансформации социально-экономической системы»: почему автор решил, что она происходит? Как именно она происходит? Трансформация предлагает сопоставление того, как было, и как стало (как есть и как будет): важно это показать графически для понимания содержания данного явления в контексте предмета исследования. Приведённый прогноз потребностей в трудовых ресурсах в России на 2025-2030 годы не содержит никаких числовых значений. Потенциальную читательскую аудиторию интересует конкретика: насколько будет осуществлён рост спроса на специалистов IT и специалистов высокотехнологичных секторов? Что может повлиять на отклонение от данного прогнозного значения? Какова вероятность такого прогноза? Автор утверждает о возрастании значимости гибких форм занятости: насколько она возрастёт? О каких формах идёт речь и как будет по ним проявляться такая динамика? Какова вероятность такого прогноза? Было бы также интересно узнать о том, будет ли равномерным рост на промежутке 2025-2030 гг.

Библиография. Библиографический список состоит из 16 наименований. Ценно, что автор опирается не только на отечественные, но и на зарубежные публикации. Также в списке литературы содержатся одна публикация, вышедшая в 2024 году, и две публикации 2022 года. Однако остальные были опубликованы в 2020 году и ранее, что говорит о недостаточной проработке актуальной научной мысли по предмету исследования.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на сформированной список литературы, научной дискуссии в тексте статьи не обнаружено. После усиления содержания и обоснования приводимых тезисов важно также сравнить полученные результаты с теми, что уже есть в других научных публикациях: в чём состоит прирост научного знания?

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного, статья требует проведения глубокой содержательной доработки и повторного направления на рецензирование, после чего может быть решён вопрос о её опубликовании. Качественная доработка статьи с учётом обозначенных замечаний будет способствовать формированию востребованности данного материала у потенциальной читательской аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является человеческий потенциал, который рассматривается авторами публикации в системе показателей национального богатства страны в условиях трансформации социально-экономической системы.

Методология исследования базируется на обобщении сведений по рассматриваемой теме из различных источников информации.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что процессы трансформации социально-экономической системы оказывают влияние на восприятие, функции и роль человеческого потенциала для национальной экономики, на изменение коллективных возможностей и навыков людей в обществе, которые могут быть использованы для стимулирования экономического роста, социального прогресса и устойчивого развития. Решаемая в работе проблема сформулирована как «проблема стимулирования роста человеческого потенциала государства, в особенности высокоразвитого компонента, в условиях трансформации и несовершенства институциональной и социально-экономической среды».

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, не сформулирована в публикации, полученные в результате выполненной работы элементы приращения научного знания стоит отразить более четко.

В тексте статью структурно выделены разделы и подразделы, озаглавленные следующим образом: Введение, Постановка проблемы, Цель и задачи исследования, Методология и условия исследования, Результаты исследования, Обсуждение результатов исследования, Заключение, Дальнейшие направления исследования, Библиография.

В публикации отмечено, что человеческий потенциал является важнейшим показателем национального богатства страны, который позволяет через качественные и количественные критерии сформировать прогноз развития экономики. Текст иллюстрирован 7 рисунками и 4 таблицами. В работе отражены этапы и аспекты трансформации социально-экономической системы в эпоху Индустрии 4.0; приведена классификация теорий национального богатства; показаны составляющие человеческого капитала и его основные компоненты; сказано о важности человеческого капитала и его роли в системе показателей национального богатства страны; рассмотрены основные аспекты трудовых ресурсов; освещены проблемы управления трудовыми ресурсами. Заслуживает внимания прогноз потребностей в трудовых ресурсах в России на 2025-2030 годы, построенный авторами на основе обобщения трех источников информации. В Заключении проведено сопоставление понятий «трудовые ресурсы» и «человеческий капитал».

Библиографический список включает 22 источника – публикации отечественных и зарубежных ученых по теме статьи на русском и иностранном языках, а также интернет-ресурсы, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», но перед опубликованием при доработке материалов необходимо акцентировать внимание читателей на полученном приращении научного знания и практической значимости результатов работы, а также показать, как предлагается решать обозначенную в начальной части публикации проблему.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи является человеческий капитал и его место в системе показателей национального богатства страны в текущих условиях. Под текущими авторами понимается трансформационные изменения в социально-экономической системе Российской Федерации. Данные изменения, вызванными разными, внутренними и внешними факторами, требуют глубокого переосмысления, чтобы открыть новую главу

для исследований вопросов, связанных с этими изменениями.

Методология исследования состоит из комплекса различных научных методов, которые часто применяются исследователями в подобного рода работах. К этим методам относятся сравнение, анализ, метод формализации и графический. Актуальность темы обусловлена текущими изменениями в мире, связанными с переходом к трансформации социально-экономической системы в рамках промышленной революции Индустрия 4.0. С возрастающей ролью человеческого капитала на экономическое положение страны с одной стороны, и высокую зависимость человеческого капитала от социально-экономической политики, с другой.

Научная новизна работы состоит в конкретизации понятийного аппарата в рамках исследования. Авторами была конкретизирована такая категория как «трансформация социально-экономической системы», а также определены категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы». Обоснование трансформации социально-экономической системы и потребности в развитии человеческого потенциала в 2024-2030 годах также представляет как практический, так и научный интерес. Развитие научной мысли в сфере человеческого капитала, аргументировано обосновано в работе, а сам анализ понятие, состава человеческого капитала представляет высокий научный интерес.

Стиль статьи научный, а структура работы логична и последовательна. Содержание статьи представляет собой результаты большой работы по развитию понятийного аппарата, его систематизацию и классификацию.

Библиография подтверждает масштаб исследования авторов, включает труды российских ученых и зарубежных ученых.

Выводы статьи развивают экономическую мысль в сфере человеческого капитала и представляют большой интерес по ряду причин. Во-первых, в российской научной мысли тема человеческого капитала остается не до конца раскрытоей. Во-вторых, проблемы, связанные с человеческим капиталом, обостряются и будут весьма актуальны в ближайшие 5-7 лет. Прогноз потребностей в трудовых ресурсах в России в среднесрочной перспективе, разработанный авторами, имеет практическую значимость и может быть использован при разработке стратегии экономического развития страны и региона. В этой связи, интересно мнение авторов о цикличности в развитии человеческого капитала, а также существенными различиями в человеческом капитале, имеющими место в условиях одной страны, экономики и культуры. то есть различиями на региональном уровне.

Статья отвечает требованиям, предъявляемым к научным работам, и может быть рекомендована к публикации.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Макаров И.М. Операционализация теории прогнозирования дефолта: концептуальная модель // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72320 EDN: SBWDAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72320

Операционализация теории прогнозирования дефолта: концептуальная модель

Макаров Илья Михайлович

магистр; кафедра экономики и финансов; Московский финансово-юридический университет
Адвокат; КА «ЭксЛедж»

115172, Россия, г. Москва, ул. Большие Каменщики, 2

✉ ilya_mac@mail.ru

[Статья из рубрики "Финансы, денежно-кредитные отношения и инвестиции"](#)

DOI:

10.25136/2409-8647.2024.4.72320

EDN:

SBW DAO

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2024

Дата публикации:

02-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются модели, оценивающие риск дефолта компании и, наоборот, ее финансового здоровья. В статье формируется четкое концептуальное понимание явления «дефолта», которое вызывает финансовые трудности компаний: как они начинаются, развиваются и обостряются для анализа и прогнозирования будущей плохой деятельности заемщика и оценки возможности (риска) его неспособности выполнять свои обязательства в срок. Основная задача исследования заключается в разработке модели количественной оценки вероятности наступления дефолта в рамках согласованной вероятностной структуры (модель Байеса), где факторы идосинкритического риска — оцениваемые с использованием мягкой информации и человеческих навыков — являются основополагающими для понимания. Финансовое здоровье компаний зависит от поддержания равновесия между ее спросом

на кредит и предложением на рынке кредита. Основной вклад данного исследования заключается в разработке теории финансового здоровья компании, основанной на поддержании равновесия в финансовых системах, характеризующихся длительным эффектом манипуляции ожиданиями в динамических агентских настройках с обучением и неопределенностью, а также с взаимозависимыми системами вознаграждения принципалов и агентов. В рамках согласованной вероятностной структуры — байесовской интерпретации — вторым вкладом является разработка модели, способной вычислять вероятность дефолта и устанавливать диапазоны равновесных процентных ставок, в пределах которых контрактные полномочия и конкурентные силы операторов находят точки соприкосновения в зависимости от предсказуемой производительности компании (вариабельность факторов денежного потока), изменений в ее финансовой структуре (интенсивность левериджа, структура сроков погашения долга) и предсказуемых тенденций условий предложения кредита (кривые ставок, конкуренция, доступность информации, аналитические инструменты и т.д.) Инструменты измерения кредитного риска и операторы, которые их используют, должны сделать шаг назад для того чтобы двигаться вперед, вновь и вновь овладевая техническими аспектами фундаментального анализа.

Ключевые слова:

дефолт, финансовое здоровье, концептуальная модель, идосинкратический риск, вероятность дефолта, модель Байеса, финансовая структура, финансовое равновесие, денежный поток, процентная ставка

Введение

Когда можно считать компанию финансово здоровой? Как можно измерить и оценить риск (в терминах вероятности) того, что это финансовое здоровье может ухудшиться и что бизнес потерпит дефолт? Какова контрактная сила заемщика по отношению к его кредиторам? Какой максимум долга может выдержать компания с учетом своих перспектив? Как можно реструктурировать долг для восстановления здоровья компании? Эти вопросы составляют краеугольные камни финансов.

На сегодняшний день модели, оценивающие риск дефолта компании и, наоборот, ее финансовое здоровье, не смогли дать надежных результатов, а их использование и технические аспекты различаются в мире финансов (корпоративные финансы, управление кредитными рисками, финансовое посредничество, структурированные финансы, проектное финансирование, корпоративная реструктуризация и т.д.). После нескольких десятилетий исследований по данной теме вопрос о том, как измерить вероятность того, что компания не выполнит свои контрактные обязательства вовремя, остается нерешенным [17]. Отечественные исследования за последние десять лет, к сожалению, не пользуются практическим применением в России, аналитики компаний и финансовых институтов используют наработки зарубежных ученых в данном аспекте фин. анализа.

«Неудача моделей предсказания дефолта» [11] в основном объясняется двумя факторами. С одной стороны, (1) современные модели оценки недооценивают финансовые ограничения [15] и динамическое взаимозависимое поведение операторов; с другой стороны, (2) мягкая собственная информация – обычно предсказательного

характера – игнорируется в системах оценки кредитоспособности [9], где специфические характеристики фирмы (волатильность активов, возможности роста, ключевые партнеры, управленческая команда, фиксированные затраты, производственные мощности, прозрачность информации и т.д.) являются основополагающими для оценки [11]. Для этих целей необходимо интегрировать человеческое суждение в процесс кредитной оценки. В общем итоге кредитные рейтинги испытывают трудности с оценкой идосинкратического риска заемщика [11]. Эта форма риска демонстрирует свое главное значение в вариациях ожидаемых кредитных убытков на индивидуальном уровне [16] и является фундаментальной для целей ценообразования [13].

По сути, эти ошибки возникают из моделей, либо подгоняемых под данные, не вытекающие из какой-либо конкретной теории финансового здоровья компании и риска ее дефолта, либо основанных на неверной теории, что приводит к неправильному определению вероятности дефолта. Модели, построенные на неверном основании или вообще без основания, приводят к ошибкам. Перевод оценки, полученной от этих моделей в вероятность дефолта представляет собой еще одну методологическую ошибку, поскольку он основан на частотном анализе прошлых дефолтных поведений (частотный подход к вероятности), вместо того чтобы учитывать будущие факторы дефолта рассматриваемой компании. Другими словами, современные модели изучают предсказание вероятности вместо вероятности предсказания. Использование этих ошибочных моделей вызывает серьезные рыночные неэффективности (процикличность, кредитные кризисы, неблагоприятный отбор, моральный риск, арбитраж регуляторного капитала). Более того, когда регуляторный капитал банка тесно связан с этими моделями, эффекты процикличности могут даже усиливаться [2], особенно из-за низкой согласованности внутренних оценок вероятности дефолта банков [18]. Именно поэтому существует растущая необходимость в моделях, которые лучше учитывают сложность финансового рынка и потенциал заемщика с реакцией на изменения в реальном времени и приводят к эволюции в области кредитного скоринга.

Истинным вызовом является разработка теории финансового здоровья компании. Нам необходимо четкое концептуальное понимание явления, которое вызывает финансовые трудности компаний: как они начинаются, развиваются и обостряются для анализа и прогнозирования будущей плохой деятельности заемщика и оценки возможности (риска) его неспособности выполнять свои обязательства в срок. Более того задача заключается в разработке модели количественной оценки вероятности данного события в рамках согласованной вероятностной структуры, где факторы идосинкратического риска – оцениваемые с использованием мягкой информации и человеческих навыков – являются основополагающими для понимания.

В принципе финансовое здоровье компании зависит от поддержания равновесия между ее спросом на кредит и предложением на рынке кредита. Это функция не только условий спроса заемщика – предмета моделей, разработанных до настоящего времени – но также условий посредников, составляющих сегмент предложения кредита (конкуренция, кривые доходности, доступность информации, аналитические возможности и т.д.). Фактически все эти факторы непосредственно влияют на способность компании подавать заявки на кредит оставаться на рынке, поскольку они определяют доступность ресурсов, которые есть или будут доступны ей, а также определяют по какой цене эти ресурсы будут доступны в будущем.

На основе этих данных в статье формируется теория и разрабатывается модель, которая

пытается решить вышеуказанные проблемы и ответить на вопросы, поднятые в начале статьи. Рассуждение начинается с предположения о том, что компания считается финансово здоровой до тех пор, пока она способна поддерживать равновесие в финансовой системе.

Дефолт и вероятность его возникновения

Поскольку нас интересует изучение дефолта с целью его прогнозирования, необходимо понять генезис и динамику этого явления. Следовательно, центральный вопрос заключается в следующем: как и когда компания оказывается в состоянии дефолта?

Каждая компания реализует свой стратегический план, исходя из гипотезы о непрерывности деятельности, которая предполагает поддержку всех ее кредиторов. Когда компания сталкивается с более сложным сценарием по сравнению с первоначальным планом, это вызывает нехватку денежных средств, что сказывается на управлении бюджетом [8]. Если эти требования становятся настолько обременительными (представьте себе серьезное, экстраординарное событие), что бюджет компании оказывается в тяжелом положении, дефолт может произойти немедленно. Прогнозировать такие события очень сложно. Скорее всего, дефолт представляет собой более медленную траекторию финансового стресса — и поэтому менее сложен для прогнозирования — результатом которой является постепенное снижение стратегической и конкурентной силы компании [4]. Сосредоточившись на этом аспекте дефолта, мы оцениваем так называемую «ожидаемую» долю вероятности дефолта (PD), или, точнее, в какой степени ожидается, что компания (и ее стратегический план) потерпит неудачу и не сможет погасить свои долги.

На практике постепенное снижение конкурентоспособности приводит к большим нехваткам денежных средств, чем планировалось, которые, как уже упоминалось, ложатся на управление бюджетом. В частности, именно «сезонные и оборотные кредиты» обеспечивают бизнес краткосрочным финансированием для закупки товарных запасов, дебиторской задолженности, приобретения материалов и всех других денежных нужд, включая обслуживание долга (основного долга и процентов), чтобы действовать как буфер ликвидности и страхование [14; 19]. Это соответствует принципам финансов, которые недавно подчеркнули преимущества гибкости краткосрочных кредитных инструментов и их структуры процентных ставок по сравнению с долгосрочными кредитами.

Если нехватка денежных средств увеличивается и не устраняется, корпоративные затруднения углубляются, а кредитные линии используются более интенсивно. Компания пересматривает свои базовые проекты в зависимости от степени затруднений, иногда даже радикально (например, меняя политику продаж и закупок в определенных областях бизнеса, предвидя рекапитализацию, изменяя некоторых менеджеров и т.д.) [6]. Если снова план сталкивается с худшими условиями, чем ожидалось, большие нехватки денежных средств также неправильно распределяются на краткосрочный долг (если только план не изменен, например, не предусмотрено выпуск облигаций). Ставка по этим кредитным линиям — как правило переменная — возрастает из-за большего риска, воспринимаемого кредитором (договорно), что способствует ухудшению финансовых условий и увеличению денежных оттоков, связанных с самим обслуживанием долга [3]. В результате компании, испытывающие финансовые затруднения с ликвидностью, не могут не продолжать использовать краткосрочные кредитные инструменты. Банки как «поставщики ликвидности последней инстанции» должны оценивать необходимость

предоставления дополнительных или резервных кредитных линий.

Если финансовые затруднения продолжаются, кредитные линии почти полностью исчерпываются и это подает сигналы о большем уровне затруднений для кредиторов, что в свою очередь приводит к дальнейшему увеличению процентных ставок и ограничению доступа к кредитным линиям [12]. Даже средне- и долгосрочные кредиты ведут себя аналогичным образом (кредитные ограничения и ухудшение договорных условий) из-за нарушения обязательств по договорам (что усугубляет ситуацию компании в этот критический момент).

В такие трудные фазы, когда компания и ее кредиторы решают вопрос о том, следует ли «выключить кислород», мы наблюдаем феномен «зомби-кредитования»: банки склонны продлевать краткосрочные кредитные линии для поддержки денежных нужд, которые нельзя отложить — даже когда условия нарушаются — пока они верят в минимальную прибыльность своих инвестиций. Затем наступает момент, когда ни один банк на рынке больше не готов предоставить/продлить краткосрочные кредитные линии, поскольку никто не считает это выгодным при любой процентной ставке; таким образом: «когда наступает срок платежа и у компании недостаточно средств для его выполнения — она оказывается в состоянии дефолта». Компания сама или третья сторона решает, что затруднения являются необратимыми и принимает решение прекратить деятельность или потребовать ее прекращения.

Этот путь затруднений для любой компании может развиваться более или менее интенсивно и быстро; таким образом у каждой компании есть своя (высокая или низкая) вероятность дефолта. Но это еще не все. Каждый стратегический план может привести к дефолту рано или поздно и по различным траекториям; следовательно, каждый план, который компания могла бы представить на рынке имеет свою вероятность попадания в состояние дефолта. Поэтому важный вывод заключается в том, что ожидаемая вероятность дефолта касается вероятности того, что компания может потерпеть неудачу в реализации своего текущего плана.

Пытаясь теоретизировать путь затруднений вышеописанным образом, мы можем утверждать, что «ожидаемое» событие дефолта является вершиной траектории непредвиденной цепи событий, которые приводят к стрессу краткосрочных инструментов компаний, неспособной найти стратегию выхода из затруднений. Разбирая это определение можно сказать следующее: дефолт происходит тогда, когда компания находится в следующих условиях:

- (а) сталкивается с непредвиденными потребностями в денежном потоке (оплата поставщикам, сотрудникам, процентов и т.д.);
- (б) ни один кредитор не готов поддержать компанию путем предоставления краткосрочных инструментов;
- (с) она неспособна разработать надежный альтернативный план реструктуризации.

Вероятность возникновения этого комбинированного события очень трудно оценить. Имея бизнес-план компании и прогнозы ее будущей экономической и конкурентной деятельности под рукой можно спрогнозировать пункты (а) и (б), что мы собираемся сделать. То же самое невозможно предсказать относительно потенциальных изменений реструктуризации со стороны менеджеров, акционеров или даже третьих лиц (включая государство) в условиях затруднений — пункт (с). Если это — правда, нам необходимо сделать сильное предположение для продолжения: что у компании нет возможности

разработать альтернативные планы к представленному (или точнее говоря — никакой альтернативный план не может быть известен). Следовательно «ожидаемая» вероятность дефолта заемщика эквивалентна вероятности провала его плана реализации на сегодняшний день; это лучший прогноз его будущей финансовой деятельности на данный момент. Очевидно это предположение приводит к недостатку в оценке вероятности дефолта (PD), которая часто рискует быть переоцененной даже значительно по сравнению с фактической величиной. К счастью эта переоценка ниже для компаний уже находящихся в финансовых затруднениях; у которых явно меньше путей до момента наступления дефолта.

Прогнозирование дефолта

Вышеуказанное определение дефолта необходимо привести в практическое русло. Конкретно, исключая предположение пункта (с), необходимо проверить проявление двух других условий (а) и (б). Что касается условия (а), цель состоит в том, чтобы смоделировать путь снижения финансового здоровья компании под воздействием будущей эволюции ее бизнес-плана. Необходимо смоделировать возможное возникновение и ухудшение ситуации с нехваткой денежных средств год за годом²⁸ и обозначить различные траектории затруднений. Для этого — осуществляя функцию мониторинга принципала в долгосрочных договорных отношениях [\[10\]](#) — финансовый аналитик/оператор пересматривает и проверяет предположения на основе которых строится план. Они оценивают будущую доступность кредита и процентные ставки (кредитный риск), рыночные тенденции и их уязвимость (рыночный риск), а также потенциальные возможности компании в ответ на эти прогнозы (идосинкратический риск). Для этого аналитики применяют инструменты фундаментального анализа.

Этот обзор направлен на определение:

(1) уровней смещения (анализ точности). Перспективная финансовая коммуникация на рынок подвержена классическим проблемам морального риска; существует риск того что она может характеризоваться положительным смещением. Предположения пересматриваются на основе уровней доверия к плану и его финансовым прогнозам.

(2) степени неопределенности (анализ дисперсии). Неопределенность оценок количественно определяется уровнями вариабельности которые аналитик присваивает распределению вероятности проверки всех существенных величин (предположений), основываясь на общедоступной информации; конфиденциальной информации (также в зависимости от объема и продолжительности кредитных отношений); используемых аналитических инструментах; навыках и опыте.

Этот обзор осуществляется через построение и моделирование различных гипотетических сценариев, на основе которых формируются консенсус аналитиков и оценки рисков с использованием множества инструментов исторического анализа (правильно основанных на частотном подходе который придает анализу большую объективность) а также мягкой более или менее проприетарной информации.

Согласно определению дефолта (недостаток финансовых ресурсов для погашения долгов), моделирование обычно осуществляется на операционных и инвестиционных денежных потоках (свободный денежный поток), которые компания будет генерировать в будущем вместе с соответствующими финансовыми обязательствами (обслуживание долга). Разница между операционным денежным потоком и обслуживанием долга отражается — положительно или отрицательно — на чистой краткосрочной финансовой позиции.

Что касается вышеупомянутого условия (b), то кредитное учреждение теряет интерес к финансированию компании, когда оно считает что больше не может извлечь минимальную выгоду. Это происходит тогда, когда кредитор полагает что должник попал в необратимые затруднения и больше не способен даже в далеком будущем производить достаточный остаточный денежный поток для выплаты хотя бы справедливых процентов по долгу. На самом деле в этом случае проценты добавляются к долгу, увеличивая убытки по кредитным отношениям со временем (возрастающая задолженность при дефолте). Следовательно, дефолт происходит тогда, когда банк считает, что краткосрочные инструменты растут необратимо.

Остается проблема предсказания момента, когда затруднение становится необратимым. Каждый бизнес-план состоит из начального аналитического прогноза периода времени (периода необходимого для того чтобы эффекты определенных изменений явным образом проявились в предположениях), а также последующей стабилизации ситуации. Событие становится необратимым, когда оно больше не может изменить свое состояние.

Таким образом, оценка необратимости затруднений может быть проведена только во время устойчивого состояния. В течение начального периода продолжительные увеличивающиеся моменты нехватки денежных средств не обязательно означают необратимые затруднения, но могут дать начало последующим моментам платежеспособности. Пока прогноз действительно не достигнет устойчивого состояния, нельзя делать окончательных выводов (вспомним о развитии успешных гигантов, таких как Tesla, которые должны были пройти годы растущих финансовых потребностей и долгов). Важный вывод заключается в том, что затруднение становится необратимым, когда краткосрочные кредитные инструменты постоянно увеличиваются в устойчивом состоянии. Это означает, что компания при осуществлении своих бизнес-решений на полную мощность все еще неспособна погасить свои финансовые обязательства, а, следовательно, план терпит неудачу, демонстрируя провал сделанных инвестиций и связанного с ними капитала финансирования.

В моменты предоставления обновления или мониторинга краткосрочных кредитных линий ситуация оказывается более сложной чем описано выше. В эти моменты вероятность дефолта оценивается кредитным учреждением и переводится в приемлемую процентную ставку, которая будет запрашиваться/применяться в будущем [4]. Проблема заключается в том, что эта ставка изменяет саму оценку вероятности дефолта, более или менее заметно влияя на будущие денежные оттоки для обслуживания долга, таким образом, вызывая у компании более или менее быстрое снижение к ситуации необратимого роста краткосрочных кредитных инструментов. Изменяя оценку вероятности дефолта, также меняется ценообразование кредита, и снова начиная цикл. Это активирует два альтернативных круга: порочный круг, когда оценка банка оказывается неблагоприятной (когда оценка вероятности дефолта повышает ставки, которые в свою очередь повышают вероятность дефолта) истощая ликвидность для выплаты растущих процентов; или добродетельный круг, когда оценка оказывается благоприятной, поскольку позволяет заемщику экономить финансовые расходы.

Если порочный круг не прерывается на этапе, который удерживает компанию в равновесии (т.е., когда ухудшение кредитоспособности эквивалентно более чем пропорциональному увеличению ставки), это означает, что нет такой ставки, при которой бизнес-план является жизнеспособным, при этом удовлетворяя одновременно требования кредитора. Таким образом, можно более точно указать, что дефолт происходит тогда, когда оператор считает что нет процентной ставки способной покрыть

предполагаемые расходы вероятности необратимого роста краткосрочных кредитных инструментов. Модель, предлагаемая в данном исследовании, операционализирует эту теорию.

Внутренняя гетерогенность и высокая энтропия данного исследовательского контекста делают трудным если не невозможным внедрение единого объективного аналитического подхода. Наиболее популярные подходы в литературе игнорируют сложность этой проблемы ради все более сложных ретроспективных моделей анализа. С другой стороны для разработки успешной перспективной модели мы считаем необходимым включить частичное отсутствие знаний о самой системе как характеристику самой модели. Эта онтологическая концепция вероятности соответствует байесовскому вероятностному подходу который отвечает на следующий вопрос: какова вероятность того что рассматриваемая компания потерпит неудачу предсказывая тренды экологических конкурентных условий?

Развивая данную теорию, с этой точки зрения в статье выводится важное теоретическое открытие: вероятность того, что план потерпит провал, должна представлять собой единую числовую оценку, поскольку она относится к одному временно идентифицированному событию (рост краткосрочного долга при устойчивом состоянии). Это предположение противоречит литературе и практике основанной на частотном подходе к вероятности, который мы уже критиковали ранее. Если вероятность невыполнения плана уникальна, она также должна оставаться одинаковой для каждой части времени, во время которой план реализуется до момента достижения устойчивого состояния. Не утверждается, что нет вероятности невыполнения плана за 1 год; скорее вероятность остается такой же как у лучшего прогноза, поскольку любое альтернативное вычисление вероятности требует дополнительной информации недоступной на тот момент времени. Очевидно, что каждый раз при обновлении информации вероятность может быть пересчитана.

Если это правда то существует еще одно важное теоретическое заключение: при определенной структуре капитала запланированной согласно специфическим предположениям плана ценообразование каждой формы долга независимо от года предоставления займа или срока погашения основывается на одной и той же вероятности невыполнения плана. Другими словами, если ставки зависели исключительно от вероятности невыполнения плана, то все текущие кредиты (за исключением фиксированных ставок) а также все будущие кредиты (в любом году они были бы заключены) имели бы одну ставку. Не утверждается, что ценообразование независимо от срока погашения или что различный состав источников финансирования никак не влияет на ценообразование. На самом деле очевидно что различная дата погашения приносит договорные характеристики и факторы риска которые приводят к различиям ставок . Так же очевидно что различный баланс между собственным капиталом, краткосрочным и долгосрочным долгом влияет на вероятность дефолта (PD) — иногда даже значительно — поскольку он по-разному формирует и распределяет денежные оттоки во времени, облегчая или ухудшая финансовую ситуацию заемщика.

В этом контексте срочные кредиты просто представляют собой предположение плана, которое, как и другие, генерирует свой остаточный эффект на краткосрочные кредитные линии. В соответствии с вышеуказанными теоретическими утверждениями, валидация этих предположений осуществляется с использованием одной и той же вероятности дефолта, хотя ценообразование каждого срочного кредита может быть скорректировано с учетом множества факторов (например, различная LGD – loss given default – это доля

невозвратных потерь после дефолта (в процессе взыскания)).

Наконец, помимо собственных расчетов, каждый оператор также учитывает возможные решения других операторов, которым предложено поддержать план. На практике каждый финансовый оператор пытается предсказать анализы платежеспособности, проводимые другими операторами, заинтересованными в компании, размышая о той информации и тех навыках, которыми он предполагает обладать (например, банк-участник ведет себя иначе, чем новый банк). Вся работа финансового оператора переводится в прогноз процентных ставок, которые будут применены к его собственным кредитным линиям и срочным займам, а также к займам других кредиторов, заинтересованных в поддержке заемной компании.

Концептуальная модель

Цель исследования состоит в том, чтобы математически операционализировать теорию прогнозирования дефолта, как представлено заявлено ранее, с целью построения модели, способной проверить – учитывая определенные входные переменные и их смещение и неопределенность – если и при каких ставках могут возникнуть добродетельные круги (в соответствии с определением равновесия как процентной ставки, которая является устойчивой как для бизнес-плана, так и удовлетворительной для кредиторов капитала) или порочные круги (состояние дефолта) в будущем. Конкретно в этом сценарном моделировании процентная ставка будет пересчитываться до тех пор, пока вероятность дефолта не изменится и наоборот. Мы моделируем долгосрочные кредитные отношения при асимметрии, неопределенности, сигнализации и динамическом обучении [\[10\]](#). Более того, предполагается наличие конкурентных взаимозависимых систем стимулов между принципалом и агентом.

Для упрощения рассматривается финансовое положение, финансируемое только банками с одинаковыми функциями процентных ставок без ограничений или предпочтений при предоставлении займов и без каких-либо обязательств. Иными словами, как если бы только один банк финансировал бизнес.

Представляем математические детали нашей модели. Мы принимаем нотационную конвенцию о том, что заглавные буквы обозначают случайные величины, а строчные буквы – фиксированные величины. Время измеряется в дискретных интервалах $t = 0, 1, \dots, T$ (например годы). Здесь t обозначает (случайное) время, когда либо долг погашается, либо компания оказывается в состоянии дефолта. Моделирование управления бюджетом осуществляется следующим образом: ($D_{S,0} = d_{S,0} > 0$)

$$D_{S,t} = D_{S,t-1} - C_t, \quad (1)$$

где $D_{S,t}$ – краткосрочная чистая финансовая позиция (STNFP) на момент t , и $C_t = F_t - S_t$ – обозначает изменение STNFP на момент t . Итак, F_t – это свободный денежный поток (cash flow) от операционной и инвестиционной деятельности, а S_t – это обслуживаемый долг на момент t . Это выражается следующим образом:

$$S_t = c_t + I_{L,t} + I_{S,t}, \quad (2)$$

где $c_t = d_{L,t-1} - d_{L,t}$ – обозначает чистое изменение срочных кредитов на момент t (погашение срочного долга за вычетом поступлений от эмиссии нового долга), а $I_{S,t}$ и $I_{L,t}$ соответственно представляют собой процентные расходы по непогашенному срочному долгу и STNFP. Мы предполагаем, что процентные расходы являются линейной функцией непогашенного долга в начале каждого периода:

$$I_{S,t} = r_t D_{S,t}, I_{L,t} = r_t d_{L,t}, \quad (3)$$

где r_t – это процентная ставка. Для упрощения мы предполагаем, что $r_t = r$, для всех $t = 0, 1, \dots, T$, где ставка является постоянной. Таким образом, ставка r является лишь функцией вероятности дефолта. Чтобы подчеркнуть это мы записываем $r = r(p)$.

Для моделирования влияния пересмотров аналитиков мы предполагаем, что F_t является случайной величиной со средним значением (μ) и стандартным отклонением σ^2 . Для простоты мы принимаем μ и σ^2 как независимые от $t = 0, 1, \dots, T$, но наш анализ может быть легко расширен до прогнозов, зависящих от времени. Таким образом, F_t и ω соответственно представляют собой надежность плана и неопределенность плана согласно пересмотрам аналитиков. Ключевым моментом является то, что в соответствии с байесовской вероятностной моделью они являются входными параметрами, которые могут быть настроены аналитиком. Мы обозначаем $F_t(\omega)$ как результат случайной величины F_t , где ω обозначает выборку. Мы предполагаем, что компания входит в устойчивое состояние после определенного времени t_{ss} , когда $F_t = F$ становится постоянным для $t \geq t_{ss}$.

Для оценки среднего значения и распределения различных интересующих величин мы многократно моделируем основной случайный процесс и затем берем эмпирические средние значения. Здесь мы иллюстрируем эту точку зрения и объясняем, как мы оцениваем вероятность дефолта. Мы определяем событие дефолта как увеличение STNFP в устойчивом состоянии. Формально событие дефолта определяется как:

$$D^i := \{\exists t \geq t_{ss} \text{ так что } C_t(\omega_i) = F_t(\omega_i) - S_t(\omega_i) < 0\}, \quad (4)$$

где $i = 1, \dots, N$ обозначает конкретную выборку. Вероятность дефолта PD приближенно вычисляется как:

$$PD \approx \overline{PD} := \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \mathbf{1}(D^i) = \frac{\#\{\omega_i : C_t(\omega_i) < 0, t \geq t_{ss}\}}{N}. \quad (5)$$

Когда N достаточно велико, вероятность дефолта не зависит от выборок $\omega_1, \dots, \omega_N$ и поэтому мы опускаем ее из нотации. С другой стороны вероятность дефолта существенно зависит от процентной ставки r , и мы подчеркиваем это в нотации как $PD = PD(r)$. В

общем случае, если $r \in (0,1)$ и представляет собой некоторую ставку, и мы устанавливаем $p = PD(r)$, тогда $r(p) \neq r$. Это побуждает нас к определению равновесной ставки. Для этой цели мы определяем составную функцию:

$$\tau(r) := r(PD(r)). \quad (6)$$

Равновесная ставка r_{eq} является фиксированной точкой функции $\tau(r) \rightarrow \tau(r)$, то есть удовлетворяет

$$\tau(r_{eq}) = r_{eq}. \quad (7)$$

Явное вычисление r_{eq} , как правило, не является тривиальным процессом; поэтому мы обращаемся к методам аппроксимации. Учитывая рекурсивную структуру проблемы, мы выбираем надежную технику известную как метод фиксированной точки (Burden et al., 2015). Кратко говоря, этот метод генерирует последовательность r_k , такую что $r_k = \tau(r_{k-1})$, а затем приближает $r_{eq} \approx r_k$ для $k \gg 1$. Однако алгоритм фиксированной точки извлекает лишь подмножество фиксированных точек которые мы считаем стабильными. Для вычисления нестабильных фиксированных точек мы прибегаем к более сложной рутине fzero MATLAB. Эта рутинка использует комбинацию методов бисекции секущей линии и обратной квадратичной интерполяции Брента и Форсита.

Для более глубокого изучения поведения кредитора мы связываем вышеопределенную равновесную ставку с ставкой, которая максимизирует выгоду для банка. Прибыльность банка определяется таким образом:

$$R(\omega) = \sum_{t=1}^T \frac{c_t(\omega) + I_{S,t}(\omega) + c_t + I_{L,t}}{\alpha^t} - d_{S,0} - d_{L,0} + \left[\frac{D_{S,T}(1-LGD)}{\alpha^T} + \frac{d_{L,T}(1-LGD)}{\alpha^T} \right] 1(D^\omega), \quad (8)$$

если $D_{S,T} \leq d_{S,0}$, или

$$R(\omega) = \sum_{t=1}^T \frac{c_t(\omega) + I_{S,t}(\omega) + c_t + I_{L,t}}{\alpha^t} - d_{S,0} - d_{L,0} + \left[-\frac{D_{S,T} - d_{S,0}}{\alpha^T} + \frac{d_{S,0}(1-LGD)}{\alpha^T} + \frac{d_{L,T}(1-LGD)}{\alpha^T} \right] 1(D^\omega), \quad (9)$$

если $D_{S,T} > d_{S,0}$.

Константа $\alpha > 1$ является коэффициентом дисконтирования, а LGD – это так называемая потеря при дефолте. Мы оцениваем ожидаемую доходность как

$$\bar{R} \approx \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R(\omega_i), \quad (10)$$

где, опять же, мы можем опустить зависимость от $\omega_1, \dots, \omega_N$, если N достаточно велико. С

другой стороны, мы подчеркиваем зависимость от процентной ставки, записывая $\bar{R} = \bar{R}(r)$.

Результаты

Компания представляет собой ориентированную в будущее конкурентную систему и рассматривается в состоянии равновесия, пока ее заинтересованные стороны доверяют ее будущему. В моменты предсказуемого кризиса этой системы кредитные учреждения становятся заинтересованными сторонами, которые в конечном итоге решают, поддерживать ли это равновесие, в какой степени и до какого момента. Банки будут продолжать обновлять и увеличивать кредитные линии компании, пока они считают это прибыльным. В конечном счете, это зависит от вероятности, которую они придают необратимому росту кредитных линий фирмы в стационарном состоянии. Эта вероятность дефолта измеряется на основе достоверности и неопределенности бизнес-плана и обновляется на основе процентных ставок, устойчивых для самого плана. Таким образом, равновесие представляет собой ситуацию стабильных и постоянных точек встречи между предсказуемыми тенденциями предложения и спроса на кредит компании.

Кейс компании АО «Инфа-Отель»

Для понимания потенциала модели и демонстрации ее конкретного функционирования, она применяется к кейс-исследованию компании АО «Инфа-Отель» – лидер отрасли гостеприимства в г. Москве (отель «Савой», люксового сегмента).

В 2021-2022 гг. компания «Инфа-Отель» вступило в процесс о банкротстве, оказавшись под тяжестью долговых обязательств. В апреле 2023 года компания получила одобрение суда на план реструктуризации долговых обязательств. В результате процесса реструктуризации компания «Инфа-Отель» нормативное значение для коэффициента абсолютной ликвидности находилось в пределах 0,2–0,5 – показатель ниже нормы в 2021 г., но с 2022 показатель вышел в норму, и продолжает тенденцию к улучшению в 2023 г. Долговые обязательства сократились с 78,678 млн руб. до 6,750 млн руб.

Цель данного кейса – исследовать последствия, возникающие из нашей модели, применяя ее к периодам до и после дефолта. В частности, мы представляем компанию в трех различных временных момента:

- (a) в декабре 2022 года, непосредственно перед дефолтом, чтобы понять предсказуемость этого события;
- (b) в декабре 2018 года, чтобы выяснить, было ли предсказуем дефолт «Инфа-Отель» за четыре года до его наступления и в какой степени;
- (c) в декабре 2023 года, чтобы оценить обоснованность плана восстановления компании.

Кейс а: 2022

Бизнес-план основан на информации, собранной из Годового отчета за 2021 год и корпоративных новостей, опубликованных в то время. В частности, наши предположения следующие (Таблица 6).

Таблица 1 – Входные данные для симуляции кейса а: 2022

	x	μ	σ^2
Revenue Rev_t	$x_{Rev} = 8,3\%$ with $Rev_0 = 2078,7$	0	0.05
Variable cost C_t^{var}	$x_{Var} = 40,9\%$	0	0.02
Fixed cost C_t^{fix}	$x_{fix} = 1099$	0	0.01
Tax Tax_t	$x_{Tax} = 30\%$	-	-
Change in NWC C_t^{WC}	$x_{WC} = 0,53\%$	-	-
Capex Cap_t	$x_{Cap} = 14$	0	0.01

Что касается обслуживания долга, мы рассматриваем:

$$d_{S,0} = 11.819.$$

STNFP

Долгосрочный долг 78,678 который необходимо погасить в течение 12 лет начиная с $t=1$ с указанными платежами (Таблица 7).

Таблица 2 – Платежи согласно периодам погашения долга кейса а: 2022

t	1	2	3	4	5	...	12
ct	6.62	13.24	19.87	26.49	33.11	...	79.46

$$r(p) = \frac{r_f + p \times LGD}{1 - p \times LGD}, \quad r_f = 0.01 \quad LGD = 0.6$$

Ставка: , где постоянная величина, постоянная величина.

Свободные денежные потоки в среднем слегка положительны, но становятся отрицательными во многих сценариях (Рисунок 1).

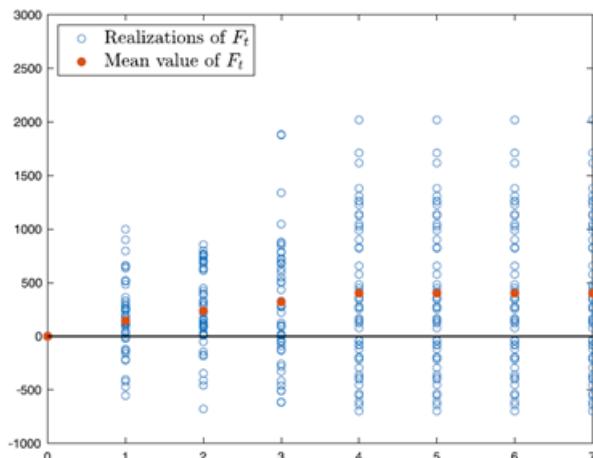

Рисунок 1 – Результаты симуляции свободных денежных потоков (FCF) для компании «Инфа-Отель» в 2022 году. 50 реализаций показаны синим цветом. Среднее значение F_t (красным цветом) рассчитано на основе 2500 реализаций

Тем не менее, огромная долговая нагрузка делает банковское вмешательство нецелесообразным при любой процентной ставке (Рисунок 2).

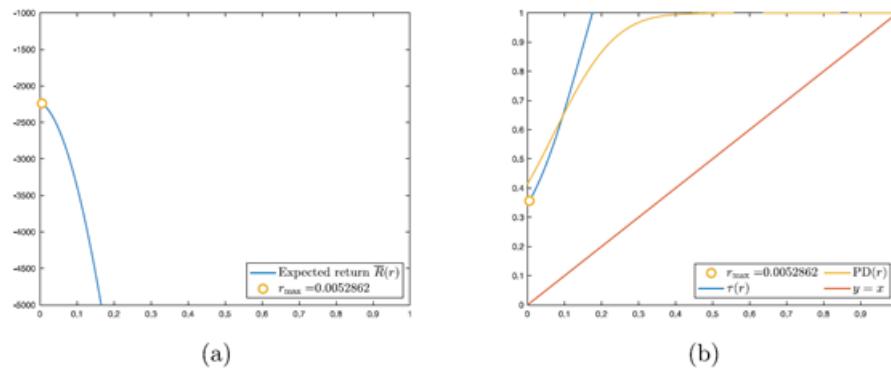

Рисунок 2 – Симуляция результатов для компании «Инфа-Отель» в 2022 году

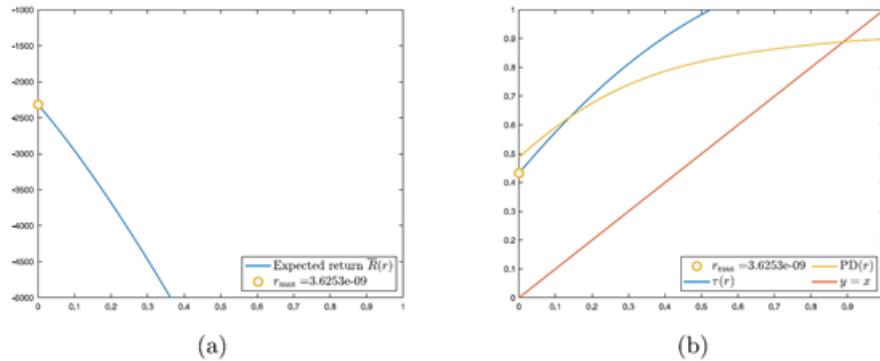

Рисунок 3 – Симуляция результатов для компании «Инфа-Отель» в 2022 году с фиксированной ставкой 6%

Обратите внимание, что вероятность дефолта при нулевой ставке превышает 40%. Предполагая фиксированную процентную ставку по всем амортизируемым заемам на уровне 6% (как это действительно происходит в среднем), ситуация не меняется. Отсутствие краткосрочного долга в начале периода делает PD существенно независимой от процентной ставки по STFP (Рисунок 3). Единственным целесообразным выходом в то время, казалось бы – отказаться от борьбы вовсе.

Кейс b: 2018

Бизнес-план основан на информации из Годового отчета за 2017 год (когда была произведена полная реновация номерного фонда отеля Савой) и корпоративных новостей того времени. В частности, наши предположения следующие (Таблица 3).

Таблица 3 – Входные данные для симуляции кейса b: 2018

	x	μ	σ^2
Revenue Rev_t	$x_{Rev} = 13,5\%$ with $Rev_0 = 2694$	0	0.05
Variable cost C_t^{var}	$x_{var} = 42,5\%$	0	0.02
Fixed cost C_t^{fix}	$x_{fix} = 1151$	0	0.01
Tax Tax_t	$x_{Tax} = 30\%$	–	–
Change in NWC C_t^{WC}	$x_{WC} = 0\%$	–	–
Capex Cap_t	$x_{Cap} = 100$	0	0.01

Что касается обслуживания долга, мы рассматриваем:

$$d_{S,0} = 9.685.$$

STNFP

Долгосрочный долг 183,448 который необходимо погасить в течение 12 лет начиная с $t=1$ с указанными платежами (Таблица 2).

Таблица 2 – Платежи согласно периодам погашения долга кейса b: 2018

t	1	2	3	4	5	...	12
ct	15.44	30.88	46.32	61.76	77.20	...	185.28

Тенденция свободного денежного потока в среднем выглядит выше, чем в 2022 году (Рисунок 4).

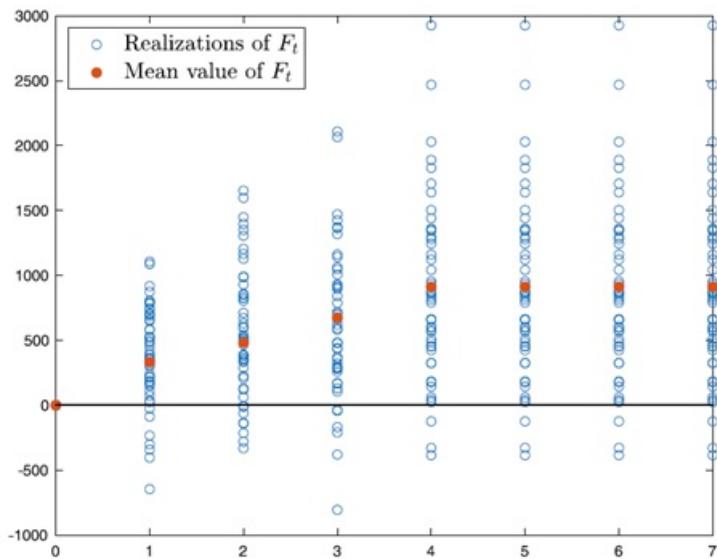

Рисунок 4 – Результаты симуляции свободных денежных потоков (FCF) для компании «Инфа-Отель» в 2018 году. 50 реализаций показаны синим цветом. Среднее значение F_t (красным цветом) рассчитано на основе 2500 реализаций

Однако ситуация всегда движется к отсутствию равновесия (Рисунок 5).

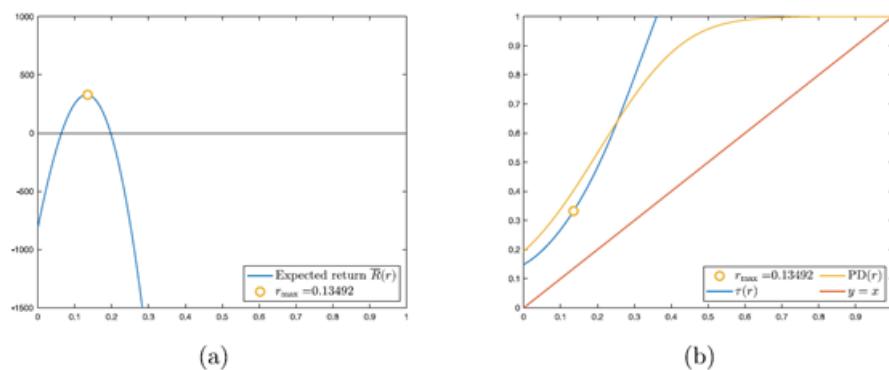

Рисунок 5 – Симуляция результатов для компании «Инфа-Отель» в 2018 году

Тем не менее, банк может получать прибыль при ставках около 13%, хотя эта прибыльность не компенсирует принятый риск (PD постоянно растет и требует более высокой процентной ставки). Предполагая фиксированную процентную ставку по всем амортизируемым заемам на уровне 6% (как это происходит в среднем), модель достигает точки равновесия только теоретически, учитывая, что любое предоставление краткосрочных кредитов (при любой процентной ставке) приведет к убыткам банка (Рисунок 6).

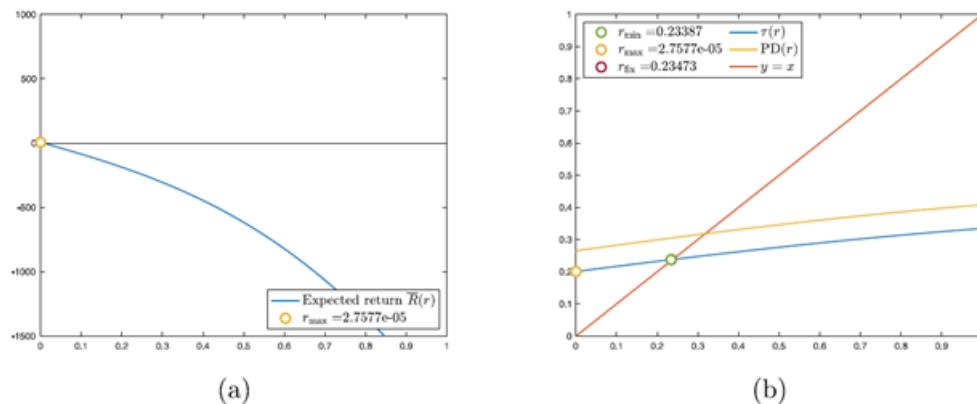

Рисунок 6 – Симуляция результатов для компании «Инфа-Отель» в 2018 году с фиксированной ставкой 6%

В заключение можно сказать, что при разумных предположениях о будущей деятельности компании ей следовало бы приостановить деятельность на четыре года раньше с почти полмиллиардными долгами меньше!

Кейс с: 2023

Бизнес-план основан на утвержденном плане реструктуризации и результатах деятельности за 2023 год. В частности, наши предположения следующие (Таблица 4).

Таблица 4 – Входные данные для симуляции кейса с: 2023

	x	μ	σ^2
Revenue Rev_t	$x_{Rev} = 15\%$ with $Rev_0 = 2000$	0	0.05
Variable cost C_t^{var}	$x_{var} = 40\%$	0	0.02
Fixed cost C_t^{fix}	$x_{fix} = 868$	0	0.01
Tax Tax_t	$x_{Tax} = 30\%$	–	–
Change in NWC C_t^{WC}	$x_{WC} = 0\%$	–	–
Capex Cap_t	$x_{Cap} = 100$	0	0.01

Что касается обслуживания долга, мы рассматриваем:

$$d_{S,0} = 62.214.$$

STNFP

Долгосрочный долг 6,750 который необходимо погасить в течение 5 лет начиная с $t=1$ с указанными платежами (Таблица 5).

Таблица 5 – Платежи согласно периодам погашения долга кейса с: 2023

t	1	2	3	4	5
c_t	1.37	2.73	4.10	5.46	6.83

Тенденция свободного денежного потока показана на Рисунке 7.

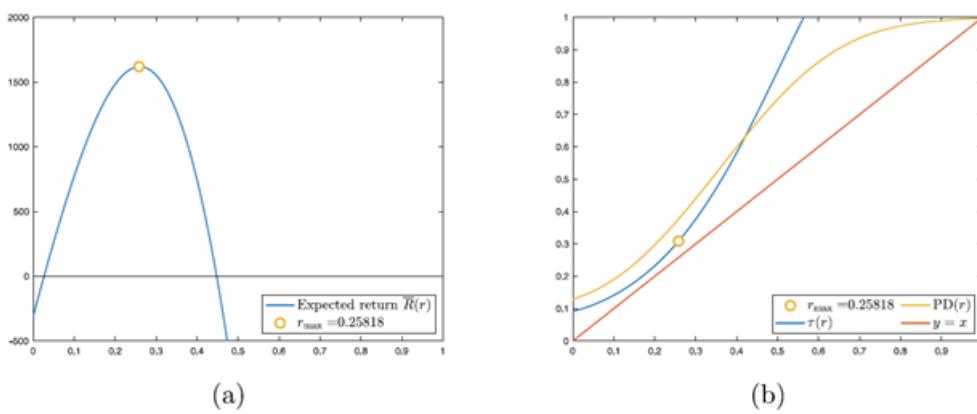

Рисунок 7 – Симуляция результатов для компании «Инфа-Отель» в 2023 году с фиксированной ставкой 6%

Ситуация значительно улучшается по сравнению с прошлым и почти достигает равновесия (Рисунок 7), с положительной прибыльностью для банков при ставках между минимальной дисконтной ставкой и примерно 50%.

В заключение можно отметить, что отсутствие равновесия будет соответствовать поведению кредиторов, которые действуют в условиях реструктуризации. Это означает, что при разумных рыночных ставках, даже если связанная вероятность дефолта (PD) требовала дальнейшего повышения ставок, банк не стал двигаться в этом направлении, тем не менее, обеспечивая «приемлемую» прибыльность (также учитывая убытки от сокращений кредитования). При условиях свободного рынка соглашение, скорее всего, не состоялось бы, и фактически ни один новый банк не выбрал предоставить новые кредитные линии «Инфа-Отель» в 2023 году.

Происходит следующее: рост дисконтной ставки кредитного предложения приводит к увеличению минимальной удобной ставки, которую банк обязан применить к контрагенту. Это подтверждает, что планы реструктуризации бизнеса, осуществляемые по переменным процентным ставкам, подвергаются стрессу из-за текущей ограничительной монетарной политики центрального банка РФ. То есть, применяя данную модель в архаичном периоде до наступления дефолта и после реструктуризации долга и санации деятельности компании, мы «как бы возвращаемся в прошлое» с целью сделать прогноз о вероятности наступления риска дефолта.

На основе этой теории в согласованной вероятностной среде мы моделируем равновесие заемной компании на основе предсказуемых условий ее кредитного спроса (рыночные тенденции, бизнес-план, LGD и т.д.) и предсказуемых условий сегмента предложения кредита (функция процентной ставки, доступность информации и аналитических инструментов и т.д.). Эти прогнозы взаимно влияют друг на друга и состоят из оценок кредитного, рыночного и идосинкретического рисков. Модель количественно оценивает вероятность дефолта (PD), оценивая интенсивность проверки будущих смоделированных событий дефолта. Эта PD представляет собой уникальную численную оценку (поэтому режим процентных ставок между различными формами долга зависит от факторов, внешних для PD). Эта PD является функцией ставки, применимой в будущем кредитными учреждениями, и наоборот.

В ответ на исследовательские вопросы модель предоставляет важные результаты:

- 1) учитывая процентную ставку по долгам, она предоставляет вероятность того, что компания останется жизнеспособной в будущем;
- 2) она проверяет существование ставки, способной обеспечить финансовое здоровье компании и одновременно минимальное удовлетворение кредиторов;
- 3) она проверяет существование ставки, которая максимизирует прибыльность кредиторов при обеспечении финансового здоровья компании;
- 4) она оценивает интенсивность переговорной силы заемщика и кредитора;
- 5) она определяет максимальный уровень устойчивого долга по ставкам, считающимся удовлетворительными для кредиторов (если таковой существует);
- 6) она определяет влияние определенной структуры/реструктуризации долга на финансовое здоровье.

Заключение

Теория дефолта и связанная с ней модель могут унифицировать исследования и инструменты в различных областях (корпоративные финансы, управление кредитными рисками, финансовое посредничество, структурированное финансирование, проектное финансирование, корпоративная реструктуризация и т.д.).

Операционным результатом модели является создание «индивидуализированной» модели прогнозирования дефолта на финансовом рынке должника, где рыночные и конкурентные силы (рыночный риск), потенциал и уязвимость компании (идосинкратический риск), навыки финансового рынка, информационные асимметрии и будущие кредитные тенденции (кредитный рыночный риск) динамически взаимодействуют для создания ориентированной в будущее системы реального времени для прогнозирования РД компаний. Возникает модель с следующими характеристиками.

Во-первых, она широко использует «мягкую» информацию о будущем компании, что было показано как основополагающее для оценки кредитного риска. Это имеет два преимущества:

- (1) модель также может быть применена к стартапам, компаниям в процессе реструктуризации или радикальной трансформации;
- (2) любые предсказуемые внутренние (стратегически-операционные) и внешние (конкурентные и предложения кредита) изменения компании могут быть предметом обновления оценки с реакцией в реальном времени. Благодаря этой способности модель может использоваться кредитными учреждениями на этапах предоставления/обновления/мониторинга, а также на этапе ценообразования, а также операторами рынка для оценки и ценообразования облигаций.

Во-вторых, в модель оценки интегрированы навыки человеческой оценки, как это давно рекомендовали литература и регулирующие органы. Введение человеческой субъективности в модели воспроизводит сложность рынка, подчеркивая значимость опыта операторов и их свободы. Это способствует предпринимательскому инновационному импульсу, а также здоровой конкурентоспособности среди финансовых операторов.

В-третьих, оценка сосредоточена на эволюции структуры долга заемщика с учетом сроков погашения долга, изменчивости ставок, залога и т.д. Это позволяет

количественно оценить обслуживание долга для каждого года и получить точную оценку вероятности дефолта (PD). Следовательно, механизмы должны способствовать выбору фирм, структурированию долга на основе характеристик и продолжительности их финансовых потребностей, установлению правильной цены для каждого типа кредитного продукта. Это должно улучшить функционирование финансового рынка, смягчая неправильное распределение финансовых обязательств.

В-четвертых, прогноз дефолта формулируется до достижения состояния стационарности. Следовательно, горизонт оценки PD обычно расширяется по сравнению с лаговыми моделями, которые показывают миопические предсказательные способности. Преимуществом этого является возможность оценить реальную устойчивость бизнес-модели компании, особенно с точки зрения социо-экологической устойчивости — условия, становящиеся все более важным. Совместное рассмотрение этих характеристик модели позволяет внедрить оценку идосинкратического риска в модели оценки, учитывая механизмы взаимодействия между специфическими системами стимулов каждого оператора. Это приводит к созданию действительно ориентированной в будущее модели оценки, которая, как таковая, не должна подвергаться влиянию классических стационарных ограничений наиболее распространенных сегодня систем оценки, которые породили серьезные рыночные неэффективности.

Таким образом, наш основной вывод заключается в том, что инструменты измерения кредитного риска и операторы, которые их используют, должны сделать шаг назад для того чтобы двигаться вперед, вновь овладевая техническими аспектами фундаментального анализа. Необходимо создать системы рейтингов, которые «возвращаются в будущее».

Исследуя перспективы будущих исследований, если риск дефолта таким образом будет включен в стоимость капитала, наша работа может очертить интересные перспективы в области корпоративной оценки и изучения динамики левериджа — темы далекой от достижения бесспорных результатов [7]. Что касается ограничений модели, мы сосредоточены на оптимальных стратегиях ставок с функциями, которые постоянны во времени (т.е. постоянная ставка). Поскольку на данный момент нам неясно, как расширить анализ фиксированных точек на динамические стратегии ставок во времени, эта проблема представляет собой интересное направление будущих исследований. Наша модель разработана при предположении о единственном банке, который финансирует компанию и предполагает упрощения в построении денежных потоков по сравнению с реальностью. Тем не менее, она гораздо более сложна, чем существующие модели, потому что пытается воспроизвести финансовое управление компанией. Это подразумевает необходимость гораздо большего объема входных данных и соответственно связанное увеличение затрат и времени обработки.

Библиография

1. Abinzano I., Martinez B., Poletti-Hughes J. Women in power with power: The influence of meaningful board representation on default risk // International Review of Financial Analysis. – 2023. – No 89. – C. 102771.
2. Becker B., Ivashina V. Cyclicalities of credit supply: Firm level evidence // Journal of Monetary Economics. – 2014. – No 62. – C. 76–93.
3. Bouteille S., Coogan-Pushner D. The handbook of credit risk management: originating, assessing, and managing credit exposures. – John Wiley & Sons, 2021.
4. Brown J. R., Gustafson M. T., Ivanov I. T. Weathering cash flow shocks // The Journal of Finance. –2021. – Vol. 76. – No 4. – Pp. 1731–1772.

5. Burden R. L., Faires J. D., Burden A. M. Numerical analysis. – Cengage learning, 2015.
6. Chodorow-Reich G., Falato A. The loan covenant channel: How bank health transmits to the real economy // The Journal of Finance. – 2022. – Vol. 77. – No 1. – Pp. 85–128.
7. DeMarzo P. M., He Z. Leverage dynamics without commitment // The Journal of Finance. – 2021. – Vol. 76. – No 3. – Pp. 1195–1250.
8. Gatev E., Strahan P. E. Banks' advantage in hedging liquidity risk: Theory and evidence from the commercial paper market // The Journal of Finance. – 2006. – Vol. 61. – No 2. – Pp. 867–892.
9. Gredil O. R., Kapadia N., Lee J. H. On the information content of credit ratings and market-based measures of default risk // Journal of Financial Economics. – 2022. – Vol. 146. – No 1. – Pp. 172–204.
10. He Z., Wei B., Yu J., Gao F. Optimal long-term contracting with learning // The Review of Financial Studies. – 2017. – Vol. 30. – No 6. – Pp. 2006–2065.
11. Hilscher J., Wilson M. Credit ratings and credit risk: Is one measure enough? // Management Science. – 2017. – Vol. 63. – No 10. – Pp. 3414–3437.
12. Hu Y., Varas F. A theory of zombie lending // The Journal of Finance. – 2021. – Vol. 76. – No 4. – Pp. 1813–1867.
13. Li G., Zhang C. Counterparty credit risk and derivatives pricing // Journal of Financial Economics. – 2019. – Vol. 134. – No 3. – Pp. 647–668.
14. Luo S., Murphy A. Understanding the exposure at default risk of commercial real estate construction and land development loans: Working paper. – FRB of Dallas Working Paper, 2020.
15. Nikolov B., Schmid L., Steri R. The sources of financing constraints // Journal of Financial Economics. – 2021. – Vol. 139. – No 2. – Pp. 478–501.
16. Nozawa Y. What drives the cross-section of credit spreads?: A variance decomposition approach // The Journal of Finance. – 2017. – Vol. 72. – No 5. – Pp. 2045–2072.
17. Rajan U., Seru A., Vig V. The failure of models that predict failure: Distance, incentives, and defaults // Journal of Financial Economics. – 2015. – Vol. 115. – No 2. – Pp. 237–260.
18. Stepankova B., Teply P. Consistency of banks' internal probability of default estimates: Empirical evidence from the COVID-19 crisis // Journal of Banking & Finance. – 2023. – No 154. – P. 106969.
19. Zhao J., Yang L. Usage and exposures at default of corporate credit lines-An empirical study. – 2019. – [Electronic source]. – URL:
<https://www.moodysanalytics.com/articles/2019/usage-and-exposures-at-default-of-corporate-credit-lines> (accessed 15.10.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования состоит в разработке математической модели, оценивающей риск дефолта компании, которая позволит операционализировать теорию прогнозирования дефолта в рамках концепции финансового здоровья компании.

Методология исследования. В работе авторам применяются математические методы моделирования, что является неоспоримым плюсом исследования.

Актуальность работы определяется важность определения вероятности дефолта организации. А наличие работающей модели, с помощью которой можно будет проверить, учитывая определенные входные переменные и их смещение и

неопределенность, есть ли и при каких ставках могут возникнуть «добротельные круги» или «порочные круги (состояние дефолта)» в будущем. Все это взаимосвязано с определением равновесия как процентной ставки, которая является устойчивой как для бизнес-плана, так и удовлетворительной для кредиторов капитала. На фоне высоких рисков в которых функционируют российские компании, чрезвычайно важным является определение не только финансовой устойчивости компаний, а именно риска наступления дефолта. Наличие модели, которая позволит определить условия наступления дефолта компании, вызывает большой научный интерес.

Моделирование основано на долгосрочных кредитных отношениях при асимметрии, неопределенности, сигнализации и динамическом обучении

Научная новизна состоит в операционализации теории прогнозирования дефолта.

Стиль, структура, содержание. Стиль и структура работы отвечают требованиям, предъявляемым к научным работам. Содержание работы состоит в описании подходов зарубежных ученых и их научных разработках в рамках темы исследования. Далее авторы подробно раскрывают математические детали своей модели. В сценарном моделировании, предлагаемом авторами, процентная ставка пересчитывается до тех пор, пока вероятность дефолта не изменится и наоборот.

Также оригинальным является то, что модель оценивает не только финансовые, экономические параметры, а также, например, интенсивность переговорной силы заемщика и кредитора. Авторы выделяют преимущества модели, а также ее особенности, предлагая научному сообществу поле для размышлений и дальнейших исследований по теме работы. Теория дефолта и связанная с ней модель могут унифицировать исследования и инструменты в различных областях, таким образом, работа имеет также и практическую значимость. Операционным результатом модели является создание «индивидуализированной» модели прогнозирования дефолта на финансовом рынке должника, где рыночные и конкурентные силы (рыночный риск), потенциал и уязвимость компании (идосинкритический риск), навыки финансового рынка, информационные асимметрии и будущие кредитные тенденции (кредитный рыночный риск) динамически взаимодействуют для создания ориентированной в будущее системы реального времени для прогнозирования РД компании.

Библиография. Анализ источников информации свидетельствует о использовании исключительно передового зарубежного опыта в построении моделей подобного рода.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа, несомненно, будет иметь интерес как среди научного сообщества, так и у практиков.

Данная статья отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным работам, и может быть рекомендована к публикации.

Теоретическая и прикладная экономика

Правильная ссылка на статью:

Феоктистова К.И. Инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов: теоретический подход к управлению и практика реализации в ДФО // Теоретическая и прикладная экономика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72776 EDN: YZVAWF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72776

Инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов: теоретический подход к управлению и практика реализации в ДФО

Феоктистова Ксения Игоревна

ORCID: 0000-0003-2470-0020

старший преподаватель; Департамент социально-экономических исследований и регионального развития; Дальневосточный федеральный университет

690042, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Североморская, 5, корпус 1, кв. 88

✉ feoktistova.ki@dvfu.ru

Статья из рубрики "Экономическая теория и история экономической мысли"

DOI:

10.25136/2409-8647.2024.4.72776

EDN:

YZVAWF

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2024

Дата публикации:

25-12-2024

Аннотация: Для стимулирования экономического роста российского Дальнего Востока помимо «стандартных» инструментов региональной политики, таких как налоговые льготы, субсидии из федерального бюджета на развитие инфраструктуры и т.д., также реализуют институциональные программы, целью которых является изменение правил и, как следствие, паттернов поведения экономических агентов в регионе. Конечным результатом таких программ должно стать решение демографической проблемы ДФО, а также привлечение частных инвестиций в развитие региона. Промежуточным результатом институциональных программ развития являются определённым образом

настроенные стимулы экономических агентов, которые в свою очередь сложно измеримы и неочевидны. В данной статье сформулированы теоретические предпосылки, которые обеспечивают эффективность управления инструментами региональной экономической политики, направленных на изменение качества институтов периферий. Эмпирическим примером реализации такого инструмента является программа упрощённой приватизации земли – «Дальневосточный гектар», запущенная в 2016 году для развития российского Дальнего Востока. Проведённый статистический анализ промежуточных результатов, а также серия предшествующих качественных исследований автора объясняют закономерности реализации программы в соответствии с заданными теоретическими концепциями. В частности, установлена значимость интересов муниципальных властей как институциональной составляющей, обеспечивающей эффективность реформы. Обоснована актуальность институционального подхода к управлению обозначенного типа программами развития периферий. Существующий подход, основанный на оценке результативности реформ по формальным показателям (количеству выданных «гектаров»), не позволяет учитывать институциональные особенности территории. Эти особенности проявляются в искажённых стимулах не только участников программ развития, но исполнителей на уровне муниципальных образований. Корректировка дизайна таких программ с учётом потребностей последних позволит обеспечить не только высокие показатели выделения земельных участков населению, но и их эффективное использование после приватизации. Исследование локальных практик и стимулов, в свою очередь, предполагает проведение масштабных качественных полевых исследований.

Ключевые слова:

периферийный регион, институциональные изменения, инструменты региональной политики, приватизация, управление программами развития, российский Дальний Восток, программа Дальневосточный гектар, экономические стимулы, органы местного самоуправления, институциональные особенности территории

Исследование проведено в рамках проекта «Центр исследований постинститутов», поддержанного в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 27.03.2024 №Д-136-24 фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 07.02.2022 по 31.12.2024 ШЭМ ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ» (Целевое назначение – пожертвование СБЕР (ПАО) на развитие ШЭМ).

Введение

Развитие периферийных регионов является приоритетной задачей государственной политики России. В частности, для стимулирования экономического роста Дальнего Востока реализуются специальные программы, создаются новые законы и даже министерства^[1]. Стратегия развития российского Дальнего Востока (далее – РДВ) предполагает выполнение структурных, социальных, инфраструктурных, а также институциональных задач. Решение последних направлено на выравнивание условий функционирования экономики РДВ с общероссийскими значениями за счёт создания особых экономических режимов, упрощения процедур международной торговли для привлечения инвестиций, повышения привлекательности проживания в регионе^[10].

[С.526-2571](#). Эти задачи реализуются в том числе с помощью социально-экономических программ, таких как применение режима «Свободный порт Владивосток», планов социального развития центров экономического роста, программы «Дальневосточная ипотека», «Дальневосточный гектар» и др. Однако итоги реализации таких программ остаются неоднозначными: не удается изменить социально-экономическое положение Дальнего Востока России, в связи с чем население продолжает убывать. При этом формальные показатели оценки таких программ не отражают изменение экономического роста регионов вследствие применения определенных мер. Поэтому актуальным направлением для исследований является разработка методических подходов к анализу и оценке программ развития РДВ, позволяющих обнаружить причины отсутствия ожидаемых эффектов социально-экономического роста.

Особого внимания требуют инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов, которые в последние годы всё чаще используются в отношении Дальнего Востока России как обширной периферийной территории. Наилучшим образом такие изменения объясняет неоинституциональная экономическая теория (далее – НИЭТ). Использование предпосылок и методологических основ НИЭТ для анализа и оценки институциональных изменений периферии позволяет задать эффективные условия региональных программ развития, которые позволяют определенным образом направлять стимулы экономических агентов. Для этого дизайн разрабатываемых инструментов должен учитывать институциональные барьеры (например, несогласованность формальных и неформальных правил, недоверие к власти, противоречивые культурные обычаи и т.д.), которые препятствуют успешной реализации. Адекватная оценка институциональных программ, предполагает, что заданные индикаторы отражают фактические результаты, а не динамику макроэкономических показателей региона, изменяющихся не только под влиянием оцениваемых инструментов, но и в связи со многими экзогенными и эндогенными факторами.

Таким образом, анализ и оценка инструментов экономической политики в отношении периферийных территорий, направленных на институциональные изменения, подразумевает не только измерение заданных формальных индикаторов, а также анализ локальных институциональных особенностей регионов. Каждая конкретная программа развития – это управление определенными институтами, специфику которых необходимо учитывать на всех этапах: от планирования до оценки результатов. Так, например, актуальным инструментом региональной экономической политики РДВ, который предполагает трансформацию института собственности, является земельная приватизация, широко применяющаяся в регионе еще с имперских времён. В то же время институциональные особенности земельной собственности не учитываются при разработке дизайна и оценке таких программ, что обуславливает актуальность данной статьи.

Теоретические концепции регионального роста

Реализация региональной политики является одной из важных направлений деятельности государства по созданию условий для повышения качества жизни населения и устойчивого и равномерного социально-экономического развития в регионах. Региональная политика касается демографической, социальной, экологической, инновационной и других сфер. Экономическое направление возникло в 1930-х гг., когда в странах Европы и США встала проблема диспропорции развития территорий, что привело к социальным проблемам. Региональная экономическая политика в широком смысле является органичной частью общей социально-

экономической политики государства, которая синтезирует ее региональные аспекты и создает экономические основы целостности государства^[2]. Она направлена на использование благоприятных и ограничение действия негативных региональных факторов для достижения общих стратегических целей и задач развития страны; на повышение конкурентоспособности экономики регионов; на поддержку и развитие реального сектора экономики; на формирование региональной инфраструктуры, а также на эффективное использование государственной собственности [\[12, С. 11-12\]](#).

В научной литературе под региональной экономической политикой также понимают совокупность оказываемых органами исполнительной и законодательной власти управлеченческих воздействий на регулируемые процессы с применением инструментов лимитирования, стимулирования, консультирования, а также таких средств, как законодательство, институциональные преобразования, ресурсы воспроизводства, для направления региона на достижение существующих социально-экономических целей [\[4, 6\]](#).

Реализация и планирование региональной экономической политики включает в себя комплекс долгосрочных инструментов, направленных на формирование целевого образа будущего территории. В основе формирования мер и инструментов региональной экономической политики лежат *концепции регионального роста*, в каждой из которых свой подход к определению «региона» и путей его развития. Базовая концепция – **неоклассическая теория регионального роста**. В рамках данного подхода регионы рассматриваются как единицы производства, между которыми посредством рынков факторов производства может установиться взаимосвязь и равновесие. Развитие – это последовательно сменяющие друг друга равновесные состояния. Отклонение от равновесия происходит в результате экзогенных шоков. Для возвращения к состоянию равновесия используются механизмы и инструменты свободной конкуренции и межрегиональной мобильность факторов производства, увеличивающих производственный потенциал экономики регионов. К таким факторам относится: количество и качество природных ресурсов, общая численность и квалификация трудовых ресурсов, запасы капитала и уровень технологии [\[7, С. 121-126\]](#).

В рамках **кейнсианской парадигмы регионального роста**^[3] регион представляется как система, обладающая уникальным комплексом пространственных особенностей. Эти особенности являются источником развития^[4]. Например, передовые отрасли, крупные городские агломерации, рынки сбыта и т.д. Каждый такой «источник роста» при этом имеет свой жизненный цикл, поэтому развитие априори не может быть равномерным. Таким образом, в рамках данного подхода региональное развитие – это последовательно сменяющие друг друга неравновесные состояния, а развитие региона происходит за счёт центров роста.

На основе системно-синергетической концепции, выделяющей значимость механизмов внутренней самоорганизации сложных систем в условиях нестабильности среды, сформировались **новые теории территориальной организации производства**. Представители данных теорий считают равновесные системы, препятствующие отклонениям, неспособными к развитию^[5]. Учёные сравнивают регион с корпорацией, развивающейся в условиях рынка. При разработке региональной экономической политики этот подход не берёт во внимание неравномерность развития регионов и не направлен на выравнивание.

В 80-е годы XX века в экономической науке широкое распространение получил институциональный подход, во многом благодаря работам Дугласа Норта. Хотя труды Норта относят к неоинституциональной экономической теории, концепцию региональной теории развития, сформировавшуюся под его влиянием, называют **институциональной**. С позиции неоинституционализма, регион – это минимально необходимая территория, которой могут быть предоставлены полномочия планирования и прогнозирования собственного развития. Формирование эффективных институтов – ключевое направление для достижение устойчивой траектории социально-экономического развития региона. Сторонники этого направления включают в свой анализ неэкономические факторы [6], а единицей рассмотрения является сообщество, то есть целостная, устойчивая в пространстве и времени система взаимосвязанных элементов экономического поведения. Система основных индикаторов развития включает в себя численность элементов, локализованных в пространственных границах, уровень прямых связей между агентами, качество сложившихся взаимосвязей [13] и институционального устройства в целом. Условия и издержки, которые возникают при коллективном согласовании интересов и решений на территории, служат надежным индикатором перспектив институционального развития [26].

Несмотря на то, что эта концепция во многих случаях является наиболее подходящей для планирования и оценки инструментов региональной экономической политики региона, на практике практически не используется. В большинстве документах стратегического планирования на разных уровнях (федеральном, региональном и муниципальном) мало внимания уделено институциональному устройству, хотя многие программы направлены именно на изменение институтов. Индикаторами оценки таких программ развития являются макроэкономические показатели (например, индексы роста ВРП, рост численности населения, рост инвестиций в основной капитал и т.д.) [8], которые не отражают качества реформируемых институтов. Это ограничивает эффективность реализуемых институциональных мер развития и устойчивое экономическое развитие территорий в целом. В таких условиях развитие концепции регионального роста, основанной на неоинституциональной экономической теории, является актуальным направление для анализа и оценки программ институционального развития территорий [5].

Эффективные институциональные инструменты региональной экономической политики: пример приватизации земли

Реализация региональной экономической политики проявляется через применение конкретных инструментов. Под инструментами региональной экономической политики понимаются направленные меры воздействия на экономику субъектов страны. Большое количество научных работ посвящено дилемме о том, какие инструменты региональной экономической политики действительно работают, какие встречают сопротивление либо вовсе не влияют на социально-экономические процессы и как адаптировать инструменты под институциональные особенности разных регионов.

Основные направления инструментов региональной экономической политики включают в себя:

1. Планирование и прогнозирование;
2. Бюджетно-налоговую систему;
- 3 . Регулирующие инструменты (займы, процентные субсидии, налоговые льготы,

субсидии на создание новых рабочих мест, транспортные льготы и субсидии [3, С. 362], безвозвратные ссуды на капитальное строительство, финансовое покрытие расходов, связанных с подготовкой кадров, снижение тарифов на транспорт, электроэнергию и т.д [19, С. 517-519];

4. Институциональные изменения (изменения формальных правил, регулирующих ту или иную область на региональном уровне, например, миграцию [15], приватизацию и т.п.).

В данной статье исследуются условия эффективности последних. За основу анализа взята неоинституциональная теория регионального роста, которая предполагает, что неразвитость институтов является ядром проблем имплементации инструментов регионально экономической политики в слаборазвитых регионах. Согласно нему, **инструменты региональной экономической политики – это механизмы меняющие правила, которые в свою очередь предопределяют стимулы людей к определённым паттернам экономического поведения.** Соответственно оценка эффективности таких инструментов предполагает анализ не только макроэкономических региональных показателей, но и изменений качества реформируемых институтов. Для того чтобы обнаружить, какие барьеры возникают на пути к успешной реализации указанных инструментов и каковы условия их эффективности, необходим анализ реформируемого института. Для наглядности обратимся к опыту реализации в разных странах такого инструмента, как приватизация, и институту собственности, который трансформируется в ходе её реализации. Приватизация активно применяется для развития территорий, особенно периферийных [32]. Экономисты, в свою очередь, пытаются оценить результаты таких реформ [1, 29]. Чаще всего в исследованиях российского случая внимание уделяют приватизации государственных и муниципальных предприятий как основы перехода к рынку и демократическому обществу. Меньше внимания уделено эффективности земельной приватизации, которая в то же время активно применяется на территории всей страны, а в самых удалённых периферийных регионах запущена специальная программа «Гектар на Дальнем Востоке и в Арктике» [7].

Инициаторы программ приватизации ожидают, что легализация собственности, передача земель в частные руки и присвоение титула будут способствовать приросту частных инвестиций в развитие оформленной земли, экономическому росту и сокращению бедности. Приватизация в разных случаях призвана, во-первых, легализовать теневое использование земельного ресурса, во-вторых, гарантировать надежность и защиту для «настройки» стимулов эффективного экономического поведения населения, в-третьих, ввести в оборот неиспользуемые земли, или всё перечисленное одновременно. Приватизацию используют как инструмент региональной экономической политики, создавая особые правила в периферийных регионах.

Однако программы присвоения титула на земли не гарантируют экономический рост территории априори. Исследования экономистов в данной области доказывают, что успех подобных реформ будет зависеть не только от грамотности проводимой политики, но и от этапа развития территории [25], а также локальных институциональных особенностей, в данном случае в большой степени зависящие от изначального распределения и эффективности прав собственности [20, 21, 22]. Большое количество эмпирических работ подтверждают, что трансплантация института частной собственности в каждый конкретный регион/страну малоэффективна без учёта локальных особенностей институциональной среды [8] [30]. Эффекты реализации инструментов региональной экономической политики искажаются, если устанавливаемые правила не согласуются с

остальными институциональными элементами [23, 24, 31]. Как правило, инструменты региональной экономической политики задают только формальные правила (создаются новые федеральные законы, региональные программы развития и т.д.), хотя некоторое воздействие на неформальные правила и культуру тоже осуществляются. Это проявляется в социальной рекламе, пропаганде и разъяснении новых правил, вводимых для улучшения жизни населения, трансляции историй успеха и т.д. Тем не менее воздействие на стимулы экономических агентов осуществляется не напрямую, а через фильтр институциональной среды региона, который помимо обозначенных элементов, включает в себя уровень доверия к власти и уровень транзакционных издержек (Рисунок 1).

Наиболее успешный сценарий обозначенной схемы происходит в случае, если: формальные и неформальные правила поддерживают друг друга, уровень доверия к власти высокий [2] (соответственно реакция на новые правила позитивна), культурные ценности не противоречат нововведениям, транзакционные издержки низкие. Однако, такой вариант развития событий встречается редко, особенно в России, которая является аутсайдером рейтинга стран по качеству институциональной среды согласно докладу Global competitiveness reports [9]. Чаще, когда речь идет об институциональных изменениях, инструменты региональной экономической политики встречаются с несогласованностью или противостоянием формальных и неформальных правил, институциональными ловушками и другими сложностями изменения качества институтов для получения эффектов экономического роста. В такой ситуации региональные программы развития должны дифференцироваться в зависимости от институциональных особенностей территории.

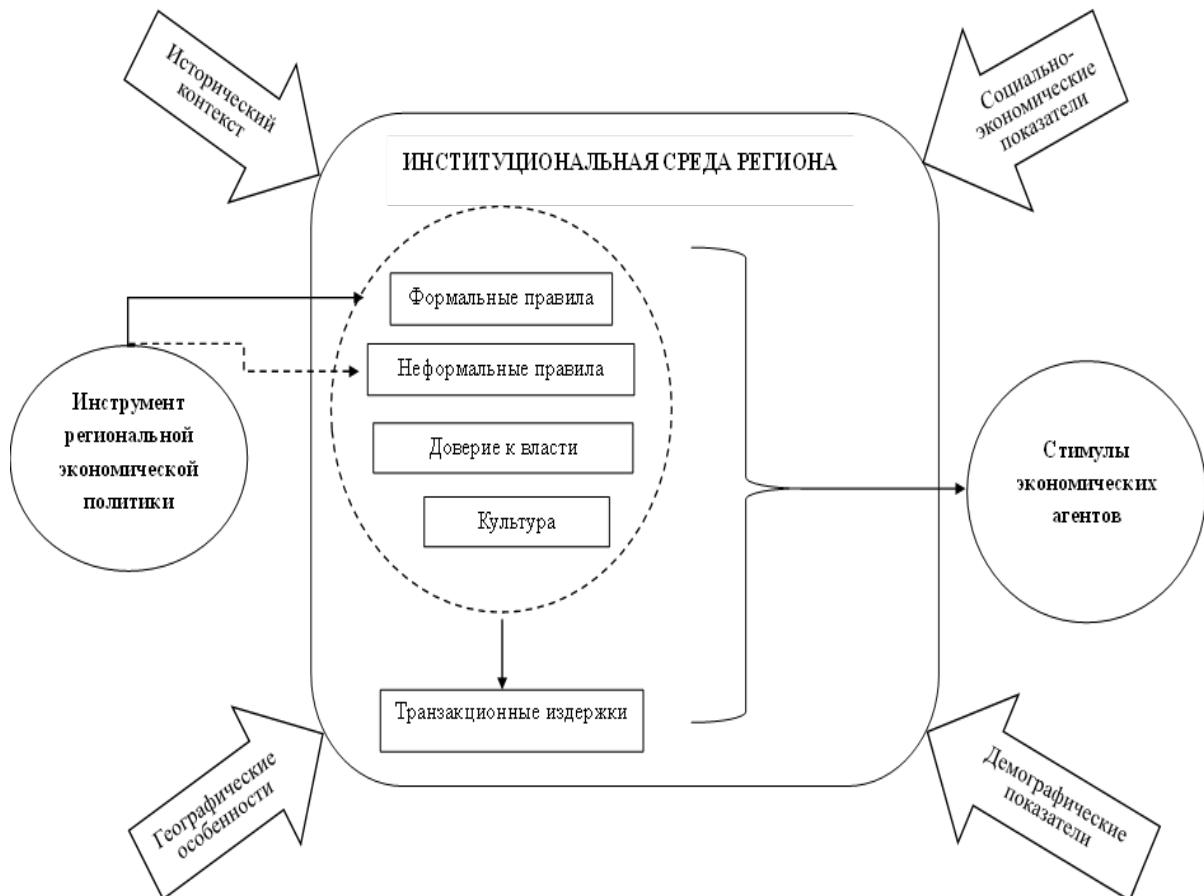

Рисунок 1. Влияние институциональных особенностей региона на реализацию инструментов региональной экономической политики

Таким образом, на основе неоинституциональной теории сформулированы следующие условия эффективности инструментов региональной экономической политики, предполагающих институциональные трансформации:

1 . *Согласованность создаваемых формальных правил с неформальными.* Реакция экономических агентов на изменение формальных правил соответствует ожидаемым инициаторами сценариям в том случае, если у первых есть стимулы им следовать. Например, новые правила приватизации земли будут пользоваться спросом в том случае, если издержки появления легальных частных прав на землю ниже получаемых выгод. Последние зависят от сложившихся практик землепользования. Если отношения собственности *де-факто* в большей мере регулируются неформальными правилами, идущими вразрез или сосуществующими независимо друг от друга с формальными, то программа приватизации не повлияет на стимулы экономических агентов и соответственно не изменит их поведение. В истории есть примеры, когда процесс передачи земли новым собственникам регулировали неформальные посредники, так как государство не имело ресурсов для контроля приватизации^[10].

2 . *Совместимость новых правил с культурными обычаями и нормами.* Влияние культурного контекста на эффективность реализации региональных программ развития в одних случаях не очевидно, в других предопределяет исход запущенных реформ. Яркий пример провала программы развития территории в связи со сложившимися обычаями и культурой описала Э. Остром^{[28][11]}. В отношениях земельной собственности культурные нормы могут закреплять отношения между экономическими агентами эффективнее, чем титул. Например, исходя из культуры и моральных принципов, исторически сложившиеся границы участков между соседями, противоречащие кадастровым картам, могут соблюдаться землепользователями лучше, чем легальные, которые защищает закон^[14].

3 . *Достаточный уровень доверия населения к программам развития региона.* Реакция экономических агентов на новые правила зависит от общего уровня доверия к власти и к инициаторам реализуемых программ развития региона, в частности, а также от стабильности реформируемых институтов. Например, стимулы воспользоваться упрощёнными правилами приватизации зависят от рисков экспроприации собственности со стороны государства, от стабильности налогообложения, от эффективности судебной системы в сфере защиты прав собственности и т.п. Стимулы экономических агентов к инвестированию в оформленную землю зависят от достоверности перспектив развития транспортной доступности, инфраструктуры, от выполнения других декларируемых программ в регионе. Важно отметить, что в данном случае речь идёт о стимулах не только людей, участвующих в программах развития, но также исполнителей (чаще всего исполнителями выступают муниципальные власти)^[12].

Программа «Дальневосточный гектар»^[13]

Дальний Восток как российская периферия с огромными неосвоенными территориями имеет свою специфику. Реализации инструментов региональной экономической политики препятствует слабая и противоречивая правовая система земельных отношений, в которой процесс легализации связан с большими транзакционными издержками. Региональная институциональная специфика, с точки зрения стимулов, направляющих поведение землевладельцев, заключаются, во-первых, в **недоверии к формальным институтам** собственности и процедурам присвоения титула, во-вторых, в сложившейся **захватной ментальности** населения^[18]. Еще одной значимой проблемой для земельных реформ Дальневосточного региона является множество **неточностей**

кадастровой карты[\[14\]](#). Такие институциональные несовершенства делают невозможным механически использовать опыт «цивилизованных стран» для решения локальных проблем Дальнего Востока России и становятся источником возникновения разного рода барьеров на пути к успешной реализации инструментов региональной экономической политики.

Начиная с 2014 года государственные программы развития Дальнего Востока несут в себе ряд институциональных новаций [\[11, с.13\]](#), а именно формирование и развитие территорий опережающего социально-экономического развития с благоприятными условиями для привлечения инвестиций и организационно-правовое обеспечение ускоренного развития ДФО. Однако осуществление реальных преобразований в социально-экономической и институциональной сферах ДФО тормозится ограниченностью экономических ресурсов и не оценённой реакцией экономических региональных систем на постулаты стратегии пространственного развития РФ [\[10\]](#). Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. до 2030 года[\[15\]](#). Программа содержит 3 цели:

- 1 . Повышение уровня социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа;
- 2 . Достижение коэффициента естественного прироста населения 3,4 % к 2030 году и постоянной численности населения – 8,4 млн человек;
- 3 . Реализация планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и планов социально-экономического развития отдельных городов (г. Комсомольск-на-Амуре, г. Свободный Амурской области, городской округ Большой Камень Приморского края).

Для достижения этих показателей создан институт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики». Корпорация реализует меры поддержки бизнеса, привлечения инвесторов в регион, а также участвует в реализации программ, направленных на повышение качества жизни людей на Дальнем Востоке и в Арктике. Последнее включает в себя 5 направлений: программа «Дальневосточный гектар», программа «Дальневосточная ипотека», программа «Дальневосточный квартал», формирование комфортной городской среды, развитие образования[\[16\]](#). Три из пяти программ направлены на улучшение жилищных условий и возникновение прав собственности на недвижимое имущество резидентов Дальнего Востока. Идея этих программ заключается в том, что жильё, земля и широкие возможности её освоения должны стать своего рода якорем, который сдержит отток населения из региона, или даже магнитом, способным притянуть население с других регионов в ДФО. Помимо этого, от приватизации ожидают повышение инвестиционной привлекательности для новых собственников, у которых появляются стимулы к ведению хозяйства на своей земле.

Такие надежды весьма обоснованы с учётом мирового опыта приватизации, способствующей экономическому росту регионов и стран. Однако перечисленные программы не смогли в полной мере решить существующие социально-экономические и демографические проблемы Дальневосточного региона России. Автор предполагает, что барьерами на пути к успешной реализации инструментов региональной экономической политики, направленных на изменение качества институтов, являются установленные

условия эффективности, которые не выполняются в полной мере. Эмпирическая проверка этой гипотезы выполнена на примере программы «Дальневосточный гектар».

Программа была инициирована Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в 2015–2016 гг. как социальная инициатива Правительства России^[17]. Согласно правилам, каждый гражданин РФ может получить в пользование, а затем в собственность до 1 гектара земли на Дальнем Востоке. Условия установлены ФЗ №119 от 1 мая 2016 года^[18], реализация проходит в несколько этапов. С 1 июня 2016 года право взять гектар в своём субъекте получили резиденты pilotных дальневосточных регионов. С октября 2016 года участки стали доступны для всех дальневосточников, а с 1 февраля 2017 года – для всех граждан России. С марта 2019 г. действие программы было расширено на участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. С 1 августа 2019 г. программа стартовала на территории Республики Бурятия и в Забайкальском крае в аналогичном порядке: сначала для местных жителей регионов, далее (с 1 февраля 2020 г.) для всех остальных граждан России. Затем с 1 августа 2020 г. земля в Республике Бурятия и в Забайкальском крае стала доступна также участникам программы по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников.^[19] С 1 августа 2021 программа действует на территории Арктики. Новые поправки дали право жителям арктических регионов получить в безвозмездное пользование земельные участки площадью до 1 гектара, далее с февраля 2022 года землю в Арктике по аналогии могут получить все остальные граждане.

Цель программы – закрепить людей в ДФО, остановить отток населения, привлечь частные инвестиции в регион за счёт перераспределения прав собственности. По программе для освоения доступно более 169 млн гектар земли^[20]. При этом на Дальнем Востоке в собственности людей находится только 1% всей территории региона (Таблица 1). В среднем по России этот показатель составляет 7,8% (из них 6,6% – домохозяйства, 1,2 % – организации)^[21].

Таблица 1. Распределение земель ДФО по формам собственности (на 1 января 2019 года, тыс. га)

Субъекты ДФО	Общая площадь	В собственности граждан	В собственности юридических лиц	В государственной и муниципальной собственности
Дальневосточный ф.о.	695255,5	7109,2	819,7	687326,6
% от всех земель	100%	1,02%	0,12%	98,86%
Республика Бурятия	35133,4	1246,8	70,8	33815,8
	100%	3,55%	0,20%	96,25%
Республика Саха (Якутия)	308352,3	126,3	53,2	308172,8
	100%	0,04%	0,02%	99,94%
Забайкальский край	43189,2	4073,7	106,9	39008,6
	100%	9,43%	0,25%	90,32%
Камчатский край	46427,5	39,8	10,6	46377,1

Субъекты РФ	10127,3	33,3	10,3	10377,4
	100%	0,09%	0,02%	99,89%
Приморский край	16467,3	614,5	250,8	15602
	100%	3,73%	1,52%	94,75%
Хабаровский край	78763,3	55	19,8	78688,5
	100%	0,07%	0,03%	99,91%
Амурская область	36190,8	816,2	294,7	35079,9
	100%	2,26%	0,81%	96,93%
Магаданская область	46246,4	4,5	0,2	46241,7
	100%	0,01%	0,00%	99,99%
Сахалинская область	8710,1	33,1	11,5	8665,5
	100%	0,38%	0,13%	99,49%
Еврейская авт. обл.	3627,1	99,1	1	3527
	100%	2,73%	0,03%	97,24%
Чукотский а.о.	72148,1	0,2	0,2	72147,7
	100%	0,00%	0,00%	100,00%

Источник: Составлено автором на основе «Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2019 (в разрезе субъектов Российской Федерации)» [https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/06-upr/%D0%A4.%202022%20%D0%B7%D0%B0%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20\(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BC%20%D0%A0%D0%A4\).doc](https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/06-upr/%D0%A4.%202022%20%D0%B7%D0%B0%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BC%20%D0%A0%D0%A4).doc)

В ходе реализации программы «Дальневосточный гектар» 85% доступных для приватизации земельных участков находятся в собственности муниципальных властей, 15% – в собственности субъекта РФ, а в федеральной собственности находится менее 1% земель (Таблица 2).

Таблица 2 – Площадь территорий, находящихся в государственной, региональной и муниципальной собственности в субъектах ДФО (на 1 января 2019 года, тыс. га)

Субъекты ДФО	(1) в собственности Российской Федерации	(2) в собственности субъекта Российской Федерации	(1) в муниципальной собственности
Дальневосточный ф.о.	518034,5	11362,1	1327,7
% от (1)+(2)+(3)	97,61%	2,14%	0,25%
Республика Бурятия	29473,1	5,5	265,3
	99,09%	0,02%	0,89%
Республика Саха (Якутия)	253757,8	10306,7	171,6
	96,03%	3,90%	0,06%
Забайкальский край	9463,8	2,5	238,6

	97,52%	0,03%	2,46%
Камчатский край	45397,1	3,5	25,4
	99,94%	0,01%	0,06%
Приморский край	8537,6	106,9	185,5
	96,69%	1,21%	2,10%
Хабаровский край	75162,6	104,8	28,7
	99,82%	0,14%	0,04%
Амурская область	30645,3	796,8	354,6
	96,38%	2,51%	1,12%
Магаданская область	45568,2	2,2	3,7
	99,99%	0,00%	0,01%
Сахалинская область	7427,5	25,4	6,8
	99,57%	0,34%	0,09%
Еврейская авт. обл.	2243,8	2,4	43,2
	98,01%	0,10%	1,89%
Чукотский а.о.	10357,7	5,4	4,3
	99,91%	0,05%	0,04%

Источник: там же.

Таким образом, в процессе приватизации 84% перераспределяемой земли находится в муниципальной собственности. Статистика исходных собственников земельных участков, запрашиваемых для оформления «гектара» в субъектах РДВ, представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение земельных участков, запрашиваемых людьми для оформления «гектара», по типу собственника (с начала реализации программы до мая 2020 года).

Субъект	Всего заявок на «гектар»	Из общего числа запрашиваемых земельных участков в		
		муниципальной собственности	собственности субъекта	федеральной собственности
Республика Бурятия	4292	3925 (91,45%)	6 (0,14%)	361 (8,41%)
Республика Саха (Якутия)	23496	16938 (72,09%)	6532 (27,80%)	26 (0,11%)
Забайкальский край	8030	5729 (71,34%)	2301 (28,66%)	0 (0,00%)
Камчатский край	4749	3525 (74,23%)	1032 (21,73%)	192 (4,04%)
Приморский край	56428	45633 (80,87%)	10792 (19,13%)	3 (0,01%)
Хабаровский край	20074	18851 (93,91%)	1208 (6,02%)	15 (0,07%)
Амурская область	11484	11070 (96,39%)	406 (3,54%)	8 (0,07%)
Магаданская				

<i>Сахалинская область</i>	2321	2141 (92,29%)	179 (7,71%)	0 (0,00%)
<i>Сахалинская область</i>	21757	20795 (95,58%)	962 (4,42%)	0 (0,00%)
<i>Еврейская автономная область</i>	3612	3519 (97,43%)	49 (1,36%)	44 (1,22%)
<i>Чукотская автономная область</i>	771	765 (99,22%)	6 (0,78%)	0 (0,00%)
Итого	157014	132892 (84,64%)	23473 (14,95%)	649 (0,41%)

Источник: составлено автором на основе данных, полученных на основе Дополнительного соглашения № 3 от 19 мая 2020 к соглашению о стратегическом партнёрстве между автономной некоммерческой организацией «Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» и Федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» в области развития человеческого капитала и обеспечения трудовыми ресурсами от 14.09.2018 г., заключенного в 2020 году с целью исследования реализация Федерального закона от 01.05.2016 года №119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Приведённая статистика указывает на то, что особое внимание в ходе управления программой «Дальневосточный гектар» необходимо уделить не только стимулам участников программы, но и стимулам властей муниципальных образований. Местные органы самоуправления не только являются исходными собственниками земли, но также реализуют программу на местах: принимают и согласуют заявления на участие, готовят договоры безвозмездного пользования на землю, сопровождают и контролируют процесс оформления земли в частную собственность при соблюдении всех требований участниками. Фактически от качества сопровождения программы органами муниципальных зависит не только количество выданных «гектаров», но и уровень доверия населения к установленным порядкам приватизации и, как следствие, частные инвестиции в освоение новых земель. В сельских районах влияние муниципальных властей на эффекты программы особенно сильное, так как чиновники лично знакомы с местными жителями и де-факто правами собственности на землю. Установленные отношения собственности поддерживаются не только формальными, но и неформальными правилами. Чиновники в свою очередь стараются предупреждать земельные конфликты среди местного населения и не выдают спорные участки для оформления «гектаров». Муниципальные власти также неохотно расстаются с землёй, находящейся в их собственности и имеющей потенциал, например, для сдачи в аренду. В то же время правила программы «Дальневосточный гектар» созданы и развиваются исключительно в направлении поддержки её участников без внимания к стимулам исполнителей. Определить влияние стимулов органов местного самоуправления на эффективность программы возможно при анализе существующих индикаторов оценки^[22] в разрезе по муниципитетам. Статистика выданных «гектаров» по субъектам ДФО является слишком общей и не позволяет обнаружить причины, тормозящие программу в каждом конкретном муниципальном образовании. Для адекватной оценки программы также необходимо

использовать такие индикаторы эффективности, которые отражают не только количество выданных «гаек» (так как де-юре смена собственника не является достаточным условием притока частных инвестиций и освоения приватизированной земли), но и реальные практики хозяйственной деятельности.

Заключение

Несмотря на темпы роста экономики, превышающие среднероссийские [23], население российского Дальнего Востока неуклонно убывает. Масштабные программы развития создаются, чтобы решить демографическую проблему и создать привлекательные условия жизни на РДВ. Так как региональная экономика периферий в меньшей степени объясняется базовыми рыночными моделями, эффекты реализации таких программ неочевидны и нуждаются в разносторонних исследованиях. Для таких регионов, как РДВ, существует необходимость оценки программ развития в территориальном контексте, даже если речь идёт об инструментах, которые применяются десятки лет по всей стране и даже миру. Применение неоинституционального подхода к анализу инструментов региональной экономической политики, реализуемых на РДВ и направленных на институциональные трансформации, позволяет обнаружить такие закономерности реализации реформ, которые не доступны при стандартной оценке результатов по формальным индикаторам. В частности, в данной работе рассмотрена оценка эффективности приватизации земли, проводимой с целью экономического развития регионов. В статье установлены условия эффективности таких реформ. Для периферийных регионов, где слабо развит институт прав собственности, это, во-первых, согласованность создаваемых формальных правил с неформальными, во-вторых, совместимость новых правил с культурными обычаями и нормами региона, в-третьих, достаточный уровень доверия населения к реализуемых программ.

В ходе эмпирических исследований программы «Дальневосточный гектар» выявлено, что локальные практики землепользования имеют институциональные особенности, которые не позволяют устанавливаемым формальным правилам реализоваться в полной мере. Созданные условия приватизации не учитывают роль и интересы муниципальных органов власти, которые, с одной стороны являются исходными собственниками распределяемой земли, с другой стороны, реализуют программу на местах, ведут непосредственную работу с участниками. Оценка эффективности программы «Дальневосточный гектар», как и других программ развития РДВ, является актуальной и нелинейной задачей для экономистов, требующей не только анализа установленных официальных показателей, но и изучения фактических институциональных изменений.

[1] Например, Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики.

[2] Постановление Правительства РФ от 28.04.1995 N 439 «О Программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики в 1995 - 1997 годах» [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8539/61a15f3765ef8ff37231e62d5e0bd584f7e371ae/#:~:text=Региональная%20экономическая%20политика%20-%20органическая%20часть,государства%2C%20синтезирующая%20ее%20региональные%20аспекты. (дата обращения 19.01.2024).

[3] «Внутри» кейнсианской парадигмы существует множество теорий регионального развития. Например, концепция взаимной обусловленности Г. Мюрдаля, концепция «полюсов роста» Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиля, П. Потье и Х. Р. Ласуэна, модель городской

агломерации Х. Ричардсона, теория «центр-периферия» Дж. Фридмана, модель «диффузии нововведений» Т. Хегерстрранда и П. Хаггета, модель «вулкан» Х. Гирша и другие.

[4] Понятие «экономическое развитие» расширяет понятие «экономический рост». В научной литературе оно появилось к началу 70-х годов. Это понятие не ограничивается традиционными для рыночного хозяйства экономическими факторами роста, но включает в анализ социальную, институциональную и политическую структуру стран [16]

[5] К ним относят, например, теорию промышленных кластеров М. Портера и теорию региональных кластеров М. Энрайта.

[6] К институциональному направлению теорий регионального роста относят: теорию потенциала рынка (Дж. Харрис), модель базового мультипликатора регионального дохода (А. Пред), синтетическая теория агломерации (П. Кругман), модели «ядро-периферия» (Г. Мюрдал, А. Хиршман, А. Гильберт и Дж. Гаглер).

[7] Официальный сайт Программы «Гектар на Дальнем Востоке и в Арктике» [Электронный ресурс]: <https://освойгектар.рф/> (дата обращения: 23.07.2024).

[8] «Титул» в данной статье понимается легальное право собственности, закреплённое государством.

[9] Global Competitiveness Report Special Edition 2020. World Economic Forum. [Электронный ресурс]: <https://www.weforum.org/publications/the-global-competitiveness-report-2020/> С. 45 (дата обращения: 02.06.2024)

[10] Один из таких примеров - клубы претензий (от англ. Claim clubs), называемые также ассоциациями фактических поселенцев или клубами сквоттеров; эти псевдогосударственные образования существовали в XIX веке на американском Западе, действуя в рамках ограниченной местной юрисдикции, стремились регулировать продажу земли в местах, где практически отсутствовал правовой аппарат для разрешения земельных споров [27].

[11] В горной стране Непал существует традиционная система плотин и каналов, позволяющая доставлять воду всем фермерам, в том числе живущим в низовьях. Современная система из бетона оказалась менее эффективна, потому что нарушила существовавшие обычай местного населения.

[12] Подробно о влиянии стимулов муниципалитетов на эффекты реализации программ развития в статье [17].

[13] Изначально в 2016 году программа называлась «Дальневосточный гектар», затем в 2022 году её расширили и на Арктические районы, а название изменилось на «Гектар на Дальнем Востоке и в Арктике».

[14] Неточности кадастровой карты являются источником **ассиметричной информации** и, как следствие, сдерживающим фактором развития института прав собственности, и как следствие экономической активности региона в той же логике, как и транзакционные издержки препятствуют совершению сделок в любой другой области хозяйственных отношений

[\[15\]](#) Государственная программа Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа" [Электронный ресурс]:

<https://minvr.gov.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomiceskoe-razvitiye-dalnevostochnogo/> (дата обращения: 15.11.2023).

[\[16\]](#) О компании АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» [Электронный ресурс]: <https://erdc.ru/about/> (дата обращения: 11.12.2023).

[\[17\]](#) Дальневосточный гектар [Электронный ресурс]: Работа правительства. – 2022. – Официальный сайт правительства России – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/728/events/> (дата обращения: 15.02.2022).

[\[18\]](#) Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам...» от 01.05.2016 № 119-ФЗ (последняя редакция 2016) [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 02.02.2019).

[\[19\]](#) Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).

[\[20\]](#) ФИС «На Дальний Восток». Режим доступа: <https://надальнийвосток.рф/> (дата обращения: 13.08.2024).

[\[21\]](#) Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2021 году. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии [Электронный ресурс]: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovaniyu-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 03.04.2023).

[\[22\]](#) Индикатором реализации программы «Дальневосточный гектар» является количество выданных земельных участков.

[\[23\]](#) Путин: экономика Дальнего Востока растет быстрее среднероссийской [Электронный ресурс]: ТАСС. 2021. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/21770613> (дата обращения: 01.12.2024).

Библиография

1. Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И., Энтов Р.М. Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. – 2017. – № 4. – С. 5-37. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-5-37> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Глушко И. В., Зуева Т. М. Доверие как ресурс изменения социальных практик и институтов современного российского общества // ИСОМ. 2018. № 2-2. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77> (дата обращения: 05.08.2024).
3. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов / А. Г. Гранберг. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. 495 с. URL: [https://archive.org/details/130-177/A.G.Гранберг.%20Основы%20региональной%20экономики.%20Учебник%20для%20вузов.%202-e%20изд/13-19/page/n5\(mode/2up](https://archive.org/details/130-177/A.G.Гранберг.%20Основы%20региональной%20экономики.%20Учебник%20для%20вузов.%202-e%20изд/13-19/page/n5(mode/2up) (дата обращения: 19.12.2024).
4. Кисельников А.А. Субъекты федерации: управление в период реформ / А. А. Кисельников; Отв. ред. В. В. Кулешов; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и орг. пр-ва, Центросоюз Рос. Федерации. Сиб. ун-т потребит. кооп., ГУП "Сиб.

- аналит. центр". – Новосибирск: Сиб. соглашение, 2002. – 258 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000957232> (дата обращения: 01.12.2024)
5. Ковыляев С.А., Скоробогацкий В.В. Неоинституциональный подход к стратегическому социально-экономическому развитию территорий: основные положения и перспективы применения // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4 (37). С. 109–117. URL: <https://econpapers.repec.org/article/rnppmcplt/m21413.htm> (дата обращения: 19.12.2024).
6. Лексин В.Н., Государство и регионы: Теория и практика гос. регулирования терратор. развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов; Рос. фонд правовых реформ, Фонд правовых проблем федерализма и мест. самоуправления. – Москва : УРСС, 1997. – 372 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001786145> (дата обращения: 02.12.2024).
7. Лаженцев В.Н. Пространственная экономика как исследовательская программа (о книге П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко «Очерки по пространственной экономике») // Пространственная экономика. 2015. № 2 С. 180-188. DOI: 10.14530/se.2015.2.180-188. URL: [https://www.semanticscholar.org/paper/Пространственная-экономика-как-исследовательская-\(о-Николаевич/6057f29477d137bdf91c8a5c45f3e29c208874af](https://www.semanticscholar.org/paper/Пространственная-экономика-как-исследовательская-(о-Николаевич/6057f29477d137bdf91c8a5c45f3e29c208874af) (дата обращения: 19.12.2024).
8. Латкин А. П., Макиевская Ю.Ю. Государственные программы развития дальнего востока: оценка их реализации // Территория новых возможностей. 2022. № 2. URL: DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077> (дата обращения: 20.05.2024).
9. Минакир, П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа [Текст] / А.П. Минакир// Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. № 1. – С. 7-17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017. URL: <http://spatial-economics.com/en/> (дата обращения: 19.12.2024).
10. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир; отв. ред. А.Г. Гранберг; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – 848 с. URL: <http://ecrin.ru/publications/books/138-6/2006-opisanie-knig/945-minakir-p-a-2006> (дата обращения: 19.12.2024).
11. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 208 с. URL: <http://ecrin.ru/publications/books-2021/1553> (дата обращения: 19.12.2024).
12. Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Унтура Г.А. и др./ под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 520 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004720587> (дата обращения: 19.12.2024).
13. Рензин, О. М. Институциональные парадигмы и региональные исследования // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Институциональные-парадигмы-и-региональные-Маркович/85e009a4c4b1da79efef644baf495460a7642c14> (дата обращения: 04.06.2024).
14. Рыжова Н. П., Журавская Т. Н. Идея о частной собственности и "реальные" захваты земли // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. №1 (52). URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-1/_2020_1_31-40.pdf (дата обращения: 13.12.2024).
15. Тамбовцев, В. Л. Институциональные изменения в экономике российских регионов [Электронный ресурс]. Коллективная монография / под ред. В.Л. Тамбовцева. – Москва: ТЕИС, 2013. – 236 с. – ISBN 978-5-7218-1329-0. – Текст : электронный. URL: <https://znaniум.com/catalog/product/534175> (дата обращения: 01.06.2024).

16. Тодаро М.Н. Экономическое развитие. Учебник. М., МГУ, 1997. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001772225> (дата обращения: 01.06.2024).
17. Феоктистова, К. И., Журавская, Т. Н. (2023). Как работает программа «Дальневосточный гектар»: влияние стимулов исполнителей. Экономика региона, 19(4), 1033-1047. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-7>.
18. Феоктистова К.И. Приватизация «Дальневосточных гектаров»: почему (не) осваивать? // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 3. С. 32–48.
<http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.3.32> (дата обращения: 10.12.2024).
19. Яровой, Г. О. Европейский союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС / Г. О. Яровой, Е. В. Белокурова. – СПб. : Норма, 2012. – 367 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/272495346_Evropejskij_Souz_dla_regionov_cto_mozno_i_nuzno_znat_rossijskim_regionam_o_ES (дата обращения: 10.11.2024).
20. Alston, L. J., Harris, E., & Mueller, B. (2012). The Development of Property Rights on Frontiers: Endowments, Norms, and Politics. The Journal of Economic History, 72(3), 741–770. URL: <http://www.jstor.org/stable/23254942> (Р. 742) (дата обращения: 02.03.2024).
21. Alston, L. Property Rights and the State / L. Alston, B. Mueller // Handbook of New Institutional Economics, 2005. pp. 573–591. URL: https://doi.org/10.1007/0-387-25092-1_23 (дата обращения: 25.04.2024).
22. Alston, L. Towards a More Evolutionary Theory of Property Rights / L. Alston, B. Mueller // Iowa Law Review. December 20, 2015. – Vol. 100, No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3091290> (дата обращения: 02.04.2024).
23. Brakatz, J. Cites for all: Recent experience with neighborhood updating programs / J. Brakatz, M. Greene, E. Rojas, Inter-American Development Bank, 2002. – 135 p. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Cities-for-All-Recent-Experiences-with-Neighborhood-Upgrading-Programs.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
24. Cantuarias, F. 2000. Peru's Urban Land Titling Program / F. Cantuarias // Scaling Up Poverty Reduction: A Global Learning Process and Conference. – 2000. URL: http://web.worldbank.org/archive/website00819C/WEB/PDF/PERU_LAN.PDF (дата обращения: 29.11.2024).
25. Dye A., La Croix, S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810–1850: A Puzzle. The Journal of Economic History, 2013. URL: <https://www.jstor.org/stable/24551007> (дата обращения: 26.01.2024).
26. Marschak J., Radner R. Economic Theory of Teams. New Haven. – London: Yale University Press, 1972. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/recherches-economiques-de-louvain-louvain-economic-review/article/abs/j-marschak-and-r-radner-economic-theory-of-teams-cowles-foundation-for-research-in-economics-monograph-22-new-haven-and-london-yale-university-press-1972-x-p-345-p-695/3D3663D61A762CFBE61031C346AC0C30> (дата обращения: 30.11.2024).
27. Murtazashvili, I. The Political Economy of the American Frontier (Political Economy of Institutions and Decisions) / I. Murtazashvili. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 304 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/political-economy-of-the-american-frontier/claim-clubs-and-local-politics/9B4ED1CE29A3D50289D1F0017BA71158> (дата обращения: 30.11.2024).
28. Ostrom E., et al. Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges // Science 284, 278 (1999). URL: https://www.academia.edu/105502585/Revisiting_the_Commons_Local_Lessons_Global_Challenges (дата обращения: 30.11.2024).
29. Ozsoy, O., Yavilioğlu, C. (2007). Assessment of Privatization in Turkey. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.1112988. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1112988 (дата обращения: 18.12.2024).

30. Soto, H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else / H. Soto. – Basic Books, New York, 2000. – 288 p. URL: https://www.academia.edu/8410326/The_Mystery_of_Capital_Why_Capitalism_Triumphs_in_the_West_and_Fails_Everywhere_Else_by_Hernando_De_Soto (дата обращения: 30.11.2024).
31. Panaritis, E. Prosperity Unbound: Building Property Markets With Trust / E. Panaritis. – Palgrave Macmillan, 2007. – 182 p. URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9780230596221> (дата обращения: 18.12.2024).
32. Pi J. C., Zhang P. Q. Privatization and wage inequality in developing countries // International Review of Economics & Finance. – 2018. – Т. 58. – С. 594–603. URL: https://econpapers.repec.org/article/eeerevco/v_3a58_3ay_3a2018_3ai_3ac_3ap_3a594-603.htm (дата обращения: 18.12.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов.

Методология исследования базируется на обобщении научных публикаций по рассматриваемой проблеме и изучении практики реализации экономической политики в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), анализе статистических данных о ходе реализации программы «Дальневосточный гектар».

Актуальность работы авторы связывают с тем, что развитие периферийных регионов является одной из приоритетных задач государственной политики России, и для стимулирования экономического роста Дальнего Востока особого внимания требуют инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов.

Авторами установлены условия эффективности проводимых реформ землепользования для периферийных регионов, где слабо развит институт прав собственности: 1) согласованность создаваемых формальных правил с неформальными; 2) совместимость новых правил с культурными обычаями и нормами региона; 3) достаточный уровень доверия населения к реализуемым программам. Эти положения можно рассматривать как научную новизну исследования.

Текст публикации структурирован с выделением в нем следующих разделов: введение, Теоретические концепции регионального роста, Эффективные институциональные инструменты региональной экономической политики: пример приватизации земли, Программа «Дальневосточный гектар», Заключение и Библиография.

В публикации рассмотрено понятие региональной экономической политики и концепции регионального роста; к инструментам региональной экономической политики отнесены: планирование и прогнозирование; бюджетно-налоговая система; регулирующие инструменты (займы, процентные субсидии, налоговые льготы, субсидии на создание новых рабочих мест, транспортные льготы и субсидии, безвозвратные ссуды на капитальное строительство, финансовое покрытие расходов, связанных с подготовкой кадров, снижение тарифов на транспорт, электроэнергию и т.д.); институциональные изменения. В статье приведена схема влияния институциональных особенностей региона на реализацию инструментов региональной экономической политики; показано распределение земель ДФО по формам собственности, отражена площадь территорий, находящихся в государственной, региональной и муниципальной собственности в

субъектах ДФО; распределение земельных участков, запрашиваемых людьми для оформления «Дальневосточного гектара», по типу собственника. В ходе исследования выявлено, что локальные практики землепользования имеют институциональные особенности, которые не позволяют устанавливаемым формальным правилам реализоваться в полной мере, а созданные условия приватизации не учитывают роль и интересы муниципальных органов власти.

Библиографический список включает 32 источника – публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков публикации, требующих своего устранения, стоит отметить встречающиеся несогласованные словосочетания, например, «уровень доверия населения к реализуемых программ».

Реценziруемая работа соответствует направлению журнала «Теоретическая и прикладная экономика», отражает результаты проведенного авторского исследования, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Англоязычные метаданные

Strategic planning as an element of management of the development of the pension system of the Russian Federation

Kovalev Vladislav Alekseevich

Student; Chair of Public Finance; Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

✉ kovalevdocs@mail.ru

Abstract. The object of the study is the pension system of the Russian Federation, the subject is the long-term strategic planning for the development of the national pension system. The purpose of the research is to develop proposals for improving the strategic planning of the development of the pension system of the Russian Federation. Special attention is paid to the structure and key provisions of the Strategy for the Long-term Development of the Pension System of the Russian Federation until 2030 (the "Strategy"), the possibility of assessing its implementation, the comparability of the parameters of the functioning of the Russian pension system and data from the long-term budget forecast and forecasts of socio-economic development of the Russian Federation, the interconnection of the goals and objectives of the Strategy and national development goals of the Russian Federation, which makes it possible to develop and implement a comprehensive and coordinated state policy in the field of pension provision for the population. The author considers the expediency of maintaining the current high-level goals of the Strategy in the context of modern socio-economic parameters and trends in the functioning of the Russian economy. The author proceeds to systematization and comparison of the provisions of normative legal acts that are strategic planning documents, modeling of the volume of pension rights, coefficient, graphical, comparative, vertical and horizontal analysis of pension provision indicators. In the course of the study, it was found that the strategy is being implemented in conditions of imperfection of strategic planning documents in terms of pension provision, characterized by low reliability of forecasts, outdated terminology and weak alignment of medium- and long-term planning documents in terms of goal setting, forecasting and programming, weak alignment with the national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036 the year, the lack of program-oriented cost management in the compulsory pension insurance system. The strategy does not contain unambiguously interpreted indicators of its implementation, does not take into account a significant change in the macroeconomic situation, the transition to a point pension formula, does not contain an assessment of the risks of its implementation, and indicators of the implementation of many of its tasks are not disclosed in other types of strategic documents. We have proposed a number of principles for developing a long-term plan for the development of the pension system, including risk assessment, internal stabilizers and a phased breakdown of the values of indicators of its implementation, as well as defined guidelines for its long-term development, including limiting the growth of the share of the budget mechanism in the national pension system.

Keywords: budget forecasting, insurance contributions, social pensions, national development goals, government programs, strategic planning, mandatory pension insurance, pension provision, pension system, pension rights

References (transliterated)

1. Dokumenty strategicheskogo planirovaniya. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya informatsionnaya sistema «Upravlenie». – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://gasu.gov.ru/statdocuments> (data obrashcheniya: 25.08.2024).
2. Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (data obrashcheniya: 12.08.2024).
3. Otchet o vypolnenii kontrol'nykh sobytii gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii po itogam I kvartala 2018 goda. Ministerstvo ekonomiceskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/5f6033ee79c2ba40bee5b6f53fa93142/12018.pdf> (data obrashcheniya: 11.08.2024).
4. Svodnyi godovoi doklad o khode realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii po itogam 2016 goda. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/i0d1XvJka1R0C7eEgp2p5nHHbnHyVH8.pdf> (data obrashcheniya: 26.08.2024).
5. Gosudarstvennaya programma razvitiya pensionnoi sistemy dolzhna byt' prinyata do kontsa goda. TASS. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/712157/amp> (data obrashcheniya: 29.08.2024).
6. Ofitsial'naya statistika. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics> (data obrashcheniya: 28.08.2024).
7. Ispolnenie byudzhetov. Federal'noe kaznacheistvo. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/> (data obrashcheniya: 04.08.2024).
8. Otchet ob ispolnenii federal'nogo byudzheta za otchetnyi finansovyi god. Ediniy portal byudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii «Elektronnyi byudzhet». – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://budget.gov.ru/Byudzhet/Zakon-o-byudzhete/Otchety-ob-ispolnenii-byudzhetov> (data obrashcheniya: 24.08.2024).
9. Balynin I.V. O dostizhenii tselei Strategii dolgosrochnogo razvitiya pensionnoi sistemy // Finansy. – 2022. – № 11. – S. 51-58.
10. Balynin I. V. Osobennosti postroeniya pensionnykh sistem stran byvshego SSSR // Biznes. Obrazovanie. Pravo. – 2017. – № 2(39). – S. 195-199.
11. Dorofeev M.L. Preodolenie bednosti pensionerov i povyshenie urovnya pensionnogo obespecheniya v Rossii v usloviyakh strukturnoi transformatsii rossiiskoi ekonomiki // Ekonomika. Informatika. – 2022. – № 49(4). – S. 767-781.
12. Balynin I.V. Obespechenie dostizheniya tselei Strategii dolgosrochnogo razvitiya pensionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda na osnove realizatsii avtorskikh predlozenii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2023. – № 2. – C. 5-16.
13. Aggregate replacement ratio. Eurostat. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/7d467608-9efd-4a7e-aeb4-9f6b57ba3c10?lang=en> (data obrashcheniya: 07.08.2024).
14. Net pension replacements rates. OECD. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://data.oecd.org/pension/net-pension-replacement-rates.htm> (data obrashcheniya: 18.03.2024).
15. Abramov A.E., Chernova M.I. Kak sdelat' NPF ponyatnymi // Vestnik NAUFOR. – 2019. – № 11. – S. 41-57.

16. Koeffitsient demograficheskoi nagruzki. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_4.xls (data obrashcheniya: 03.08.2024).
17. Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm>. (data obrashcheniya: 10.08.2024).
18. Khol'tsman R., Khints R. Obespechennaya starost' v XXI veke // Pensionnye sistemy i reformy v mezhdunarodnoi perspektive. MBRR. – 2005.
19. Raspredelenie maloimushchego naseleniya po osnovnym gruppam. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tabc%202024.xlsx> (data obrashcheniya: 17.08.2024).
20. Zaklyuchenie Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii na proekt federal'nogo zakona № 448555-8 «O byudzhete Fonda pensionnogo i sotsial'nogo strakhovaniya Rossiiskoi Federatsii na 2024 god i na planovyi period 2025 i 2026 godov». Schetnaya palata Rossiiskoi Federatsii. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/project-2024/SFR-pr-2024-2026.docx> (data obrashcheniya: 04.08.2024).
21. Hinrichs K., Jessoula M. Labour market flexibility and pension reforms: Flexible today, secure tomorrow? // Springer. – 2012.
22. Starshee pokolenie. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (data obrashcheniya: 20.08.2024).
23. Westerhout E. et al. Should we revive PAYG? On the optimal pension system in view of current economic trends // European Economic Review. – 2022. – T. 148. – S. 104227.
24. Marcinkiewicz E. Voluntary Pensions Development and the Adequacy of the Mandatory Pension System: Is There a Trade-Off? // Social Indicators Research. – 2019. – T. 143. – № 2. – S. 609-636.
25. Romp W., Beetsma R. Sustainability of pension systems with voluntary participation // Insurance: Mathematics and Economics. – 2020. – T. 93. – S. 125-140.
26. Khmelevskaya S.A., Esaulkova T.S. V poiskakh novoi konfiguratsii rossiiskoi pensionnoi sistemy: reformirovaniye instituta nakopitel'noi pensii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2021. – № 4. – S. 36-64.
27. Balynin I.V. Faktory razvitiya negosudarstvennogo sotsial'nogo obespecheniya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2023. – № 3. – S. 12-15.
28. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators. OECD. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2019_b6d3dcfc-en (data obrashcheniya: 04.08.2024)

Macro-regions in the Russian system of territorial administration: problems and prospects

Chief Researcher; Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Ave., Moscow, 125468, Russia

✉ lavrikova.ug@uiec.ru

Suvorova Arina Valer'evna

PhD in Economics

Senior Researcher; Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Ave., Moscow, 125468, Russia, -

✉ suvorova.av@uiec.ru

Abstract. The object of the study is the macroregion as one of the elements of the territorial management system, and its purpose is to identify the limitations and prospects for use in modern conditions of the zoning policy. Special attention is paid to determining the prerequisites for the successful implementation of this type of policy, carried out through the prism of an analysis of both Soviet and modern approaches to the allocation of macro-regions in the country's space. An important place in the conducted research is also occupied by the identification of a number of conceptual provisions that ensure the effectiveness of the implemented zoning policy, which makes it possible to use the results of the work carried out in the activities of authorities at various levels, which form and implement a system of measures aimed at ensuring the spatial development of the country and its individual territorial units. The theoretical and methodological basis of the study is a set of scientific ideas in the field of regional economics and public administration, and its methodological base includes methods of synthesis and scientific abstraction. As a result of the conducted research, a method of express analysis of the implemented zoning policy is proposed, based on the characteristics of the triad of components of its success: target setting, criteria, mechanisms for achieving goals. It is shown that in Soviet practice, all the elements of this triad can be considered clearly defined and interrelated with each other; in the case of federal districts, the triad is transformed: one of its elements falls out of the system, which, nevertheless, does not significantly affect the resulting effect. The analysis of the approach to the allocation of macroregions proposed in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation is carried out, which allows us to conclude that each element of the triad "goal – criteria – mechanisms" of the emergence of macroregions can be seriously criticized, which causes the lack of influence of this process on the situation in the country. The possibility of using a project approach to the formation and development of macroregions in modern rapidly changing conditions, involving their consideration as temporary associations, the rules of functioning of which are subordinated to the achievement of a specific and ambitious goal, is substantiated. A number of conceptual provisions are characterized that ensure the success of the implemented zoning policy and are based on the need to pay attention to each element of the proposed triad.

Keywords: network structure, administrative-territorial division, project approach, inter-territorial interaction, federal district, territorial administration, spatial development policy, territorial development, zoning, macroregion

References (transliterated)

1. Lavrikova, Yu. G., Suvorova, A. V. Neodnorodnost' ekonomicheskogo razvitiya

- rossiiskikh makroregionov // Ekonomika regiona. 2023. T. 19. № 4. S. 934-948. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-1
2. Suvorova A.V. Formirovanie makroregionov kak instrument sokrashcheniya vnutriterritorial'nykh disproportsii: opyt Ural'skogo federal'nogo okruga // Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. 2021. № 4. S. 1-14. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.4.36766 URL: https://e-notabene.ru/etc/article_36766.html
 3. Rodoman B. B. Raionirovanie kak obladanie prostranstvom // Regional'nye issledovaniya. 2017. № 3(57). S. 4-12.
 4. Balina T. A., Nikolaev R. S., Osorgin K. S., Ponomareva Z. S., Stolbov V. A., Chekmeneva L. Yu. Evolyutsiya nauchnykh podkhodov k raionirovaniyu Permskogo kraja: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty // Geograficheskii vestnik. 2021. № 3(58). S. 45-62. DOI: 10.17072/2079-7877-2021-3-45-62
 5. Shuvalov V. E. Raionirovanie v rossiiskoi sotsial'no-ekonomiceskoi geografii: sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya // Regional'nye issledovaniya. 2015. № 3(49). S. 19-29.
 6. Dubrovskii A. V. Perspektivnoe raionirovanie territorii dlya tseli ratsional'nogo ispol'zovaniya v khozyaistvennoi deyatel'nosti // Interekspo Geo-Sibir'. XII Mezhdunarodnyi nauchnyi kongress: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Ekonomicheskoe razvitiye Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodopol'zovaniya, zemleustroistvo, lesoustroistvo, upravlenie nedvizhimost'yu». T. 2. Novosibirsk: SGUGiT, 2016. S. 34-39.
 7. Baklanov P. Ya. Novye faktory i predposylki ekonomiceskogo raionirovaniya Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 2024. T. 79. № 12. S. 5-18. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.1
 8. Izyumova O. N., Berger Yu. A. Istoricheskii aspekt ekonomiceskogo raionirovaniya Rossii // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomiceskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava). 2015. T. 6. № 3. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).36
 9. Bakina E. O., Semina I. A. Ekonomicheskoe raionirovanie sovetskogo perioda: vzglyad geografa // Nauchnoe obozrenie: elektronnyi zhurnal. 2020. № 3. – URL: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2020/08/ID258.pdf>
 10. Baranskii N. N. Ekonomicheskaya geografiya Sovetskogo Soyuza. Obzor po oblastyam Gosplana. Moskva – Leningrad: Gos. izd., 1926. 294 s.
 11. Kolosovskii N. N. Teoriya ekonomiceskogo raionirovaniya. Moskva: Mysl', 1969. 336 s.
 12. Saushkin Yu. G. Ob izuchenii sistemy gorodov Sovetskogo Soyuza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 1960. № 1. S. 23-30.
 13. Alampiev P. M. Ekonomicheskoe raionirovanie SSSR. Moskva: Ekonomiceskaya literatura, 1963. 248 s.
 14. Dolgalev O. V. Federal'nye okruga: pravovaya priroda, problemy i perspektivy // Biznes v zakone. 2010. № 3. S. 17-19.
 15. Blanutsa V. I. Makroregiony v strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: verifikatsiya granits po perspektivnym ekonomiceskim spetsializatsiyam // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2020. T. 22. № 3. S. 30-41. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.3.3
 16. Minakir P. A., Isaev A. G., Demyanenko A. N., Prokapalo O. M. Economic macroregions: An integration phenomenon or political-geographical expediency? The case of the Far East // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Iss. 3. Pp. 327-343. DOI: 10.1134/S2079970520030107

17. Kryukov V. A., Seliverstov V. E. Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuzii // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2022. № 5. S. 22-40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40
18. Theil H. Economics and Information Theory. North-Holland, 1967. 488 p.
19. Cao P., Tao, H. Sustainable development in Gansu Province: Theil index and cluster analysis // Sustainability. 2024. Vol. 16. 4518. DOI: 10.3390/su16114518
20. Vlasyuk L.I., Novikov A.P. Strategicheskie vozmozhnosti perekhoda k tsifrovym tekhnologiyam v regionakh Rossii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2024. № 3. S. 106-117.
21. Hall M., Tideman N. Measures of concentration // Journal of the American Statistical Association. 1967. Vol. 62. Pp. 162-168.
22. Kostyaev A.I. Rural areas of Russia's North-West borderland: problems and development paths // Baltic Region. 2019. Vol. 11. Iss. 4. Pp. 93-113. DOI: 10.5922/2078-8555-2019-4-6
23. Adamov E.V. Issledovanie neodnorodnosti sotsial'no-ekonomiceskogo prostranstva Rossii na urovne makroregionov // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. 2024. № 2(47). S. 10-19. DOI: 10.22394/2304-3385-2024-2-10-19
24. Shatalova O.M. Differentsiatsiya ekonomiceskogo prostranstva RF: strukturnyi analiz na urovne makroregionov // Vestnik YuUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment». 2022. T. 16. № 2. S. 55-63. DOI: 10.14529/em220205
25. Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii kak rezul'tat vzaimodeistviya nauki i vlasti // Region: ekonomika i sotsiologiya. 2021. № 4(112). S. 3-26. DOI: 10.15372/REG2021040

Human potential in the system of indicators of the national wealth of the country in the context of the transformation of the socio-economic system

Chikhireva Natalia Viktorovna

applicant; Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

✉ 4mrsrnv@gmail.com

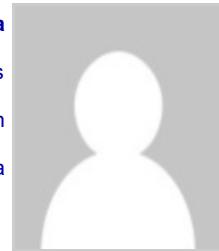
Alpidovskaya Marina Leonidovna

Doctor of Economics

Professor; Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

✉ morskaya67@bk.ru

Abstract. The subject of this article is human potential, which is considered in the system of indicators of national wealth of the country in the context of transformation of the socio-economic system. The role of human potential in the system of indicators of national wealth is especially important in the context of transformation of the socio-economic system. The development of human potential contributes to the diversification of the economy, allowing the country to move from traditional industries to new, high-tech sectors. Human potential

plays an important role in achieving sustainable development goals, since it contributes to a more rational use of resources and a more equitable distribution of benefits. The purpose of the work is to substantiate the role of human potential in the system of indicators of national wealth of the country in the context of transformation of the socio-economic system. The research methodology is based on the generalization of information on the topic under consideration from domestic and foreign sources of information. Using the comparative-descriptive method of research, the categories of "human capital", "human potential", "labor resources" were analyzed. The scientific novelty lies in the fact that human potential is considered as a phenomenon in the space-time continuum, which creates a fundamental opportunity for the accumulation of national wealth of the country in the context of changes in the socio-economic system. The article substantiates the fundamental role of human potential in the accumulation and increase of national wealth of the country, in the perspective of investments in human capital through qualifications and education, professional training, forming sustainable development and adaptability to changes in the economic environment.

Keywords: measurements of human potential, national wealth indicator, the role of human potential, system of indicators, components of human potential, the theory of national wealth, national wealth, human resources, human potential, human

References (transliterated)

1. Steblyakova, L.P. Transformatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika: avtoref. d-ra ekon. nauk. M., 2010.
2. Zubenko, S.A. Sushchnost' transformatsii sotsial'no-ekonomiceskoi sistemy regiona // Vestnik GTU. 2008. № 12 (68). S. 495-499.
3. Roskongress sopostavil budushchii kadrovyy golod v mire s naseleniem Germanii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://ria.ru/20231206/kadrovy_golod-1914006353.html (data obrashcheniya 16.10.2024)
4. Nesterov, L.I. Novye veyaniya v statistike natsional'nogo bogatstva Rossii // Voprosy statistiki. 2020. № 10. S. 15-21.
5. Eksperty otsenili ubyl' rabochei sily v Rossii k kontsu desyatiletija. Starenie naseleniya mozhet obkhodit'sya ekonomike v 1-1,5% VVP v god [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/economics/01/06/2022/6294c6b89a7947c8beb41030>
6. Migratsionnaya statistika Rossii [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/>
7. Kapkaev, Yu.Sh., Isaeva, A.S. Leshinina, V.V. Analiz kachestva chelovecheskogo kapitala v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki // Vestnik ChelGU. 2019. № 3 (425). S. 90-95.
8. Al'pidovskaya, M.L. «Poslednii kapitalizm»: asimptoticheskoe priblizhenie k predelam // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2024. № 1(37). S. 182-195.
9. Mir, naselenie. Perspektivy [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.un.org/en/development/desa/population/index.asp> (data obrashcheniya 04.08.2024)
10. Osobennosti vospriyvoda natsional'nogo bogatstva v nachale XXI veka / Otv. red. L.I. Nesterov. – M.: Nauka, 2006.
11. K 2030 godu vyrastet spros na bazovye tsifrovye navyki i liderskie kachestva [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/pulse/trendy/36904/> (data obrashcheniya 16.10.2024)
12. Kakie rabotniki budut nuzhny v 2030 godu i u kogo sil'nee vsego rastut zarplaty

- [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kp.ru/daily/27589/4861128/> (data obrashcheniya 16.10.2024)
13. Doloi rabstvo. Gibkie usloviya raboty prinesut trilliony mirovoi ekonomike [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/biznes/368265-doloy-rabstvogibkie-usloviya-raboty-prinesut-trilliony-mirovoy-ekonomike> (data obrashcheniya 16.10.2024)
 14. Osadchaya, T.G., Smolina, E.E. Natsional'noe bogatstvo v Rossii: kak upravlyat' effektivno: monografiya. Tambov, 2005.
 15. Pal'chuk, M.I. Razvitie chelovecheskikh resursov – glavnyi faktor potentsiala strany // Nauka, tekhnika i obrazovanie. 2016. № 12 (30). S. 56-60.
 16. Prishlyak, E.A., Rad'ko, S.G. Issledovanie faktorov, vliyayushchikh na formirovanie chelovecheskogo kapitala v Rossiiskoi Federatsii // Upravlencheskie nauki. 2018. № 2. S. 101-105.
 17. Forrester, S.V., Verevkina, D.S. Kapital zdorov'ya kak sostavlyayushchaya chelovecheskogo kapitala v sovremennykh usloviyakh // Vestnik evraziiskoi nauki. 2016. № 6 (37). S. 65-68.
 18. Charochkina, E.Yu., Kashirtseva, A.Yu. Formirovanie chelovecheskogo kapitala v usloviyakh globalizatsii mirovoi ekonomiki // Innovatsii i investitsii. 2014. № 4. S. 67-70.
 19. Chikhireva, N.V., Al'pidovskaya M.L. Reproduktsiya prirodnykh resursov v sostave natsional'nogo bogatstva v usloviyakh sovremennoi sistemnoi transformatsii // Teoreticheskaya ekonomika. 2022. № 12 (96). S. 23-31.
 20. Chikhireva, N.V. Izmeneniya v sostave natsional'nogo bogatstva v usloviyakh transformatsii sotsial'no – ekonomiceskoi sistemy // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2022. № 2 (30). S. 124-132.
 21. Toffler, A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. NY: Bantam books, 2020.
 22. Toffler, A. The Adaptive Corporation. Bantam books, 1985.
 23. Toffler, A. The Third Wave. Bantam Books, 1980.

Operationalization of the theory of forecasting default: a conceptual model

Makarov Il'ya Mihailovich

Master's Degree; Department of Economics and Finance; Moscow University of Finance and Law
Lawyer; KA 'ExEdge'

115172, Russia, Moscow, Bolshye Kamenshchiki str., 2

 ilya_mac@mail.ru

Abstract. The subject of the study is models that assess the risk of a company's default and, conversely, its financial health. The article forms a clear conceptual understanding of the phenomenon of "default", which causes financial difficulties for the company: how they begin, develop and escalate to analyze and predict the borrower's future poor performance and assess the possibility (risk) of his inability to meet his obligations on time. The main objective of the study is to develop a model for quantifying the probability of default within a consistent probabilistic framework (Bayes model), where the factors of idiosyncratic risk — assessed using soft information and human skills — are fundamental to understanding. The financial health of a company depends on maintaining a balance between its demand for credit and supply in the credit market. The main contribution of this research is to develop a

theory of the financial health of a company based on maintaining equilibrium in financial systems characterized by the long-term effect of manipulating expectations in dynamic agency settings with training and uncertainty, as well as with interdependent remuneration systems of principals and agents. Within the framework of an agreed probabilistic structure — the Bayesian interpretation — the second contribution is the development of a model capable of calculating the probability of default and setting ranges of equilibrium interest rates, within which the contractual powers and competitive forces of operators find common ground depending on the predictable performance of the company (variability of cash flow factors), changes in its financial structure (leverage intensity, the structure of debt repayment periods) and predictable trends in credit supply conditions (rate curves, competition, availability of information, analytical tools, etc.)

Credit risk measurement tools and the operators who use them must take a step back in order to move forward, mastering the technical aspects of fundamental analysis over and over again.

Keywords: cash flow, financial equilibrium, financial structure, Bayesian model, probability of default, idiosyncratic risk, conceptual model, financial health, default, interest rate

References (transliterated)

1. Abinzano I., Martinez B., Poletti-Hughes J. Women in power with power: The influence of meaningful board representation on default risk // International Review of Financial Analysis. – 2023. – No 89. – C. 102771.
2. Becker B., Ivashina V. Cyclicalty of credit supply: Firm level evidence // Journal of Monetary Economics. – 2014. – No 62. – C. 76–93.
3. Bouteille S., Coogan-Pushner D. The handbook of credit risk management: originating, assessing, and managing credit exposures. – John Wiley & Sons, 2021.
4. Brown J. R., Gustafson M. T., Ivanov I. T. Weathering cash flow shocks // The Journal of Finance. –2021. – Vol. 76. – No 4. – Pp. 1731–1772.
5. Burden R. L., Faires J. D., Burden A. M. Numerical analysis. – Cengage learning, 2015.
6. Chodorow-Reich G., Falato A. The loan covenant channel: How bank health transmits to the real economy // The Journal of Finance. – 2022. – Vol. 77. – No 1. – Pp. 85–128.
7. DeMarzo P. M., He Z. Leverage dynamics without commitment // The Journal of Finance. – 2021. – Vol. 76. – No 3. – Pp. 1195–1250.
8. Gatev E., Strahan P. E. Banks' advantage in hedging liquidity risk: Theory and evidence from the commercial paper market // The Journal of Finance. – 2006. – Vol. 61. – No 2. – Pp. 867–892.
9. Gredil O. R., Kapadia N., Lee J. H. On the information content of credit ratings and market-based measures of default risk // Journal of Financial Economics. – 2022. – Vol. 146. – No 1. – Pp. 172–204.
10. He Z., Wei B., Yu J., Gao F. Optimal long-term contracting with learning // The Review of Financial Studies. – 2017. – Vol. 30. – No 6. – Pp. 2006–2065.
11. Hilscher J., Wilson M. Credit ratings and credit risk: Is one measure enough? // Management Science. – 2017. – Vol. 63. – No 10. – Pp. 3414–3437.
12. Hu Y., Varas F. A theory of zombie lending // The Journal of Finance. – 2021. – Vol. 76. – No 4. – Pp. 1813–1867.
13. Li G., Zhang C. Counterparty credit risk and derivatives pricing // Journal of Financial Economics. – 2019. – Vol. 134. – No 3. – Pp. 647–668.

14. Luo S., Murphy A. Understanding the exposure at default risk of commercial real estate construction and land development loans: Working paper. – FRB of Dallas Working Paper, 2020.
15. Nikolov B., Schmid L., Steri R. The sources of financing constraints // Journal of Financial Economics. – 2021. – Vol. 139. – No 2. – Pp. 478–501.
16. Nozawa Y. What drives the cross-section of credit spreads?: A variance decomposition approach // The Journal of Finance. – 2017. – Vol. 72. – No 5. – Pp. 2045–2072.
17. Rajan U., Seru A., Vig V. The failure of models that predict failure: Distance, incentives, and defaults // Journal of Financial Economics. – 2015. – Vol. 115. – No 2. – Pp. 237–260.
18. Stepankova B., Teply P. Consistency of banks' internal probability of default estimates: Empirical evidence from the COVID-19 crisis // Journal of Banking & Finance. – 2023. – No 154. – P. 106969.
19. Zhao J., Yang L. Usage and exposures at default of corporate credit lines-An empirical study. – 2019. – [Electronic source]. – URL: <https://www.moodysanalytics.com/articles/2019/usageand-exposures-at-default-of-corporate-credit-lines> (accessed 15.10.2024)

Regional economic policy instruments towards changing the quality of institutions: theoretical approach to analysis and implementation in the Russian Far East

Feoktistova Ksenia Igorevna □

Senior Lecturer; Department of Socio-Economic Research and Regional Development; Far Eastern Federal University

690042, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Severomorskaya str., 5, building 1, sq. 88

✉ feoktistova.ki@dvfu.ru

Abstract. To stimulate economic growth of the Russian Far East, in addition to "standard" regional policy instruments such as tax incentives, subsidies from the federal budget for infrastructure development, etc., also implement institutional programs. The aim is to change the rules and, consequently, patterns of economic agents' behavior in the region. The result of such programmes should be to solve the demographic problem of RFE, as well as attracting private investment in the development of the region. The intermediate result of institutional development programs is a certain-way-defined stimulus to economic agents, which in turn is difficult to measure and not obvious. In this article the theoretical premises are formulated, which ensure the effectiveness of planning and management of regional economic policy instruments aimed at changing the quality of institutions of the periphery. An empirical example of such a tool is the program of simplified privatization of land – "Far Eastern hectare" launched in 2016 for development of the Russian Far East. On its basis, an analysis has been carried out to explain the detected program implementation patterns in accordance with the given theoretical concepts. The statistical analysis of intermediate results, as well as a series of previous qualitative studies by the author explain the regularity of implementation of the program in accordance with the given theoretical concepts. In particular, the importance of municipal interests as an institutional component ensuring effective reform. The relevance of institutional approach to management of defined type of development programs of peripheries was justified. The current approach, based on formal indicators (number of "hectares" granted), does not account for the institutional characteristics of the territory. These features are manifested in the distorted incentives not only of development

participants, but of local performers.

Keywords: privatization, local governments, economic incentive, Far Eastern hectare, Russian Far East, development programme management, regional policy instruments, institutional changes, periphery, institutional features of the territory

References (transliterated)

1. Abramov A.E., Radygin A.D., Chernova M.I., Entov R.M. Gosudarstvennaya sobstvennost' i kharakteristiki effektivnosti // Voprosy ekonomiki. – 2017. – № 4. – S. 5-37. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-5-37> (data obrashcheniya: 05.12.2024).
2. Glushko I. V., Zueva T. M. Doverie kak resurs izmeneniya sotsial'nykh praktik i institutov sovremennoogo rossiiskogo obshchestva // ISOM. 2018. № 2-2. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-72-77> (data obrashcheniya: 05.08.2024).
3. Granberg, A. G. Osnovy regional'noi ekonomiki: ucheb. dlya vuzov / A. G. Granberg. – M.: GU VShE, 2000. 495 s. URL: <https://archive.org/details/130-177/A.G.Granberg.%20Osnovy%20regional'noi%20ekonomiki.%20Uchebnik%20dlya%20vuzov.%202-e%20izd/13-19/page/n5/mode/2up> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
4. Kisel'nikov A.A. Sub"ekty federatsii: upravlenie v period reform / A. A. Kisel'nikov; Otv. red. V. V. Kuleshov; Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t ekonomiki i org. prom. pr-va, Tsentrrosoyuz Ros. Federatsii. Sib. un-t potrebit. koop., GUP "Sib. analit. tsentr". – Novosibirsk: Sib. soglashenie, 2002. – 258 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000957232> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
5. Kovylyaev S.A., Skorobogatskii V.V. Neoinstitutsional'nyi podkhod k strategicheskomu sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu territorii: osnovnye polozheniya i perspektivy primeneniya // Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. 2021. № 4 (37). S. 109-117. URL: <https://econpapers.repec.org/article/rnpmncplt/m21413.htm> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
6. Leksin V.N., Gosudarstvo i regiony: Teoriya i praktika gos. regulirovaniya territor. razvitiya / V. N. Leksin, A. N. Shvetsov; Ros. fond pravovykh reform, Fond pravovykh problem federalizma i mest. samoupravleniya. – Moskva: URSS, 1997. – 372 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001786145> (data obrashcheniya: 02.12.2024).
7. Lazhentsev V.N. Prostranstvennaya ekonomika kak issledovatel'skaya programma (o knige P.A. Minakira, A.N. Dem'yanenko «Ocherki po prostranstvennoi ekonomike») // Prostranstvennaya ekonomika. 2015. № 2 S. 180-188. DOI: 10.14530/se.2015.2.180-188. URL: [https://www.semanticscholar.org/paper/Prostranstvennaya-ekonomika-kak-issledovatel'skaya-\(o-Nikolaevich/6057f29477d137bdf91c8a5c45f3e29c208874af](https://www.semanticscholar.org/paper/Prostranstvennaya-ekonomika-kak-issledovatel'skaya-(o-Nikolaevich/6057f29477d137bdf91c8a5c45f3e29c208874af) (data obrashcheniya: 19.12.2024).
8. Latkin A. P., Makievskaya Yu.Yu. Gosudarstvennye programmy razvitiya dal'nego vostoka: otsenka ikh realizatsii // Territoriya novykh vozmozhnostei. 2022. № 2. URL: DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/068-077> (data obrashcheniya: 20.05.2024).
9. Minakir, P. A. Dal'nevostochnye institutsional'nye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Tekst] / A.P. Minakir// Prostranstvennaya ekonomika. – 2019. – T. 15. № 1. – S. 7-17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017. URL: <http://spatial-economics.com/en/> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
10. Minakir P.A. Ekonomika regionov. Dal'nii Vostok / P.A. Minakir; otv. red. A.G. Granberg;

- Ros. akad. nauk, Dal'nevost. otd-nie, In-t ekon. issledovanii. – M. : ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 2006. – 848 s. URL: <http://ecrin.ru/publications/books/138-6/2006-opisanie-knig/945-minakir-p-a-2006> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
11. Razvitie ekonomiki Dal'nego Vostoka Rossii: effekty gosudarstvennoi politiki / otv. red. P.A. Minakir, S.N. Naiden; Institut ekonomiceskikh issledovanii Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. – Khabarovsk: IEI DVO RAN, 2021. – 208 s. URL: <http://ecrin.ru/publications/books-2021/1553> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
 12. Regional'naya ekonomiceskaya politika sub"ekta Federatsii: printsipy, formy i metody realizatsii / Marshalova A.S., Kovaleva G.D., Untura G.A. i dr./ pod red. A.S. Novoselova. – Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010. – 520 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004720587> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
 13. Renzin, O. M. Institutsional'nye paradigmы i regional'nye issledovaniya // Vlast' i upravlenie na Vostoche Rossii. 2011. № 4. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Institutsional'nye-paradigmы-i-regional'nye-Markovich/85e009a4c4b1da79efef644baf495460a7642c14> (data obrashcheniya: 04.06.2024).
 14. Ryzhova N. P., Zhuravskaya T. N. Ideya o chastnoi sobstvennosti i "real'nye" zakhvaty zemli // Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020. №1 (52). URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-1/_2020_1_31-40.pdf (data obrashcheniya: 13.12.2024).
 15. Tambovtsev, V. L. Institutsional'nye izmeneniya v ekonomike rossiiskikh regionov [Elektronnyi resurs]. Kollektivnaya monografiya / pod red. V.L. Tambovtseva. – Moskva: TEIS, 2013. – 236 s. – ISBN 978-5-7218-1329-0. – Tekst : elektronnyi. URL: <https://znanium.com/catalog/product/534175> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
 16. Todaro M.N. Ekonomicheskoe razvitiye. Uchebnik. M., MGU, 1997. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001772225> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
 17. Feoktistova, K. I., Zhuravskaya, T. N. (2023). Kak rabotaet programma «Dal'nevostochnyi gektar»: vliyanie stimulov ispolnitelei. Ekonomika regiona, 19(4), 1033-1047. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-7>.
 18. Feoktistova K.I. Privatizatsiya «Dal'nevostochnykh gektarov»: pochemu (ne) osvaivat'? // Regionalistika. 2021. T. 8. № 3. S. 32-48. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.3.32> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 19. Yarovoi, G. O. Evropeiskii soyuz dlya regionov: chto mozhno i nuzhno znat' rossiiskim regionam o ES / G. O. Yarovoi, E. V. Belokurova. – SPb. : Norma, 2012. – 367 s. URL: https://www.researchgate.net/publication/272495346_Evropejskij_Souz_dla_regionov_c_to_mozno_i_nuzno_znat_rossiiskim_regionam_o_ES (data obrashcheniya: 10.11.2024).
 20. Alston, L. J., Harris, E., & Mueller, B. (2012). The Development of Property Rights on Frontiers: Endowments, Norms, and Politics. The Journal of Economic History, 72(3), 741-770. URL: <http://www.jstor.org/stable/23254942> (P. 742) (data obrashcheniya: 02.03.2024).
 21. Alston, L. Property Rights and the State / L. Alston, B. Mueller // Handbook of New Institutional Economics, 2005. pp. 573-591. URL: https://doi.org/10.1007/0-387-25092-1_23 (data obrashcheniya: 25.04.2024).
 22. Alston, L. Towards a More Evolutionary Theory of Property Rights / L. Alston, B. Mueller // Iowa Law Review. December 20, 2015. – Vol. 100, No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3091290> (data obrashcheniya: 02.04.2024).
 23. Brakatz, J. Cites for all: Recent experience with neighborhood updating programs / J. Brakatz, M. Greene, E. Rojas, Inter-American Development Bank, 2002. – 135 p. URL:

- <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Cities-for-All-Recent-Experiences-with-Neighborhood-Upgrading-Programs.pdf> (data obrashcheniya: 27.01.2024).
24. Cantuarias, F. 2000. Peru's Urban Land Titling Program / F. Cantuarias // Scaling Up Poverty Reduction: A Global Learning Process and Conference. – 2000. URL: http://web.worldbank.org/archive/website00819C/WEB/PDF/PERU_LAN.PDF (data obrashcheniya: 29.11.2024).
 25. Dye A., La Croix, S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810-1850: A Puzzle. *The Journal of Economic History*, 2013. URL: <https://www.jstor.org/stable/24551007> (data obrashcheniya: 26.01.2024).
 26. Marschak J., Radner R. Economic Theory of Teams. New Haven. – London: Yale University Press, 1972. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/recherches-economiques-de-louvain-louvain-economic-review/article/abs/j-marschak-and-r-radner-economic-theory-of-teams-cowles-foundation-for-research-in-economics-monograph-22-new-haven-and-london-yale-university-press-1972-x-p-345-p-695/3D3663D61A762CFBE61031C346AC0C30> (data obrashcheniya: 30.11.2024).
 27. Murtazashvili, I. The Political Economy of the American Frontier (Political Economy of Institutions and Decisions) / I. Murtazashvili. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 304 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/political-economy-of-the-american-frontier/claim-clubs-and-local-politics/9B4ED1CE29A3D50289D1F0017BA71158> (data obrashcheniya: 30.11.2024).
 28. Ostrom E., et al. Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges // *Science* 284, 278 (1999). URL: https://www.academia.edu/105502585/Revisiting_the_Commons_Local_Lessons_Global_Challenges (data obrashcheniya: 30.11.2024).
 29. Ozsoy, O., Yavilioğlu, C. (2007). Assessment of Privatization in Turkey. *SSRN Electronic Journal*. 10.2139/ssrn.1112988. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1112988 (data obrashcheniya: 18.12.2024).
 30. Soto, H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else / H. Soto. – Basic Books, New York, 2000. – 288 p. URL: https://www.academia.edu/8410326/The_Mystery_of_Capital_Why_Capitalism_Triumphs_in_the_West_and_Fails_Everywhere_Else_by_Hernando_De_Soto (data obrashcheniya: 30.11.2024).
 31. Panaritis, E. Prosperity Unbound: Building Property Markets With Trust / E. Panaritis. – Palgrave Macmillan, 2007. – 182 p. URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9780230596221> (data obrashcheniya: 18.12.2024).
 32. Pi J. C., Zhang P. Q. Privatization and wage inequality in developing countries // *International Review of Economics & Finance*. – 2018. – T. 58. – C. 594-603. URL: https://econpapers.repec.org/article/eeereveco/v_3a58_3ay_3a2018_3ai_3ac_3ap_3a59_4-603.htm (data obrashcheniya: 18.12.2024).